РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Ф. Касаткина (Москва). Русский язык ищет артикль 3

О.Е. Пекелис (Москва). Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных) 10

Д.М. Савинов (Москва). О причинах эволюции систем предударного вокализма в южнорусских говорах 45

Н.М. Стойнова (Москва). Рефактив: Типологические данные 61

Д.С. Ганенков (Москва). Инфинитив в даргинском языке и типология контроля 93

А.К. Казкенова, Р.У. Арзиев (Алматы). К вопросу о грамматическом освоении глаголов с заимствованной основой в разноструктурных языках (на материале русского и уйгурского языков) 109

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Н.В. Сердобольская (Москва). *Е.Л. Рудницкая*. Спорные вопросы корейской грамматики: Теоретические проблемы и методы их решения. М.: Восточная литература, 2010 119

М.А. Живлов (Москва). *C. Hasselblatt, P. Houtzagers, R. van Pareren* (eds.). Language contact in times of globalization. Amsterdam: Rodopi, 2011 125

А.Н. Баранов (Москва). *A. Naciscione*. Stylistic use of phrasеological units in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2010 129

И.Б. Иткин (Москва). *M. Malzahn*. The Tocharian verbal system. Leiden: Brill, 2010 130

В.А. Панов (Москва). *S. Van Laer*. La préverbation en latin: étude des préverbes *ad-*, *in-*, *ob-*, et *per-* dans la poésie républicaine et augustéenne. Bruxelles: Latomus, 2010 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, Е.И. Никитина (Москва). Научная история Виноградовских чтений в МГУ 1999–2011 гг. 142

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, И.И. Казанский, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.И. Подлесская, В.А. Плунгян* (отв. секретарь), *Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *И.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2012 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

© 2012 г. Р.Ф. КАСАТКИНА

РУССКИЙ ЯЗЫК ИЩЕТ АРТИКЛЬ

В русском языке и его диалектах на дискурсивном уровне происходит апробация разных лексических и просодических средств для выражения категории определенности / неопределенности. На лексическом уровне в роли определенного артикля наиболее часто выступает указательное местоимение *этот*. В этом отношении русский литературный язык и большинство русских говоров типологически противопоставлены юго-западным русским говорам и украинскому языку, где в той же роли используется указательное местоимение *тот*.

Данные, полученные в последнее время, свидетельствуют о том, что и в русском литературном дискурсе наблюдаются случаи вытеснения местоимения *этот* в роли определенного артикля местоимением *тот*.

В русском литературном языке категория определенности / неопределенности реализуется преимущественно различными «неартиклевыми» средствами – лексическими (прилагательными с семантикой «тот самый», в некоторых случаях имеющими пейоративную окраску, некоторыми местоимениями и частицами, числительным *один*). В устной речи обсуждаемая категория может реализоваться с помощью акцентно-просодических средств, см. [Николаева 1979].

Так, например, в устной русской речи одним из способов выражения о п р е д е л е н н о с т и с у б ъ е к т а служит акцентное выделение (проминентность, фокусирование) тех или иных участков текста. Фокусирование р е м ы в русском языке соответствует о п р е д е л е н н о м у артиклю в тех языках, где эта категория имеется. И наоборот: акцентное выделение темы соответствует н е о п р е д е л е н н о м у артиклю. Ср., например, два устных высказывания, различающихся размещением тонального акцента: *Студентка* ***пришла́*** и ***Студе́нтка*** *пришла*[1]. В первом случае акцентное выделение ремы ***пришла*** сообщает о том, что известный ожидаемый персонаж прибыл. В «артиклевых» языках соответствующая лексема сопровождалась бы определенным артиклем (*the*, *la*, *die*...). Во втором случае акцентирована тема -- ***студентка***, и тем самым сообщается, что пришла *некая*, *какая-то*, *одна* (*a*, *une*, *eine*...) студентка. Здесь мы сталкиваемся с некоторым лингвистическим парадоксом: тональной проминентностью маркируется неопределенное, в то время как определенное остается безакцентным.

В качестве определенного квазиартикля обычно используются прилагательные со значением «тот самый»: *пресловутый*, *нашумевший*, *небезызвестный*, *хваленый*, а также *знаменитый* и *известный*, получающие в такой ситуации пейоративную окраску, ср. примеры[2]: *Вода подо мной, такая черная, еще чернее, чернее черного, и от этого, что ли, такая маленькая, как люк, как* ***пресловутый*** *квадрат Малевича, про который я еще ничего не знаю* (А. Битов. Дежа вю); ***Пресловутый*** *сосновый бор вокруг Грюнвальдского озера мы посещали редко* (В. Набоков. Другие берега); *В это время появился* ***нашумевший*** *сборник «Вехи»* (Н. Бердяев. Автобиография); *Так все женятся, так и я женился, и начался* ***хваленый*** *медовый месяц* (Л. Толстой. Крейцерова соната); ***Небе-***

[1] Знаком ˝ над ударным гласным обозначается фразовый акцент.

[2] Примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

зызвестный *закон Мерфи гласит...* (Б. Мурадов. Трагикомическая одиссея); *«Дышите глубже, вы взволнованы», – советовал своим друзьям* ***небезызвестный*** *Остап Бендер* (В. Леви. Искусство быть собой).

Я стал его рассматривать, и что же? · мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом – число того дня, когда она подняла ***знаменитый*** *стакан* (М. Лермонтов. Княжна Мери); ***Знаменитый*** *мольеровский герой не знал, что говорит прозой* (Г. Горин. Иронические мемуары); *Утром следующего дня пошли на* ***знаменитый*** *Привоз* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света); *Закон штата Калифорния похож на* ***знаменитый*** *закон американской торговли: Pedestrian is always right (Пешеход всегда прав)* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); *Вы знаете* ***знаменитый*** *вопрос, который задали Максу Планку, создателю теории квантов: «Каким образом вы убедили людей в том, что кванты существуют?»* (Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке).

Оставалось очень немного наследства, именно пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, <...> и уже ***известный*** *читателю капот* (Н. Гоголь. Шинель); *А как вы оттолкнете от воображения* ***известный*** *величаво-прекрасный образ?* (И. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете); *В Париже, например, каждый год в* ***известный*** *сезон являются на сцене Корнель, Расин, Мольер* (И. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене); *Чтобы знать сплетни, надо все-таки иметь к ним* ***известный*** *интерес* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света); *Это* ***известный*** *трюк: говори женщине, что она помолодела* (И. Грекова. Летом в городе); *Нашей энергии дается* ***известное*** *задание,* ***известный*** *ход - и вдруг это задание меняется* (Ю. Тынянов. Об основах жизни).

В названии пьесы Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» определение *тот самый* может быть заменено одним из членов синонимического ряда *пресловутый, знаменитый, известный, небезызвестный...*

Притяжательные местоимения ***мой***, ***наш***, вовлеченные в отношения дейксиса, см. [Виноградов 1990б: 228], также могут использоваться для выражения категории определенности, ср. примеры: *Так рассуждал – и начал* ***мой*** *певец: И песнью он зарю вечерню величает* (И. Крылов. Соловьи); *И слышу: кумушка* ***моя*** *С печи тихохонько слезает* (А. Пушкин. Гусар); *Не плачь,* ***мой*** *певец одинокой, Покуда кипит в тебе кровь* (А. Апухтин); *...****наш*** *герой, с своей стороны, почувствовав нечто вроде восторга, затопал ножонками, как будто желая таким образом аплодировать молодецкой пожарной работе* (Ф. Достоевский. Господин Прохарчин); *В сутолоке теней достиг* ***наш*** *герой проспекта Кунгестарте* (С. Довлатов. Иная жизнь); ***Наш*** *герой честный человек по сути, но по форме он жулик* (Э. Рязанов. Подведенные итоги).

Во всех этих случаях местоимения 1-го лица выражают не посессивность, а определенность, т. е. в каком-то смысле можно сказать, что они выступают в роли определенного артикля. Некоторая лакуна в системе языка – отсутствие грамматически полноправного определенного артикля – способствует использованию в этой функции притяжательных местоимений. В устной речи значение посессивности упомянутым местоимениям может быть возвращено с помощью их а к ц е н т и р о в а н и я, ср. *мой* ***пе-вёц***, *наш* ***геро́й***, где притяжательные местоимения, будучи безакцентными, выступают в роли артикля, и ***мо́й*** *певец*, ***на́ш*** *герой*, где эти местоимения, отмеченные тональным акцентом, используются в своем основном значении – посессивности.

Потенциально в функции определенного артикля могли бы выступать указательные местоимения *тот – этот*, находящиеся между собой в отношениях бинарной оппозиции дальний / ближний дейксис. Именно к дейктическим местоимениям генетически восходят определенные артикли в тех языках, где имеется грамматическая категория артиклей, см. [Виноградов 1990а: 46].

Раньше в нашей работе было показано, что в «безартиклевых» славянских языках, в том числе и в русском, возможно существование лексического выражения категории определенности / неопределенности на дограмматическом, дискурсивном уровне [Касаткина 2008]. В этих языках в роли определенного квазиартикля обычно выступают дейктические местоимения, а в роли неопределенного артикля – числительное *один*.

В качестве рабочего термина для обозначения этих лексем нами был введен термин «предартикли»[3] [Там же: 305].

В разных славянских языках представлены разные степени приближенности к артиклевому состоянию. Так, в украинском, польском, чешском, словацком языках и их диалектах употребление предартиклей на текстовом уровне высоко развито. В украинском языке в этой роли выступают местоимения *той*, *тая*, *тое*..., *отій*, *ота*, *ото* [Богородицкий 1935: 116–117; Матвияс 1962: 109-111], в польском, словацком языках – *ten*, *ta*, *to*, в чешском языке – *ten*, *ta*, *to* и *tento*, *tato*..., *tenhle*, *tahle*... [Головачева 1979].

О ситуации в польском языке свидетельствуют многочисленные публикации, см., например [Boguslawski 1982; 1986; 1988; Topolińska 1976; 1981; Wierzbicka 1972] и др.[4] В работах А. Богуславского приводятся результаты выявления соответствий между польским местоимением *ten*, английскими лексемами *this* и *the* и немецкими *dieser* и *der*. Сама возможность перевода польского *ten* как английского *the* или немецкого *der* имплицитно представляет «артиклевую» семантику обсуждаемого дейктического местоимения.

В фундаментальном исследовании, посвященном употреблению указательных местоимений в польских и русских текстах [Fontański 1986], автор на основании представительных статистических данных приходит к выводу о том, что в польских текстах анафорические указательные местоимения употребляются значительно чаще, чем в соответствующих русских текстах, однако функциональных различий между ними не обнаруживает [Там же: 250].

В текстах на украинском языке также частотны указательные местоимения. При этом в роли дискурсивного «предартикля» выступает местоимение *той*, *та*, *то* (дальний дейксис). Приведем несколько примеров из писем жительницы Киева[5], иллюстрирующих дискурсивную функцию предартикля *той*, *то*, *та*: *Тільки печально, Валечка, що ти пережила таке лихо, я уявляю, як це страшно лягати на* ***той*** *холодний стіл, і підходять до тебе* ***оті*** *хірурги з ножами, я це пережила два рази*; *Толя з* ***тим*** *хозяйством своєм*; *Шчоб він приїхав, узяв би* ***ту*** *кровать деревьяну*; *Тепер Саша* ***той*** *хотів купити поросят*; *Одного дня вичистила від поросяти, везу* ***ту*** *тачку*; *Кидали каминьями, палицями и* ***тою*** *зброєю, хто чім міг, бідна* ***та*** *міліція*[6]; *А дітям* ***тим*** *більше не має возможності їздити.*

В русском языке в роли определенного артикля обычно употребляется местоимение, относящееся к б л и ж н е м у дейксису: *этот*, *эта*, *это*, *эти*. Ср. примеры: *Сейчас отдать я рада Всю* ***эту*** *ветошь маскарада, Весь* ***этот*** *блеск, и шум, и чад За полку книг, за дикий сад...*; *А мне, Онегин, пышность* ***эта***, *Постылой жизни мишура, <...> Что в них?* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Ну, да и женился он по любви, а из* ***этих*** *из любовных свадеб ничего путного никогда не выходит, – прибавила старушка* (И. Тургенев. Дворянское гнездо); *«Что за прелесть* ***эта*** *Наташа!»* (Л. Толстой. Война и мир); *И писать не о чем в письмах, жизнь истощилась, ничто не интересно в* ***этой*** *Ялте* (А. Чехов. Письмо О.Л. Книппер); *А один* [рассказ] *был о поездах, и в нем Мартын нашел все, что любил – телеграфные столбы, обрывающие взлет проводов, вагон-ресторан,* ***эти*** *бутылки минеральной воды, с любопытством глядящие в окно на пролетающие деревья,* ***этих*** *лакеев с сумасшедшими глазами,* ***эту*** *карликовую кухню, где потный повар в белом колпаке, шатаясь, панирует рыбу* (В. Набоков. Подвиг); *Так или иначе,* ***эти*** *вечные зеркала как символ вожделенной роскоши и дурного вкуса и вечные* ***эти*** *долги стали приметой всей его* [Бальзака] *жизни* (Б. Носик. Прогулки по Парижу. Правый берег); *В* ***этом*** *городе сонном Вы вечно мечтали О балах, о пажах, вереницах карет...* (А. Вертинский); ***Это*** *сладкое слово «свобода»*; *Как они хороши,* ***эти*** *прохладные ночи и теплые солнечные дни августа!*; *Что за прелесть* ***эти*** *украинские народные песни!*

---

[3] И.И. Ревзин использует для того же явления термин «местоимение-артикль» [Ревзин 1973: 122].

[4] Автор благодарит д-ра С. Гжибовского за материалы о польском языке.

[5] Материал писем на украинском языке был любезно предоставлен автору Еленой Стадник-Хольцер (Германия).

[6] Из рассказа очевидца о событиях «оранжевой революции» в Киеве.

В приведенных фрагментах записей местоимение *этот*, не будучи связанным с каким-либо антецедентом, эксплицитно представленным в предшествующем тексте, выступает в функции, которая в других языках передается определенным артиклем. Во всех приведенных примерах местоимение *этот* лишено как анафорического, так и дейктического значения.

Многочисленные примеры использования этого дейктического местоимения в функции определенного артикля отмечены нами и в современной спонтанной речи, ср. например: *Дворник подметал метлой двор. Тогда еще были* ***эти*** *метлы, а не новомодные приспособления для уборки*; *Я показала паспорт. Он* [милиционер] *у меня списал* ***эти*** *паспортные данные и отошел*; *Ох, уж* ***эти*** *мне романтики!*

Заметим, что в первых двух примерах (***эти*** *метлы*, ***эти*** *паспортные данные*) в устной реализации местоимение *эти* может быть либо артиклевым, либо указательным – в зависимости от акцентного оформления высказывания: при потенциально возможном акцентировании местоимения реализуется дейксис, при безакцентности – определенность. Можно сказать, что указательные местоимения, подобно рассмотренным выше посессивным, в своем основном значении (дейксиса) акцентогенны, в то время как в функции определенного артикля они безакцентны.

Впервые на существование артиклевой функции местоимения *этот* в русском литературном языке обратил внимание И.И. Ревзин, по словам которого в русском языке местоимение «…*этот* начинает употребляться в генерализующей функции, т. е. в значении, которое в ряде языков передается определенным членом и, как правило, только им. Все разнообразные проявления этого <…> значения можно объединить одним единым процессом: переходом из текста в систему языка, из синтагматики в парадигматику» [Ревзин 1973: 130].

И.И. Ревзин намечает несколько этапов в развитии процесса «артиклизации» указательного местоимения: первым этапом можно считать значение определенности, возникающее в связи с тем, что некоторое понятие предполагается всем предыдущим текстом. Вторым этапом является значение определенности, предполагающее некоторый другой текст, данному тексту предшествующий. «Третьим этапом является значение определенности, предполагающее не некоторый конкретный текст, а неопределенное множество текстов, устанавливающих одинаковую оценку соответствующих объектов говорящим и слушающим» [Там же: 127].

Такое же положение наблюдается и во многих региональных говорах русского языка, о чем свидетельствуют результаты анализа больших корпусов устных диалектных текстов. Анализ примеров, выбранных из диалектных записей, показал, что русское диалектное пространство в обсуждаемом отношении делится на два основных ареала: юго-западные говоры противостоят всему остальному русскому диалектному ареалу. В них в роли местоимения-артикля (предартикля) выступают лексемы *той*, *тая*, *тое*… или *тот-то*, *та-то*, *то-то* (дальний дейксис). В остальных русских говорах так же, как и в русском литературном языке, в этой функции используется местоимение *этот*, *эта*, *это*, *эти*, относящееся к ближнему дейксису.

Примеры, выбранные из диалектных записей, свидетельствуют о том, что употребление в них местоимения-артикля соответствует разным этапам становления «артиклевого состояния» в соответствующем идиоме, нередко опережая в этом отношении систему литературного языка. Их распределение говорит о том, что многие русские диалектные системы, относящиеся к юго-западному ареалу, типологически сближаются с системой украинского языка. Эти идиомы объединены одной общей изоглоссой, начинающейся на территории юго-западных говоров русского языка.

Употребление местоимения *тот*, *та*, *то*, *те* в роли определенного артикля в литературном русском языке до настоящего времени отмечалось крайне редко. Однако единичные примеры такого рода находим в художественной литературе, например: *При счастье все дружатся с нами, При горе нет уж* ***тех*** *друзей* (П. Беранже в переводе В. Курочкина). Согласно нашим наблюдениям, в текстах Н.В. Гоголя это местоимение встречается более часто, чем у других русских писателей. Такое употребление место-

имения ***тот***, ***та***, ***то*** может восприниматься русскими читателями как украинская черта. Ср., например, диалог двух крестьян в начале «Мертвых душ»: *«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет* ***то*** *колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой* (Н. Гоголь. Мертвые души). В этом случае, как и в других подобных, нормативным для русского языка было бы употребление местоимения *это*. Можно сказать, что появление в тексте Н.В. Гоголя местоимения ***то*** вместо ***это*** – это своего рода визитная карточка писателя, малороссиянина по происхождению, предъявленная читателю на первой же странице романа.

Указательные местоимения ***тот***, ***та***, ***то***, ***те*** в русском литературном языке в норме могут употребляться в сочетании с определительными придаточными предложениями по моделям: *тот, который...*, *тот, кто...* и т. п., например: «*Скажи, которая Татьяна?» – Да* ***та***, ***которая*** *грустна И молчалива, как Светлана...* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Я* ***тот***, ***кого*** *никто не любит...*(М. Лермонтов. Демон).

Можно привести многочисленные примеры такого рода из современной спонтанной или квазиспонтанной речи (из радиопередач): *Мы говорим о* ***тех*** *случаях,* ***когда*** *речь идет о бизнесе*; *Он должен оглядываться на* ***тех***, ***от кого*** *зависит его судьба*; ***Те***, ***кто*** *постарше, поедут в другом автобусе*; ***Те*** *причины,* ***о которых*** *было сказано выше, продолжают быть актуальными и сегодня.* Множество подобных примеров можно привести из художественной литературы: *По морской линии в предках у него был генерал Сенявин,* ***тот***, ***который*** *кильватерную колонну выдумал* (Д. Гранин. Зубр); *Иногда приходил помогать* ***тот***, ***который*** *встречал, целовал маме руки* (И. Грекова. Перелом); *Она всегда ухитрялась всучить тебе не* ***ту*** *книгу,* ***которую*** *ты сам хочешь взять, а* ***ту***, ***которую*** *она хочет тебе дать* (Ф. Искандер. Мученики сцены).

Наши наблюдения над спонтанной речью показывают, что в современном узусе становится возможным эллипсис придаточного предложения при местоимении ***тот***, ***та***..., например из радиопередач: *Если вспомним* ***те*** *катастрофы, то иначе оценим итоги 2009 года*; *Решая все* ***те*** *задачи, мы будем продвигаться вперед*; *Здесь-то и заложены* ***те*** *требования*; *Я поддерживаю* ***те*** *последние шаги Иванова*; *Это и есть* ***тот*** *подлинный, живой народный танец*; *Это один из факторов, который затруднит* ***ту*** *интеграцию*; *В результате* ***тот*** *слой мелких собственников, торговцев, лавочников, он в общем не проголосовал за СПС, он не пришел на выборы*; *Все это примеры* ***той*** *коррумпированности,* ***той*** *бесконтрольности, и мы не должны с этим мириться*; *Вчера, в связи с* ***той*** *поднятой шумихой...*; *Это был год конца социалистической империи, во всяком случае в* ***той*** *восточной ее части*; *Это есть в* ***тех*** *немногих сохранившихся письмах его*; *Он видит в ней* ***ту*** *немыслимую глубину* (из лекции Т. Касаткиной о Достоевском в проекте ТВ Academia). Можно также привести яркий пример из телевизионного интервью тренера по фигурному катанию Е. Чайковской: «*Видишь, что у спортсмена нет* ***того*** *желания, нет* ***того*** *задора, и отказываешься с ним работать*».

Эти и подобные им высказывания узуальны, они пока находятся за пределами нормы, однако фиксация подобных «речевых неправильностей» представляется делом необходимым, поскольку эти «неправильности» отражают некие скрытые процессы, которые со временем могут выйти на поверхность и привести к смене ряда современных норм. Ср. по этому поводу мнение Л.П. Крысина: «Устно-разговорная, спонтанная речь, <...> во многих случаях является показателем определенных точек роста в языковом развитии, в преодолении системных “запретов” и в обновлении языковой нормы» [Крысин 2010: 24].

В последнее десятилетие в речи молодежи отмечаются многочисленные случаи использования плеонастического ***то*** в таких конструкциях, как: *Я думаю* ***то***, ***что***...; *Мне кажется* ***то***, ***что***...; *Он говорил* ***то***, ***что*** *не сможет поехать с нами*. Эти случаи гиперкорректного использования местоимения, с нашей точки зрения, связаны с возникшей неустойчивостью статуса местоимения *тот*, *то*, *та*, *те*, с формированием его новой – «артиклевой» функции.

Отмеченная возможность использования в роли предартикля местоимения *тот*, *та*, *то*, *те*, хотя и на дискурсивном уровне, до сих пор не привлекала внимания исследователей.

В русском литературном языке в некоторых случаях имеются также и лексически выраженные соответствия неопределенному артиклю. Так, например, функции местоимений *некий*, *некоторый*, *какой-то*, а также числительного *один* в отдельных дискурсивных ситуациях неотличимы от функций неопределенного артикля, ср. по этому поводу мнение Т.В. Цивьян: «Русский язык обладает формальными ресурсами, соответствующими неопределенному артиклю: лексемы *один*, *некоторый* в принципе достаточны для введения терма» [Цивьян 1979: 344].

Впервые на артиклевую роль числительного *один* в русском языке обратила внимание Т.М. Николаева [Николаева 1979].

Ср., например: *Жил да был* ***один*** *король, Где, когда – нам неизвестно* (*Догадаться сам изволь*) (П. Беранже в переводе В. Курочкина); ***Один*** *солдат на свете жил, Красивый и отважный...* (Б. Окуджава).

Большинство русских диалектов в этом отношении не представляют отличий от литературного языка. В таких высказываниях, как ***Один*** *раз пошла я в лес* или *На краю деревни жила* ***одна*** *старушка*, лексемы *один*, *одна* выступают в роли неопределенного артикля в говорах точно так же, как и в литературном языке. Однако в случаях длительного абсолютного контакта русских диалектов с артиклевыми языками значение неопределенного артикля за лексемой *один* может закрепиться и грамматически, т.е. стать обязательным[7]. Такая валоризация статуса неопределенного артикля произошла, например, в говорах липован (русских старообрядцев), проживающих в Румынии и Болгарии в течение длительного времени [Касаткин и др. 2004]. Среди наших магнитофонных записей речи липован имеются следующие примеры: *Он как* ***один*** *дохтур*; *Жила я как* ***один*** *мученик*; *И отдали ее в* ***один*** *монастырь*; *Господь дал ей как* ***одну*** *явление*; *Это* ***один*** *зверь, а не человек!*; *Не гони меня, как* ***одну*** *собаку*; *Вот я возьму* ***один*** *топор и ударю*. Примеры из записей речи так называемых турчан[8] в штате Орегон (США): *А пускай подымут* ***один*** *палец, у кого турки кого обидели!*; *Я тут выкопал* ***одну*** *ямку*; *Нам* ***один*** *слуга надо*.

Подобные явления известны и в других славянских диалектах, находящихся в ситуации длительного абсолютного контакта с «артиклевыми» языками, например, на территории Италии, см. об этом [Breu 2003; 2008].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что русский язык находится в состоянии поиска артикля. Об этом свидетельствуют разные способы выражения категории определенности / неопределенности, сосуществующие в современном русском узусе.

1. Дейктическое местоимение ***этот*** в роли определенного «местоимения-артикля» используется на восточной территории славянского мира (в русском литературном языке и в диалектах восточной части Европейской территории России).

2. Дейктическое местоимение ***тот*** в роли определенного «местоимения-артикля» отмечается на компактной территории славянского мира (в юго-западных русских говорах и в украинском языке).

3. В русском языке (на дискурсивном уровне) наблюдается зарождающаяся тенденция к замене в указанной функции местоимения ***этот*** местоимением ***тот***.

4. Для выражения категории определенности / неопределенности используются также просодические средства.

5. В некоторых диалектах русского языка, находящихся в длительном абсолютном контакте с «артиклевыми» языками, отмечается валоризация (грамматикализация) числительного *один* в функции неопределенного артикля.

---

[7] См. об этом [Крамский 1963: 17].

[8] *Турчане* – выходцы из Турции, старообрядцы южнорусского происхождения, ныне проживающие в североамериканском штате Орегон, см. [Morris 1991].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богородицкий 1935 – *В.А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935.

Виноградов 1990а – *В.А. Виноградов*. Артикль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Виноградов 1990б – *В.А. Виноградов*. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Головачева 1979 – *А.В. Головачева*. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Касаткин и др. 2004 – *Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, Т.Б. Юмсунова*. Некоторые диалектные особенности языка липован – русских старообрядцев Нижнего Дуная // Zentrum und Peripherie in den slavischen und baltischen Sprachen und Literaturen: Festschrift zum 70. Geburstag von J.P. Locher / R. Hodel (Hrsg.). Slavica Helvetica. Bd. 71. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien, 2004.

Касаткина 2008 – *Р.Ф. Касаткина*. Артикли, предартикли и псевдоартикли в славянских языках // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. М., 2008.

Крамский 1963 – *И. Крамский*. К проблеме артикля // ВЯ. 1963. № 4.

Крысин 2010 – *Л.П. Крысин*. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык: Система – Норма – Узус. М., 2010.

Матвияс 1962 – *И.Г. Матвияс*. Синтаксис займенників в українскоі мові. Київ, 1962.

Николаева 1979 – *Т.М. Николаева*. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Ревзин 1973 – *И.И. Ревзин*. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Цивьян 1979 – *Т.В. Цивьян*. Категория определенности-неопределенности в структуре волшебной сказки (на материале албанской сказки) // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Boguslawski 1982 – *A. Boguslawski*. Semantic and pragmatic aspects of reference // Selected problems. Linguistische Studien. Reihe A. 91/I. Berlin, 1982.

Boguslawski 1986 – *A. Boguslawski*. Know if and know that // Linguistics. Festschrift for Jacob L. Mey. Odense, 1986.

Boguslawski 1988 – *A. Boguslawski*. To jest // Rozprawy komisii językowej Łódskiego towarzystwa naukowego. T. XXXIV. 1988.

Breu 2003 – *W. Breu*. Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt // H. Kusse (Hrsg.). Slavistische Linguistik 2001. München, 2003.

Breu 2008 – *W. Breu*. Развитие систем артиклей в славянских микроязыках в абсолютном языковом контакте // Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008. München, 2008.

Fontański 1986 – *H. Fontański*. Anaforyczne przymiolniki wskazujące w języku polskim i rosyjskim: Problem użycia. Katowice, 1986.

Morris 1991 – *R. Morris*. Old Russian ways: Cultural variations among three Russian groups in Oregon. New York, 1991.

Topolińska 1976 – *Z. Topolińska*. Wyznaczoność (tj. charakterystyka referencyjna) grupy imiennej w tekście polskim // Polonica II. 1976.

Topolińska 1981 – *Z. Topolińska*. Remarks on the Slavic noun phrase. Wrocław, 1981.

Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. Semantic primitives. Frankfurt am Main, 1972.

Сведения об авторе:

Розалия Францевна Касаткина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
rolekas@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

© 2012 г. О.Е. ПЕКЕЛИС

ДВУХМЕСТНЫЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ: ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА (на основе корпусных данных)

В статье предпринята попытка последовательного изучения четырех наиболее частотных в русском языке двухместных сочинительных союзов: *и...и...*, *ни...ни...*, *или...или...* и *то...то...* Синтаксические и частные семантические свойства союзов объяснены исходя из общих семантических особенностей двухместного сочинения, сформулированных в [Haspelmath 2007]. Сопоставление двухместных союзов с их одноместными аналогами позволило, кроме того, сделать вывод о семантической природе оппозиции *двухместного vs. одноместного сочинения*.

0. ВВЕДЕНИЕ

Объект нашего исследования – двухместные сочинительные союзы в русском языке[1]. *Двухместным* (или *двойным*) мы называем союз, части которого помещены перед каждым сочиняемым элементом (*конъюнктом*). Анализ ведется на материале четырех наиболее употребительных двухместных союзов – *и...и...*, *ни...ни...*, *или...или...* и *то... то...* Данные союзы рассмотрены сами по себе и в сопоставлении с *одноместными* союзами *и*, *или* и др.

Сочинение посредством двухместного союза – типологически распространенное явление, имеющее в европейских языках общие семантические свойства [Haspelmath 2007: 15]. Работ, посвященных системному анализу двухместных союзов и их сопоставлению с одноместными, нам неизвестно (по крайней мере, применительно к русскому языку). Между тем представляется важным: систематизировать синтаксические и семантические свойства двухместных союзов; выявить взаимосвязи между первыми и вторыми свойствами; сопоставив двухместный союз с одноместным, определить факторы, задающие оппозицию *двухместного vs. одноместного* сочинения.

Пояснения требует выбор терминов «двухместный» и «одноместный»[2]. В академической грамматике [РГ 1980, II: § 1680] *двухместным* назван союз, имеющий ровно два компонента (вроде *как... так и*), а рассматриваемые нами союзы *и...и*, *или...или* и др. обозначены как *неодноместные*, поскольку они могут повторяться в предложении неограниченное число раз. Противопоставление терминов «двухместный» и «одноместный» (так, как оно введено выше в настоящей статье) может показаться неудачным еще и потому, что не только «двухместные», но и «одноместные» союзы могут повторяться в одном предложении два и более раз. Ср. примеры с «двухместным» и «одноместным» союзом соответственно:

(1) ***И*** *костюмы,* ***и*** *говор,* ***и*** *игры,* ***и*** *фольклорные песни – всё позволяет отнести его к народному театру (не по форме, а по сути)* [Классика на школьной сцене (2004) // «Народное творчество»];

(2) *Я уже и сама забывала, что* ***и*** *где* ***и*** *когда* [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (2005)].

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 10-06-00338а).

[2] В отечественной лингвистике применительно к русскому языку имеется традиция еще одной терминологии: «парный союз».

Однако главное формальное отличие между тем, что мы называем «двухместным» союзом, и тем, что называем «одноместным», состоит в наличии **не менее двух** союзных показателей в первом и **не менее одного** показателя во втором случае. Данное противопоставление «двух» и «одного» («мест», занимаемых союзом в сочинительной конструкции) как раз и отражено в наших терминах. Что же касается разграничения двухместных союзов и неодноместных согласно [РГ 1980] (союзы типа *как...так и* и *и...и...* соответственно), то мы отвлекаемся от этого разграничения как нерелевантного в контексте настоящей статьи. Отметим, тем не менее, что предлагаемые в статье выводы не приложимы безоговорочно к союзам типа *как... так и* (имеющим ровно два показателя), так как сделаны эти выводы на материале союзов *и...и* и под. (имеющих два и более показателей).

Скажем коротко о понимании понятия «сочинение», из которого мы исходим в данной работе. Несмотря на общеупотребительность этого фундаментального понятия, единого подхода к его трактовке не существует. Позволим себе изложить собственную точку зрения в самом общем виде, ограничиваясь лишь теми моментами, которые касаются последующего изложения.

Мы понимаем «сочинение» преимущественно в синтаксическом ключе и в духе [Белошапкова 1989: 732]: «сочинительная связь характеризуется тем, что соединяемые ею компоненты <...> выполняют одну и ту же синтаксическую функцию относительно друг друга и образуемого ими целого». Данное определение, однако, не исчерпывает феномена сочинения, охватывая лишь прототипические случаи объединения в сочинительной конструкции одинаковых членов предложения. Особняком стоит, кроме того, клаузальное сочинение, где доминирующими являются, по-видимому, не синтаксические, а коммуникативные факторы [Matthiessen, Thompson 1988; Cristofaro 1998; Verstraete 2005].

Что касается структурной интерпретации сочинительной конструкции, то традиционно ей приписывается «плоская» структура: [[X] союз [Y]]. Однако в последние годы в рамках разных синтаксических теорий преобладает мнение, что сочинению («обычному» – одноместному) свойственна та же структурная асимметрия, что и подчинению: [X [союз Y]] [Kayne 1994; Johannessen 1998; Haspelmath 2007]. Последней трактовки, основанной, в частности, на большей просодической и синтаксической слитности союза с последующим конъюнктом, чем с предшествующим, мы и придерживаемся. Двухместная сочинительная конструкция получает, по аналогии с одноместной, следующую структурную интерпретацию: [союз X] [союз Y].

Сочинение имеет ряд формальных свойств, часто используемых для разграничения сочинения и подчинения. Два таких свойства (ограничение на сочиненную структуру, запрет на сочетание сочинительного союза с другим сочинительным союзом) задействованы в нашем анализе – на предмет того, присущи ли они двухместному сочинению так же, как и одноместному. Изучаются, кроме того, специфические особенности двухместного союза; делается попытка эти особенности объяснить.

Для репрезентации синтаксической структуры в статье используется система составляющих. Представляется, что для целей настоящей работы решающим является, по крайней мере, одно ее преимущество перед системой зависимостей – наглядное отображение иерархической организации синтаксических единиц (а не отдельных слов). Синтаксические закономерности, как подтверждается и материалом статьи, удается эффективно обобщить именно в терминах синтаксических единиц (см. также [Тестелец 2001: 148]).

Скажем также об иллюстративном материале, используемом в работе. Везде, где возможно, мы старались подкреплять предлагаемые выводы примерами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Иногда, однако, нам важно было убедиться в сугубо грамматической приемлемости (или неприемлемости) той или иной конструкции, даже если стилистически конструкция оказывалась неудачной. В этих случаях использовались сконструированные примеры.

Работа состоит из частей «Синтаксис» (разделы 1–5) и «Семантика» (разделы 6 и 7). В первом разделе изучаются вопросы, связанные со структурной интерпретацией двухместной сочинительной конструкции: разграничение клаузального сочинения и сочинения составляющих меньшего объема (ИГ и ГГ); зависимость этого разграничения от линейного порядка составляющих. Во втором разделе обсуждаются ограничения на тип конъюнктов, соединяемых с помощью двухместного союза. Разделы 3 и 4 посвящены выяснению того, присущи ли двухместному союзу две формальные особенности одноместного: особенность, известная как «ограничение на сочиненную структуру», и несочетаемость сочинительного союза с другим сочинительным союзом. В 5.1 сделана попытка выявить факторы, которые в конкретной конструкции отвечают за дифференциацию двухместного союза и одноместного. Согласно выводу раздела, это факторы семантические. Для сравнения в 5.2 проведено сопоставление двухместного союза *ни...ни* с повторенной частицей *ни*. Тем самым, проиллюстрирован контраст между оппозицией *двухместного vs. одноместного* сочинения, признанной семантической и не-семантической оппозицией *союза vs. частицы*. В разделе 6, относящемся уже к семантической части, обсуждаются общие семантические свойства двухместного сочинения. Наконец, раздел 7 посвящен семантическому анализу отдельных союзов на предмет того, какие конкретные реализации могут получить эти общие семантические свойства.

СИНТАКСИС

1. СТРУКТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДВУХМЕСТНОЙ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

1.1. Структура и линейный порядок

Рассмотрим сочинительную конструкцию следующего вида: ***со1 ИГ1 Г1, со2 (ИГ2) (Г2)***, где со1...со2 – двухместный союз, ИГ – именная группа, Г – глагол, Г2 и ИГ2 в частном случае могут отсутствовать или совпадать соответственно с Г1 и ИГ1 (*Ни собака нигде не залает, ни ворота не скрипнут* [В. Шукшин. Калина красная (1973)]). Данной конструкцией охвачен ряд базовых употреблений двухместного союза: сочинение именных групп, глагольных групп (ГГ) и сочинение клауз. ИГ1 и ИГ2 являются актантами глагола (Г1/Г2) – одного и того же, если глагол один, или разных, если глаголов два. Обе ИГ могут иметь синтаксическую функцию как подлежащего (*То снег валит, то дождь хлещет*), так и дополнения (*Ни кроватей не дам, ни умывальников*).

Во введенной конструкции действуют ограничения на линейный порядок элементов. Рассмотрим эти ограничения отдельно для случая ИГ1 ≠ ИГ2 (именные группы обе наличествуют и не совпадают, глагол один или два) и ИГ1 = (ИГ2) (именная группа одна – ИГ2 совпадает с ИГ1 или отсутствует, глаголов два). Анализ линейного порядка одновременно позволяет прояснить некоторые вопросы, связанные со структурным описанием изучаемой конструкции: как будет видно, в конкретном случае не всегда понятно, составляющие какого объема – ИГ, ГГ или клаузы – сочинены.

ИГ1 ≠ ИГ2

Если глагол один, допустимы все три логически возможных порядка (А, В и Г); конструкция с двумя глаголами допускает только порядок Б:

А. Г со1 ИГ1 со2 ИГ2:

(3) а. *Звучали и требования, и критика...* [А. Рыклин. Спор правительствующих субъектов (2003) // «Еженедельный журнал»];
б. *Я предпочитаю или шампанзе или «Реми-Мартин»* [В. Шукшин. Калина красная (1973)];
в. *На улице бывал то дождь, то снег, и только в феврале начались морозы* [Ю. Коваль. Капитан Клюквин (1972)];
г. *Не люблю ни восторгов, ни мук, Не люблю ни улыбок, ни слёз* [В. Крейд. Георгий Иванов в Йере (2003) // «Звезда»].

Б. со1 ИГ1 Г1, со2 ИГ2 Г2:

(4) а. *…И деньги потрачены, и количество посягательств выросло* [М. Яндиев. Где на Руси жить хорошо (2003) // «Время МН»];
б. *…Или концерт сорвётся, или Архипова прилетит за несколько часов до выступления* [И.А. Архипова. Музыка жизни (1996)];
в. *То буква пропущена, то слоги переставлены* [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000) // «Новый мир»];
г. *Ни собака нигде не залает, ни ворота не скрипнут* [В. Шукшин. Калина красная (1973)]).

В. со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г:

(5) а. *Это предполагает, что и банки, и правительства учатся извлекать выгоды из миграции* [Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры (2004) // «Вопросы статистики»];
б. *«Однако, – предполагал он, – нам скажут: или народ, или власть могут изменить друг другу...»* [Б.А. Кистяковский. В защиту права (1909)];
в. *А Россия – то Кодор, то Панкиси ставит в упрек* [Е. Григорьева и др. Неликвидная власть (2003) // «Известия»];
г. *Ни колледж, ни техникум не считается* [Наши дети: Подростки (2004)].

Г. со1 ИГ1 Г1 со2 ИГ2:

(6) а. *Так и месяц пройдёт, и зима* [Б. Екимов. Фстисыч (1996) // «Новый мир»];
б. *…или водкой обожрались, или наркотиками* [С. Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)];
в. *Это у нас раньше все бартером платили... бывало, то блюдцами дадут, то чашками...* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый мир»];
г. *…ни молока не будет, ни телят* [Б. Екимов. Пиночет (1999)].

***Д. Г1 со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г2:**

(7) а. **Он выпил и водки, и огурцом закусил*;
б. **Пролетит или птица, или заяц промелькнет*;
в. **Валит то снег, то дождь хлещет*;
г. **Он не выпил ни водки, ни огурцом не закусил.*

***Е. Г1 со1 ИГ1, Г2 со2 ИГ2:**

(8) а. **Он выпил и водки, закусил и огурцом*;
б. **Пролетит или птица, промелькнет или заяц*;
в. **Валит то снег, хлещет то дождь*;
г. **Он не выпил ни водки, не закусил ни огурцом.*

***Ж. со1 ИГ1 Г1, Г2 со2 ИГ2:**

(9) а. **Он и водки выпил, закусил и огурцом*;
б. **Или птица пролетит, промелькнет или заяц*;
в. **То снег валит, хлещет то дождь*;
г. **Он ни водки не выпил, не закусил ни огурцом.*

Отметим, что (не)грамматичность того или иного линейного порядка не зависит от того, в качестве подлежащего или дополнения выступают ИГ (ср. *Так и месяц пройдет, и зима; или водкой обожрались, или наркотиками*). То есть никакой асимметрии между подлежащим и дополнением в данном вопросе не обнаруживается. Этот вывод подтверждается материалом раздела 1.2, посвященного разграничению эллиптичных и неэллиптичных структур в рассматриваемой конструкции.

Во всех структурах А–Ж компоненты союза линейно примыкают к ИГ. Однако, если отвлечься от этого ограничения, количество грамматичных структур увеличится: союзы *и и*, *то то*, *или или* допускают структуры, в которых части союза занимают в обеих клаузах крайнюю левую периферию; порядок составляющих внутри клауз при этом значения не имеет:

З.:

(10) а. *То снег валит, то хлещет дождь*;
б. *То валит снег, то хлещет дождь*;
в. *То валит снег, то дождь хлещет*;
г. *То снег валит, то дождь хлещет*;

(11) а. *И водки выпил, и закусил огурцом*;
б. *И выпил водки, и закусил огурцом*;
в. *И выпил водки, и огурцом закусил*;
г. *И водки выпил, и огурцом закусил*;

(12) а. *Или птица пролетит, или промелькнет заяц*;
б. *Или пролетит птица, или промелькнет заяц*;
в. *Или пролетит птица, или заяц промелькнет*;
г. *Или птица пролетит, или заяц промелькнет.*

Обратим вниманис, что вариант (г) структуры З (*И водки выпил, и огурцом закусил*) совпадает со структурой Б. *со1 ИГ1 Г1, со2 ИГ2 Г2*. Это неудивительно, ведь варианты (а–г) структуры З представляют собой исчисление возможных линейных порядков при отсутствии у компонентов союза фиксированной позиции относительно ИГ. Один из таких вариантов – позиция обеих частей союза контактно с ИГ; а это и есть линейный порядок Б (структуры А–Ж, напомним, устроены таким образом, что показатели союза в них линейно примыкают к ИГ). Для дальнейшего изложения совпадение структур З(г) и Б несущественно: важно лишь, что структурами Б и З исчерпываются допустимые линейные порядки в случае, когда в предложении наличествуют два глагола.

В связи с рассмотренным материалом встают вопросы: почему из структур Б и Д–З – с двумя глаголами – грамматичны только Б и З?; существуют ли общие взаимосвязи между линейным порядком и структурой?

В грамматичных структурах с двумя глаголами (Б и З) независимо от линейного порядка сочинены, по-видимому, клаузы, а не ИГ. Поскольку в каждой такой структуре каждый глагол управляет своей ИГ, трактовка, при которой сочинены ИГ, означала бы крайне экзотичную (по крайней мере для русского языка) модель сочинения: сочинение двух ИГ, управляемых разными предикатами, через границу клаузы. Применительно к структурам З(а–г) против сочинения ИГ говорит, кроме того, отсутствие ограничений на линейный порядок: для сочиненной группы нехарактерно перемещение одного конъюнкта с сохранением другого на прежней позиции – что демонстрировали бы примеры (10)–(12), будь в них сочинены ИГ.

Почему неграмматичны линейные порядки Д. **Г1 со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г2*, Е. **Г1 со1 ИГ1, Г2 со2 ИГ2* и Ж. **со1 ИГ1 Г1, Г2 со2 ИГ2* ? В них также два глагола, управляющие каждый своей ИГ, поэтому, по изложенным выше соображениям, сочинение ИГ в них невозможно. Однако иная интерпретация – сочинение клауз – тоже маловероятна: иначе в Д, Е и Ж пришлось бы допустить уникальное для русского языка положение сочинительного союза не между сочиняемыми составляющими, а внутри них. Отметим, что грамматичные структуры Б и Ж объединены как раз позицией частей союза (отличаясь этим от неграмматичных Д, Е и Ж): в абсолютном начале предложения и между клаузами.

Итак, структуры Д–Ж неграмматичны потому, что состав клауз и позиция частей союза в них исключают обе потенциально возможные трактовки – и сочинение ИГ, и сочинение клауз.

Что сочиняется в конструкциях с одним глаголом (структуры А. *Г со1 ИГ1, со2 ИГ2*, В. *со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г* и Г. *со1 ИГ1 Г1 со2 ИГ2*)? Несмотря на то, что глагол один, здесь также не всегда справедливо говорить о сочинении ИГ: эти случаи требуют дифференциации эллиптичных и неэллиптичных структур; об этом см. ниже раздел 1.2.

Перейдем к рассмотрению линейного порядка для второго из выделенных выше случаев: одна ИГ и два глагола.

ИГ1 = (ИГ2)

Ограничений на линейный порядок элементов нет. Каждой структуре А, В и Г, с именными конъюнктами, отвечаст аналогичная, с точки зрения линейного порядка, структура с глагольными конъюнктами:

А'. **ИГ со1 Г1 со2 Г2**:

(13) а. *А волны и стонут и плачут*;
б. *Однако скажу, как женщина: наскоро состряпанный пирог или сгорит, или окажется сырым* [Б.Я. Каштанова. На другом берегу (2003) // «Советская Россия»];
в. *Дождь то льет, то накрапывает.*

В'. **со1 Г1 со2 Г2 ИГ**:

(14) а. *И стонут, и плачут волны*;
б. *Или придет, или позвонит Петр (а не Игорь)*;
в. *То льет, то накрапывает дождь.*

Г'. **со1 Г1 ИГ со2 Г2**:

(15) а. *И стонут волны, и плачут*;
б. *Или сгорит пирог, или окажется сырым*;
в. *То льет дождь, то накрапывает.*

Примеры (15а–в) и особенно (14а–в), отвечающие структурам Г' и В' соответственно, несколько искусственные. Однако связано это, по-видимому, не с (грамматической) затрудненностью конкретного линейного порядка, а с особенностями коммуникативной структуры. Для сочетания «субъект + предикат» коммуникативно нейтральным обычно является прямой порядок синтаксических компонентов «субъект предикат», а обратный порядок является коммуникативно маркированным и требуст контекста. (Ср. *Придет Петр*: уместно, например, в контексте вопроса *Кто придет?*) Именно такой, обратный порядок имеется в примерах (15а–в), а в (14а–в) препозитивную позицию занимают сразу два предиката – что, очевидно, требует еще большего контекстуального обоснования. То, что наше предположение верно и дело здесь, действительно, в коммуникативной структурс, подтверждает пример (14б): его относительная приемлемость обеспечена контрастной конструкцией *не...а* (ср. еще более искусственный пример без контраста *Или придет, или позвонит Петр*), тогда как контраст часто служит возмущающим фактором, позволяющим словам выступать в несвойственной им коммуникативной роли.

Для понимания того, какие составляющие сочинены в А', В' и Г', требуется, как и в случае с двумя ИГ, разграничить структуры с эллипсисом и без него (см. 1.2).

Основной вывод настоящего раздела состоит в том, что в конструкции с двумя предикатами и двумя ИГ, независимо от линейного порядка, имеет место сочинение клауз, а не ИГ. В случае, если клаузальная трактовка не реализуема (структуры Д. **Г1 со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г2*, Е. **Г1 со1 ИГ1, Г2 со2 ИГ2* и Ж. **со1 ИГ1 Г1, Г2 со2 ИГ2*), конструкция неграмматична.

1.2. Эллипсис vs. его отсутствие

Рассмотрим на примере союза *ни...ни* все грамматичные из перечисленных выше структур А–Ж:

А. **Г со1 ИГ1 со2 ИГ2** / а. *Не дам ни кроватей, ни умывальников*; б. *Не работает ни телефон, ни радио*;
Б. **со1 ИГ1 Г1, со2 ИГ2 Г2** / *Ни птица не пролетит, ни заяц не промелькнет*;
В. **со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г** / *Ни телефон, ни радио не работает*;
Г. **со1 ИГ1 Г1 со2 ИГ2** / *Ни кроватей не дам, ни умывальников.*

Какие составляющие сочинены в каждой из структур?

В Б. *со1 ИГ1 Г1, со2 ИГ2 Г2*, как выяснено выше, сочинены клаузы. Предварительно будем считать, что А. *Г со1 ИГ1 со2 ИГ2* – синтаксически нейтральная / исходная структура, где сочинены ИГ. Как соотносятся с А структуры В и Г?

Отметим, что исходной мы назвали как структуру Аа, с ИГ-подлежащими, так и структуру Аб, с ИГ-дополнениями: их объединяет линейный порядок *Г ИГ1 ИГ2*. Такое решение может показаться спорным: в случае с ИГ-подлежащим исходным как будто бы уместнее назвать линейный порядок В, где подлежащее предшествует глаголу, а не Аб, где оно следует за глаголом. Однако, как будет видно, с точки зрения восстановимости эллипсиса и объема конъюнктов структуры Аа и Аб ведут себя одинаково - и иначе, чем структура В. Напомним, что в предыдущем разделе был сделан аналогичный вывод: ограничения на линейный порядок не противопоставляют структуры с подлежащим и дополнением[3].

Начнем с порядка Г. *Ни кроватей не дам, ни умывальников*. Вариантов его структурной интерпретации, по-видимому, два: 1) Г получен в результате передвижения из структуры А. *Не дам ни кроватей, ни умывальников;* 2) Г получен посредством эллипсиса из предложения *Ни кроватей не дам, ни умывальников ~~не дам~~*.

Вариант 1) нарушает известное «ограничение на сочиненную структуру» (ОСС) Дж.Р. Росса [Ross 1967]. Варианту 2), наоборот, имеется подтверждение: эллипсис в случае Г восстановим, ср. *Ни кроватей не дам, ни умывальников не дам*. При том, что в самой структуре А. *Не дам ни кроватей, ни умывальников*, где, как и в Г, один предикат и тоже априори можно было бы предполагать эллипсис, восстановление невозможно:

(16) **Не дам ни кроватей, не дам ни умывальников*;
(17) **Не работает ни телефон, не работает ни радио*.

Обратимся к порядку В. *Ни телефон, ни радио не работает*. Тест на восстановимость даст положительный результат, ср. *А утром встала / у меня ни телефон не работает / ни радио не работает* [Беседа в Воронеже (2003)]. Если предположить, что В, как и Г, результат эллипсиса, получим единообразную картину: все структуры, начинающиеся с союза (Б. *ни птица не пролетит, ни заяц не промелькнет*; В. *ни телефон, ни радио не работает* и Г. *ни кроватей не дам, ни умывальников*), это сочинение клауз, а не ИГ, с эллипсисом совпадающих актантов (структуры В и Г).

Однако в В имеется подкласс конструкций, которые эллиптичной трактовки не допускают: это конструкции с глаголом во множественном числе, препятствующем восстановлению эллипсиса. Ср.:

(18) а. *Ни телефон, ни радио не работают*;
б. **Ни телефон не работают, ни радио не работают*;
(19) *Ни ГКРФ, ни законодательство о страховании не содержат термин «характер ответственности»* [Г. Шаров. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о страховании риска ответственности адвоката (1 часть) (2004) // «Адвокат»].

По-видимому, линейный порядок В. *со1 ИГ1 со2 ИГ2 Г* омонимичен и допускает, в зависимости от конкретного случая, обе трактовки: сочинение клауз и сочинение ИГ[4]. Данный порядок представляет собой, так сказать, точку пересечения между сочинением клауз и сочинением ИГ. И это не случайно: в В. *со1 ИГ1 со2 ИГ2 Г*, с одной стороны, союз расположен в абсолютном начале (что, как предположено выше, характерно для

[3] Вывод об отсутствии асимметрии между подлежащим и дополнением в данном вопросе ниже иллюстрируется только для структуры А; для структур В и Г из экономии места мы не различаем последовательно случаи с ИГ-подлежащими и ИГ-дополнениями.

[4] Самостоятельный вопрос как именно соотносятся число глагола и структура: означает ли единственное число (всегда) сочинение клауз или омонимию клаузального и именного сочинения? Данный вопрос связан с другим обширным вопросом: о закономерностях согласования глагола с сочиненным подлежащим. На материале двухместных союзов эти закономерности требуют, по-видимому, отдельного изучения.

сочинения клауз), а с другой стороны – ИГ, в отличие, скажем, от структуры Г. *со1 ИГ1 Г1 со2 ИГ2*, примыкают друг к другу (что характерно для сочинения ИГ).

С учетом конструкций с глаголом во множественном числе, общий вывод нуждается в уточнении: **эллипсис и, следовательно, сочинение клауз усматривается только в тех структурах, которые начинаются с союза**.

Проиллюстрируем невозможность восстановить эллипсис в А и восстановимость в В и Г на примере других союзов:

А. *Г со1 ИГ1 со2 ИГ2*:

(20) а. *Дам и кровати, дам и умывальники*;
б. *Работает и телефон, работает и радио* (Допустимо только при понимании *и* как частицы, но не двойного союза);

(21) а. **Дам или кровати, дам или умывальники*;
б. **Это был или миндаль, это был или арахис*;

(22) а. **Пропустят то букву, пропустят то слог*;
б. **Идет то снег, идет то дождь.*

О том, что в (20а, б) фигурирует именно частица, говорит, в частности, семантика этих предложений. *И* здесь употреблено в значении «*и* включения в множество», по классификации значений частицы *и* в [Урысон 2011: 277–278], что подтверждается возможностью замены *и* на синонимичное *тоже*, ср.: *кровати дам, умывальники тоже дам; телефон работает, радио тоже работает*. Повтор частицы *и* в (20) привносит, кроме того, экспрессивный эффект («чего я только ни дам!»), несвойственный двухместному союзу *и* (подробнее о семантике двухместного сочинения см. часть «Семантика»). Наконец, союзная трактовка *и* в (20) означала бы, что союз сочиняет ИГ, относящиеся к разным клаузам, т.е. имеет место сочинение через границу клаузы, что, по-видимому, невозможно.

В. *со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г*, Г. *со1 ИГ1 Г1 со2 ИГ2*:

(23) *И телефон работает, и радио работает*;
(24) *Или телефон работает, или радио работает*;
(25) *То снег идет, то дождь идет.*

Итак, в структуре А, начинающейся не с союза, сочинены ИГ, в структурах Б, В и Г, начинающихся с союза, сочинены (в случае В – могут быть сочинены) клаузы.

Рассмотрим теперь на примере союза *то...то...* конструкцию с двумя предикатами, но одной ИГ:

А'. *ИГ со1 Г1 со2 Г2 / Дождь то льет, то накрапывает*;
В'. *со1 Г1 со2 Г2 ИГ / То льет, то накрапывает дождь*;
Г'. *со1 Г1 ИГ со2 Г2 / То льет дождь, то накрапывает.*

Восстановление эллипсиса невозможно в А' (пример (26)) и допустимо в В' и Г' (пример (27)):

(26) **Дождь то льет, дождь то накрапывает*;
(27) *То льет дождь, то накрапывает дождь.*

Искусственность примера (27) мы объясняем опять-таки коммуникативными факторами, но не (грамматической) невозможностью восстановить эллипсис. ИГ *дождь* выступает в (27) в роли атонической темы (см. об этом понятии, например [Янко 2001: 76]) – коммуникативно наименее значимого элемента высказывания. Эта роль входит в противоречие с нарочитым повтором ИГ, возникающим при восстановленном эллипсисе.

Союз *или...или* ведет себя аналогично:

А'. *ИГ со1 Г1 со2 Г2*:
(28) **Пирог или сгорит, пирог или окажется сырым.*
В'. *со1 Г1 со2 Г2 ИГ*, Г'. *со1 Г1 ИГ со2 Г2*:
(29) *Или придет Петр, или позвонит Петр.*

Неожиданный, на первый взгляд, результат даст восстановление эллипсиса в конструкции с союзом *и...и*: восстановление допускают не только структуры В' и Г', но и А'. Ср.:

А'. *ИГ со1 Г1 со2 Г2*:
(30) *Волны и стонут, волны и плачут.*

Ср. также:

(31) *Он меня и просил, он меня и умолял*;
(32) *Он и вприсядку, он и так, он и эдак!* (Google)

В'. *со1 Г1 со2 Г2 ИГ*, Г'. *со1 Г1 ИГ со2 Г2*:
(33) *И стонут волны, и плачут волны.*

Однако в примерах (30)–(32) фигурирует, по-видимому, не союз *и...и*, а частица *и*. Данные предложения в точности «симметричны» рассмотренным выше предложениям [(20) а. *Дам и кровати, дам и умывальники* и б. *Работает и телефон, работает и радио*], которые, как мы предположили, допустимы именно за счет трактовки *и* как частицы. Доводы против союзной интерпретации (30)–(32) – те же, что и в случае примеров (20). Во-первых, семантика: *и...и...* имеет здесь экспрессивное значение («Чего он только ни делает!»). При сочинении ГГ с помощью двухместного союза *и* данный смысл выражен менее нарочито или не выражен вовсе, ср.: *волны и стонут, и плачут* vs. *волны и стонут, волны и плачут*; *он и учится, и работает* vs. *он и учится, он и работает*. Во-вторых, союзная трактовка (30)–(32) означала бы, что *и...и...* связывает ГГ, относящиеся к разным клаузам.

Раз восстановить эллипсис в А'. *ИГ со1 Г1 со2 Г2* с сохранением свойств стандартного двухместного союза, по-видимому, не удастся, заключаем, что *и...и...* ведет себя так же, как другие союзы: в А'. *ИГ со1 Г1 со2 Г2* эллипсис невосстановим и, следовательно, сочинены ГГ; в В'. *со1 Г1 со2 Г2 ИГ* и Г'. *со1 Г1 ИГ со2 Г2* имеет место эллипсис и сочинены клаузы. Этот вывод созвучен предыдущему выводу для структур А, В и Г.

Случай В'. *со1 Г1 со2 Г2 ИГ* нуждается в оговорке. Данный линейный порядок, по-видимому, омонимичен и допускает обе интерпретации: сочинение клауз и сочинение ГГ. Хотя независимых доказательств последней трактовки (таких, как конструкции с глаголом во множественном числе для случая В. *со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г*) как будто не обнаруживается, предположение кажется оправданным ввиду общего параллелизма структур А, В и Г, с одной стороны, и А', В' и Г' – с другой.

Итак, и для случая двух ИГ, но одного глагола (структуры А, В и Г), и для случая одной ИГ, но двух глаголов (А', В' и Г'), результат нашего анализа одинаковый: **эллипсис усматривается только в тех структурах, которые начинаются с союза**.

Можно ли предложить какое-либо (функциональное) объяснение такому распределению эллипсиса / его отсутствия?

Показатели двухместного союза маркируют переднюю границу конъюнктов, а линейно второй показатель - еще и заднюю границу первого конъюнкта. Единственная позиция, где при клаузальном сочинении двухместный союз может выполнять эту функцию «маркирования границ» – как раз при расположении первого союзного показателя в абсолютном начале и второго показателя между клаузами. Линейные порядки

В. *со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г* / В'. *со1 Г1 со2 Г2 ИГ*, допускающие омонимичную трактовку – это тот единственный случай, когда выполнение «функции маркирования» возможно и при сочинении клауз, и при сочинении ИГ/ГГ.

Структура конструкций с двойным союзом в зависимости от линейного порядка составляющих и количества предикатов и ИГ (согласно выводам разделов 1.1. и 1.2.):

А. [*То* [*дождь идет*]], [*то* [*снег ~~идет~~*]];
Б. [*То* [*снег валит*], [*то* [*дождь хлещет*]];
В. [*Ни* [*телефон ~~не работает~~*], [*ни* [*радио не работает*]] ИЛИ [*Ни* [*телефон*], [*ни* [*радио*]] *не работают*;
Г. *Идет* [*то* [*снег*]], [*то* [*дождь*]];
А'. *Дождь* [*то* [*льет*]], [*то* [*накрапывает*]];
В'. [*То* [*льет ~~дождь~~*]], [*то* [*накрапывает дождь*]] ИЛИ [*То* [*льет*]], [*то* [*накрапывает*]] *дождь*;
Г'. [*То* [*льет дождь*]], [*то* [*накрапывает ~~дождь~~*]];
З. а. [*То* [*снег валит*]], [*то* [*хлещет дождь*]];
б. [*То* [*валит снег*]], [*то* [*хлещет дождь*]];
в. [*То* [*валит снег*]], [*то* [*дождь хлещет*]].

Завершая раздел, оговоримся, что предлагаемая синтаксическая интерпретация конструкций с двухместным союзом не возрождает к жизни так называемую «теорию сочинительного сокращения», предполагающую сведение любого сочинения ИГ к сочинению клауз через апелляцию к эллипсису. Мы надеялись показать, что эллиптичная трактовка уместна лишь для случаев определенных линейных порядков: В. *со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г* (*Ни телефон, ни радио не работает*) и Г. *со1 ИГ1 Г1 со2 ИГ2* (*Ни кроватей не дам, ни умывальников*). Постулирование в В и Г эллипсиса позволяет свести все рассмотренные факты, связанные с разными линейными порядками, в единую картину. Это, прежде всего, восстановимость эллипсиса в В и Г, но не в А. *Г со1 ИГ1 со2 ИГ2*; и функциональная объяснимость (см. выше) именно такого распределения эллипсиса и его отсутствия. Некоторая неясность сохраняется, впрочем, с порядком В. *со1 ИГ1, со2 ИГ2 Г* (*Ни телефон, ни радио не работает*): всегда ли при единственном числе глагола уместна эллиптичная трактовка или существуют, наряду с числом глагола, другие факторы, ограничивающие ее применимость – этот вопрос нуждается в дополнительном изучении (см. также сноску 4).

2. КАКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ МОГУТ СОЧИНЯТЬСЯ?

По-видимому, ограничений в терминах категорий составляющих или членов предложения нет (при условии обычного для сочинения совпадения категорий / членов предложения у конъюнктов). Сочиняться могут ИГ-актанты (примеры (34)–(37)), ИГ сирконстанты (примеры (38), (39)), группы прилагательного (примеры (40), (41)), предложные группы (пример (42)), группы наречия (примеры (43), (44)), ГГ (примеры (45), (46)), клаузы (примеры (47)–(49))...:

(34) *Идет то дождь, то снег*;
(35) *Ни колледж, ни техникум не считается* [Наши дети: Подростки (2004)];
(36) *Выставки теряют и участников, и посетителей – информацию о новинках легко получить через Internet* [В. Кулаков. Крепкое сообщество (2004) // «Computerworld»];
(37) *Я уверен, что они не подведут ни президента, ни страну* [А. Айлисли, писатель: «Я хотел сжечь свои книги...» (2002) // «Известия»];
(38) *Бесы соприсутствуют могилам их и являются при них в разных видах или для устрашения, или для обольщения* [епископ Игнатий (Брянчанинов). Понятие о ереси и расколе (1850–1866)];
(39) *И в горле и в груди становится тепло* [Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)];
(40) *Хороший муж ее благоверный. И красивый, и умный, и рукастый* [Г. Щербакова. Моление о Еве (2000)];

(41) *Идейная критика... видит в романе грандиозную притчу, но или слабовато оформленную, или при более глубоком подходе – морально сомнительную* [Р. Карасти. Как играть Шопена (2001) // «Звезда»];
(42) *Ходил и в кино, и в музеи, а на Пасху в апреле 1943 года впервые был в церкви* [В. Давыдов. Театр моей мечты (2004)];
(43) *Не оденешься ни тепло, ни легко: все плохо будет*;
(44) *Цветочная трубка свободная, или частично или полностью приросшая к завязи, иногда соединенная с ней лишь продольными перегородками, часто ярко окрашенная* (Google);
(45) *А вот чтоб первому позвонить... то стесняется, то лень* [Наши дети: Подростки (2004)];
(46) *Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду* [А.П. Чехов. Вишневый сад (1904)];
(47) *Всё тому не нравится – то груз на плечах чересчур тяжёлый, то жарко, то идут слишком быстро* [В. Быков. Болото (2001)];
(48) *Ни барин не мог растолковать, в чём было дело, ни слуга не мог понять, чего требовалось от него* [И.С. Тургенев. Конец Чертопханова (1872)];
(49) *Дело не клеится: и людей нет, и погода плохая.*

В [Санников 2008: 136–148] указаны общие ограничения на сочинение с помощью одноместного союза. В целом, эти ограничения действуют и для двухместного сочинения. Приведем для примера некоторые из них:

- В позиции подлежащего недопустимо сочинение синонимичных вариантов выражения этой синтаксической функции, в частности, сочинение существительного в именительном падеже и инфинитива. Ср.: **и курить, и чтение лежа вредно.*
- Недопустимо сочинение именительного и творительного предикативного, ср.: **Он был и красивый, и умным.*
- Недопустимо сочетание разных вариантов заполнения одной валентности слова, ср.: **конец и войне и страданий* vs. *конец и войне, и страданиям / конец и войны, и страданий.*

Из ограничений, отмеченных в указанной работе, только одно, по-видимому, не действует для двухместных союзов. Это запрет на сочетание типа *?эти и зимние шапки*; *?такие и металлические стержни*. Ср.:

(50) а. *В горы возьму с собой **и эту, и зимнюю** шапку.* vs. б. *?В горы возьму с собой **эту и зимнюю** шапку*;
(51) а. *На экзамене тебе понадобятся **и такие, и металлические** стержни.* vs. б. *?На экзамене тебе понадобятся **такие и металлические** стержни*;
(52) а. *Это не мешает им создавать **и эти, и куда более причудливые** устройства на страницах своих произведений* (Google) vs. б. *?Это не мешает им создавать **эти и куда более причудливые** устройства на страницах своих произведений.*

Местоимения типа *эти* и *такие* – единицы иного синтаксического порядка, чем существительное или прилагательное: это так называемые проформы, которые представляют собой фразовую, а не терминальную категорию (ср. возможность замены на проформу полной составляющей, но не вершины: *очень красивая девушка / такая девушка / *очень такая девушка*). Одноместный сочинительный союз запрещает, чтобы между конъюнктами была данная степень различия. Двухместный же союз, как видно из примеров, данную степень различия разрешает.

Найденному отличию двухместного союза от одноместного можно предложить объяснение, основанное на специфической семантике двухместного сочинения. В конструкции с двухместным союзом «каждый конъюнкт рассматривается отдельно» ([Haspelmath 2007: 15], подробнее см. ниже, часть «Семантика»). Возможно, именно из-за «отдельного рассмотрения» двухместный союз требует от конъюнктов меньшего сходства, чем одноместный. Конечно, если наше объяснение верно, должны найтись и другие примеры меньшего сходства конъюнктов при двухместном сочинении, чем при одноместном. Мы оставляем поиск таких случаев для дальнейшего исследования.

До сих пор речь шла о сочинении одинаковых фразовых категорий и членов предложения. Хотя совпадение и того, и другого для сочинения, в самом деле, является обычным, случаи несовпадения также многочисленны. Посмотрим, верно ли это для двухместного сочинения.

Составляющие разных категорий

Примеров на сочинение разных фразовых категорий с помощью двухместного союза достаточно:

(53) *Ну входит сама, и то ли от самовара, то ли волновалась сильно, только – розовая и в ногах неспокойная* (Л. Борисов. Ход конем);
(54) *Ни тебя не поймет, ни меня, ни что ветер поет нам звеня* (А. Блок. О чем поет ветер);
(55) *У нас нет* ***ни машин, ни рабочего скота хорошего, ни управления настоящего, ни считать мы не умеем*** (Л. Толстой. Анна Каренина);
(56) *Там хоть ты* ***и пустое место, и пьяница, и дубина сто восемьдесят четвертой пробы, и из карманов носовые платки можешь****... только дрожи и дрожи дрожью этой самой, правительству невыносимой – и вот тебе авансом билет на свободный вход в царство «высокое и прекрасное»* [И.С. Шмелев. Солнце мертвых (1923)];
(57) *А это нужно, потому что если дворянин из той же губернии возьмет какое-нибудь место с тем, чтобы показать, как надобно служить, то, каков бы он ни был сам, хотя* ***и лентяй и многим нехорош****, но исполнит так свое дело, как никогда не исполнит присланный чиновник...* [Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)];
(58) *Уж и хорош, и пригож, и нрава княжеского!* [Б. Васильев. Вещий Олег (1996)];
(59) *А мне очень хочется напечатать этот стих –* ***и хорош, и старику подмога*** [Л.К. Чуковская. Полгода в «Новом мире» (1946–1947)].

Разные члены предложения

Здесь налицо несходство двухместного сочинения и одноместного: соответствующие примеры из [Санников 2008: 111 и сл.] при замене одноместного союза на двухместный большей частью сомнительны или требуют поясняющего контекста. Ср.:

(60) а. *?И кто и что говорил?* vs. б. *Кто и что говорил?*;
(61) а. *?Здесь и все, и всем понятно.* vs. б. *Здесь все и всем понятно*;
(62) а. *?Кирпич ни с того, ни с сего и никому и никогда на голову не свалится.* vs. б. *Кирпич ни с того, ни с сего никому и никогда на голову не свалится*;
(63) а. *?Прощай и все и навсегда.* vs. б. *Прощай все и навсегда*;
(64) а. *?Я говорю и с лингвистом, и о лингвисте.* vs. б. *Я говорю с лингвистом, и о лингвисте.*

Хотя:

(65) *Они жили и в одно время, и на одной улице.*
(66) *Нравиться тут и некому и не для чего.*

Среди условий, необходимых для сочинения разных членов предложения, в [Санников 2008: 114] первой названа равнолексемность, ср.:

(67) *Я говорю с лингвистом и о лингвисте.*
vs.
(68) **Я говорю с лингвистом и о художнике.*

Похоже, однако, что дело не в сочинении в целом, а в семантике конкретных союзов. Ср.:

(69) *Я говорю с лингвистом, но о художнике*;
(70) *Они жили в одном доме и в одно и то же время*;
(71) *Они жили в одном доме, *и/но в разное время.*

Сочинение прототипически служит соединению одинаковых членов предложения [Санников 2008: 111] или, в трактовке М. Хаспельмата, одинаковых семантических ролей [Haspelmath 2007: 19]. Совпадение по типу членов предложения важнее для сочинения, чем совпадение категорий конъюнктов: это видно, в частности, из того, что разные категории, но одинаковые члены предложения сочиняются гораздо легче, чем разные члены предложения, пусть и одинаковые категории (см. примеры выше и [Там же]). По-видимому, сочинение разных членов предложения требует какой-то весомой мотивировки. В случае с союзом *и*, из-за его соединительной семантики, такой мотивировкой оказывается равнолексемность; с противительным *но*, наоборот, требуется **разно**лексемность (ср. также **Я говорю с лингвистом, но о лингвисте*).

Почему двухместный союз допускает сочинение разных членов предложения с еще большим трудом, чем одноместный? Видимо, потому, что двухместный союз – из-за своей специфической семантики – требует для такого сочинения еще более существенной мотивировки. Сочинение разных членов предложения, и без того затрудненное, в случае с двухместным союзом должно удовлетворить ряду дополнительных условий, налагаемых семантикой двухместного союза. Так, сомнительные примеры (60a)–(64a) улучшаются, если семантику двухместного сочинения эксплицировать контекстом:

(72) *Ты спрашиваешь, кто говорил или что говорил? И кто и что говорил*;
(73) *Все понятно или всем понятно? – И все, и всем понятно* и т. д.

В (72) и (73) выражено сомнение в том, какой из конъюнктов истинный. Тем самым, созданы прагматические условия для реализации следующего семантического свойства двухместного союза: «в конструкции с двухместных союзом подчеркивается, что каждый конъюнкт участвует в сочинении» ([Haspelmath 2007: 15], подробнее см. часть «Семантика»).

Наконец, рассмотрим еще одно ограничение на сочинение с помощью двухместного союза: сочинение так называемых «немаксимальных проекций». Термин «максимальная проекция» используется в порождающей грамматике и обозначает «самую крупную из тех составляющих, свойства которых определяет вершина; вершина не может “передать” фразообразующие свойства выше максимальной проекции» [Тестелец 2001: 565]. Максимальной проекцией существительного является полная ИГ, т. е. ИГ со всеми зависимыми, максимальной проекцией глагола – ГГ и т.д.

Сочинение немаксимальных проекций

Отмечено, что английские двухместные сочинительные союзы, в отличие от одноместных, часто не могут соединять немаксимальные проекции [Neijt 1979; Hendriks 2003: 4ff.]. Ср. примеры (74a) и (74b):

(74) (a) *a small bus or car;*
right above or beneath that little chest;
very red or blue;
that he will eat or drink;
(b) **a small either bus or car;*
**right either above or beneath that little chest;*
**very either red or blue;*
that he will either eat or drink.

Примеры (b) демонстрируют, что двухместный союз *either...or* (‘или...или’) не допускает сочинения немаксимальных проекций существительного (N), предлога (P) и прилагательного (A), хотя допускает такое сочинение для глагола (V). Аналогичные примеры (a) с одноместным союзом *or* (‘или’), напротив, грамматичны.

В русском языке обнаруживается близкий контраст; вместе с тем, русский материал позволяет внести некоторые уточнения в обсуждаемую закономерность: оказывается, в частности, что разделительные союзы *то ли...то ли* и *не то... не то*, в отличие от остальных, допускают сочинение немаксимальных проекций.

Ниже рассмотрены две группы примеров: в (75a) немаксимальные проекции N, P, A и V сочинены с помощью одноместного союза, в (75b) – с помощью двухместного. В случае двухместного союза для N, P и A рассмотрено не только собственно сочинение немаксимальных проекций (группа примеров (i)), но и, для сравнения, сочинение максимальных проекций, отличающееся от соответствующих примеров (i) только позицией левого союзного показателя – не внутри конъюнкта, а вне его (группа примеров (ii)).

(75) (a) **N**: *синий троллейбус и/или автобус*;
P: *прямо над или/и под окном*;
A: *очень больной или одинокий*;
V: *он будет есть или/и пить*;
(b)
N: (i) **синий ни/и троллейбус, ни/и автобус*; **интересный то фильм, то спектакль*; **?синий или троллейбус, или автобус*; *синий то ли / не то троллейбус, то ли / не то автобус*;
(ii) *ни/и/то/или/то ли/не то синий троллейбус, ни/и/то/или/то ли/не то автобус.*

Примеры с союзами *то ли...то ли* и *не то...не то*:

(76) *Этот то ли распорядитель праздников, то ли простой повар стал синонимом кулинарного искусства (о чём даже Пруст пишет), но ни одного рецепта после него не осталось* [А. Мокроусов. От антре до антреме, или страсть кулинар (2002) // «Домовой»];
(77) *Была у него одна то ли сказка, то ли притча, сказавшаяся сама собой в один из вечеров, когда он искал какие-нибудь связные и свежие слова, которые могли бы обратить на себя внимание, как обращает его в любую минуту невинность в подвенечном платье* [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998)];
(78) *Помню, что мы жили в каком-то огромном помещении, что-то вроде сарая, где стояли большие не то столы, не то помосты, а по стенам висели сбруя, хомуты...* [И.А. Архипова. Музыка жизни (1996)].

P: (i) **?прямо и/ни/то над, и/ни/то под окном*; **?прямо и/ни/то перед, и/ни/то за поворотом*; *?прямо или перед, или за поворотом*; *?прямо то ли/не то перед, то ли/не то за поворотом*;
(ii) **и/то/или/ни/то ли/не то в марте, и/то/или/ни/то ли/не то апреле*; **и/то/или/ни/то ли/не то около магазина, и/то/или/ни/то ли/не то школы.*

Примеров с *то ли...то ли* и *не то...не то* для этого случая не обнаружено. Действительно, сочинение немаксимальных проекций предлога посредством этих союзов затруднено по сравнению со случаями A и N. Тем не менее, такое сочинение все же значительно приемлемее, чем сочинение немаксимальных проекций предлога с помощью *ни...ни, и...и* и *то...то* (см. (i) выше).

A: (i) **очень ни хороший, ни плохой*; **?очень и больной, и одинокий*; **очень или/то горячий, или/то холодный*; *?очень то ли/не то горячий, то ли/не то холодный*;
(ii) *и/ни/или очень больной, и/ни/или одинокий*; *то/то ли/не то очень горячий, то/то ли/ не то холодный.*

Примеры с союзами *то ли...то ли* и *не то...не то*:

(79) *Из этих двух актёров – Зайцев, т. к. Антоник слишком то ли пафосный, то ли артистичный, не знаю, как выразить* (Google);
(80) *Одно время из любопытства читал журнальчик Потупчик – для меня он слишком не то ироничен, не то плоск и неинформативен* (Google);

V: *он будет или/и/ни/то/то/то ли/не то есть, или/и/ни/то/то/то ли/не то пить, он не будет ни есть, ни пить.*

Прокомментируем приведенный материал.

Как и в английском, в русском сочинение немаксимальных проекций V грамматично, а N, P и A [примеры типа (i)] – в большинстве случаев неграмматично. Исключение составляют союзы *то ли... то ли* и *не то...не то*, допускающие сочинение немаксимальных проекций. Напротив, примеры типа (ii), где с помощью двухместного союза сочинены максимальные проекции, приемлемы за исключением случая P.

В связи с данными фактами требуют ответа вопросы:

1) почему двухместный и одноместный союзы ведут себя по-разному?
2) почему примеры типа (ii) запрещены для P, хотя грамматичны для A и N?
3) почему разрешено двухместное сочинение немаксимальных проекций глагола?
4) почему союзы *то ли...то ли* и *не то...не то...*, в отличие от всех остальных, разрешают сочинение немаксимальных проекций?

По мнению некоторых авторов [Kayne 1994], одноместные союзы так же, как и двухместные, допускают сочинение только максимальных проекций, и структуры типа *синий троллейбус или автобус* только на первый взгляд опровергают это утверждение – в действительности они получены из сочинения максимальных проекций путем эллипсиса: [*синий троллейбус*] *или* [~~*синий*~~ *автобус*]. Если принять такой подход, поставленный выше вопрос 1) отпадает сам собой. Однако справедливость этого подхода представляется сомнительной, поскольку одноместная сочинительная конструкция грамматична даже тогда, когда по семантическим причинам невозможна эллиптичная трактовка. Так, в предложении *Я встретился со знаменитым писателем и врачом* восстановление эллипсиса *Я встретился со знаменитым писателем и с врачом* влечет изменение смысла: в первом случае речь идет об одном и том же человеке, во втором – о двух разных [Санников 2008: 141]. Поэтому здесь, по-видимому, приходится признать сочинение вершин, т.е. немаксимальных проекций: *Я встретился* [*со знаменитым* [*писателем*]$_{N}$ *и* [*врачом*]$_{N}$]. Таким образом, вопрос 1) остается без ответа.

Отложим на время вопрос 1) и обратимся к вопросу 2).

Грамматичность примеров (ii) для A и N ожидаема – это сочинение максимальных проекций (ср. *ни* [*синий троллейбус*]$_{ИГ}$, *ни* [*автобус*]$_{ИГ}$). Но почему аналогичные примеры невозможны с P? Особенность случая P состоит в том, что правый конъюнкт, управляемый предлогом, стоит в косвенном падеже (*и в марте, и **апреле***) и поэтому не может, в отличие от случаев A и N, трактоваться как независимая от левого конъюнкта максимальная проекция, а только как комплемент предлога. Ср.:

(81) **и* [*в марте*]$_{Предг}$, *и* [*апреле*]$_{ИГ}$ («ПредГ» здесь и далее - предложная группа).

Неграмматичность структуры (81) объясняется в первую очередь тем, что в ней имеет место невозможное, по-видимому, явление: предлог управляет комплементом-ИГ через границу максимальной проекции. В случаях с A и N аналогичной трудности не возникает. Отметим, что конструкция типа *и в марте, и апреле* невозможна вообще ни с каким союзом, в том числе с *то ли...то...ли*, *не то... не то*, которые в других случаях позволяют сочинение немаксимальных проекций (ср. *синий то ли/не то троллейбус, то ли/не то автобус* и другие примеры выше). Такая строгость запрета – это проявление его грамматической природы.

Обратимся к вопросу 3) – почему сочинение немаксимальных проекций V все-таки допустимо? В [Neijt 1979] предложено считать, что в соответствующих примерах с сочинением инфинитивов (*он будет или/и/ни/то/то/то ли/не то есть, или/и/ни/то/то/то ли/не то пить, он не будет ни есть, ни пить*) инфинитив представляет собой не вершину, а максимальную проекцию, т. е. общее правило не нарушено. Однако это объяснение не кажется убедительным, потому что примеры на сочинение немаксимальных проекций V все равно имеются, ср.: *Я* [*его* [*и* [*люблю*]$_{Г}$, *и* [*уважаю*]$_{Г}$]]$_{ГГ}$.

Мы не можем предложить убедительного альтернативного объяснения. Вопрос 3), таким образом, остается для дальнейшего исследования.

Ответы на вопросы 1) и 4), напротив, будут предложены. Представляется, что объяснить факты 1) и 4) можно на основе общих семантических свойств двухместных союзов. Поэтому такое объяснение отложим до части «Семантика»[5].

Подведем итоги раздела. Двухместный сочинительный союз, как и одноместный, прототипически соединяет одинаковые фразовые категории и члены предложения; при условии совпадения и того, и другого, существенных отличий двухместного союза от одноместного в том, что касается ограничений на типы конъюнктов, не обнаруживается (за исключением конструкции типа *(*и*) *эти, и металлические стержни*). Кроме того, двухместный союз, подобно одноместному, разрешает, пусть и не прототипически, сочинение разных фразовых категорий. Зато сочинение разных членов предложения с помощью двухместного союза затруднено более, чем с помощью одноместного – по-видимому, из-за специфической семантики двухместного сочинения. Еще одним отличием двухместного союза является его неспособность соединять немаксимальные проекции.

3. СОЧЕТАЕМОСТЬ С СОЧИНИТЕЛЬНЫМ СОЮЗОМ

В [Dik 1968] отмечено, что сочинительный союз, в отличие от подчинительного и несоюзного коннектора, не сочетается с другим сочинительным союзом. Данный факт лег в основу известного критерия разграничения сочинения и подчинения, причем критерия достаточно надежного. Сохраняет ли он свое действие для двухместных союзов?

По-видимому, сохраняет. С одной стороны, в предложениях с двухместным союзом использование еще одного сочинительного союза исключено, ср.:

(82) *?*Не дам ни кроватей и ни умывальников*;
(83) **Ни птица не пролетит и ни заяц не промелькнет*;
(84) **То птица пролетит и то заяц промелькнет*;
(85) **Или кровати дам, но или умывальники.*

Ср. также конструкции, где союз *ни...ни...* употреблен без отрицания *не*: это возможно при «сочетании противоположных по значению слов» [РГ 1980, II: 412]. В таких конструкциях *ни...ни...* также не сочетается с сочинительным союзом:

(86) а. *Мне от этого ни жарко, ни холодно*;
б. **Мне от этого ни жарко и ни холодно.*

Может создаться ошибочное впечатление, что предложение (86б) грамматично; такая иллюзия связана, по-видимому, с грамматичностью примера (87), полученного из (86б) заменой *ни* на *не*:

(87) *Мне от этого **не** жарко **и не** холодно.*

Тот же эффект – допустимость сочетания союза *и* с *не*, но не с *ни* – наблюдается и в примерах (88), (89) и (90) ниже:

[5] Рассмотренные примеры и поставленные четыре вопроса не исчерпывают набора проблем, связанных с данным материалом. Так, вне рассмотрения осталась неграмматичность конструкций типа: **в и [марте]$_{ИГ}$, и [апреле]$_{ИГ}$* (в отличие от сочетания **и в марте, и апреле*, выше обсуждавшегося). Здесь союз сочиняет полные ИГ, т.е. максимальные проекции; тем не менее, конструкция неприемлема. Замена союза *и...и* на союз *то ли... то ли* (с которым рассмотренные выше примеры большей частью грамматичны) в этом случае ничего не дает, ср.: **в то ли марте, то ли апреле*. Зато допустима аналогичная конструкция с союзом *то ли* и предлогом *около*, ср.: *Масса была около то ли 8 то ли 11 кг* (Google). Таким образом, выбор предлога тоже играет роль. Эти и ряд других вопросов остались за рамками статьи.

(88) а. *Он **ни** стоял, **ни** сидел – вскакивал все время*;
б. **Он **ни** стоял **и ни** сидел – вскакивал все время*;
в. *Он **не** стоял **и не** сидел – вскакивал все время*;
(89) а. *Соседка дала чемодан, и вещи улеглись в нем **ни** свободно, **ни** тесно* (В. Кетлинская);
б. **Соседка дала чемодан, и вещи улеглись в нем **ни** свободно **и ни** тесно*;
в. *Соседка дала чемодан, и вещи улеглись в нем **не** свободно **и не** тесно*;
(90) а. *Марианна села за фортепиано и сыграла, **ни** хорошо, **ни** худо, несколько «песен без слов» Мендельсона* (Тургенев);
б. **Марианна села за фортепиано и сыграла, **ни** хорошо **и ни** худо, несколько «песен без слов» Мендельсона*;
в. *Марианна села за фортепиано и сыграла, **не** хорошо **и не** худо, несколько «песен без слов» Мендельсона.*

С другой стороны, в предложениях с сочстаниями *и ни*, *но и* и под. или фигурирует не союз, а частица или клитика, или два следующих друг за другом сочинительных союза связывают составляющие разного уровня, тогда как правило С. Дика, очевидно, запрещаст два союза подряд внутри одного и того же уровня составляющих. Первый случай демонстрирует группа примеров (а), второй случай - группа примеров (б) (примеры представляют собой случайную выборку):

(а)

(91) *И ещё испускал дух <...> засыпающий отец Мухина, что просыпался, однако, не согласный **ни** с чем **и ни** с кем, и всякий раз прощально гудел: «Я всё р-разрушу-у-у-у!»* [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней (2001) // «Октябрь»];
(92) *Минут через пятнадцать мы с Джефом сидели вдвоём в его микроскопическом кабинете, где вообще-то не было места **ни для кого и ни для чего**, кроме бумаг и компьютера* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)];
(93) *Кроме того, новоявленного Аль Капоне **не выпустят на свободу ни под какие подписки и ни за какие залоги**, поскольку, как полагает следствие, Лебедев тут же может «раствориться» в зарубежных странах* [Д. Чернов. Прокуратура определилась с убийцами (2003) // «Время МН»];
(94) *Но отличаются они не только ценой, **но и** составом, **и**, соответственно, областью применения* [Т. Булгакова. Цветочная «косметичка» (2003) // «Сад своими руками»];
(95) *Кстати, за всю концертную деятельность Вертинского в СССР не было **ни одной передачи по радио, ни одной рецензии, но и ни одного свободного места в зале!*** [В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)];
(96) *Но как бы они **ни переплетались и ни усложнялись**, однажды всё содеянное каждым откроется, всплывёт и зачтётся, и снова горькая печаль, что будила его в позднем младенчестве, касалась Колюниной души, и он не спал до самого утра* [А. Варламов. Купавна (2000) // «Новый мир»];
(97) *Я запомнил не только их голые тела, **но и** их красивые лица, **и** причёски, **и** позы* [Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)];
(98) *И водки выпил, **но и** огурцом закусил.*

(б)

(99) *Приедет... **и или** нашпионит, как последний сукин сын, **или** же капризами все нервы вымотает: и то ему не так, и это не так!* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)];
(100) *Не потому отлягнуться, что тебя лягнули, **а или** лягнуться, **или** нет по выбору* [митрополит Антоний (Блум). Созерцание и деятельность (1971)].

Утверждая, что в примерах типа (а) *и* и *ни* не являются союзами, мы, конечно, должны привести основания для такой их квалификации. Но вопрос дифференциации союзов и частиц – слишком обширный, чтобы углубляться в него в рамках данной статьи. Ограничимся следующим критерием разграничения: только в конструкции с двойным союзом второй конъюнкт не может быть опущен [Завьялов 2008: 84]. Легко убедиться, что опустить второе вхождение *и* и *ни* позволяют все примеры группы (а). Ср.:

(91') *И ещё испускал дух <...> засыпающий отец Мухина, что просыпался, однако, не согласный* ***ни*** *с чем*;
(92') *Минут через пятнадцать мы с Джефом сидели вдвоём в его микроскопическом кабинете, где вообще-то не было места* ***ни для кого***;
(94') *Но отличаются они не только ценой,* ***но и*** *составом* и т. д.

4. ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧИНЕННУЮ СТРУКТУРУ

«Ограничение на сочиненную структуру» (ОСС) – широко известное свойство сочинительной конструкции, обнаруженное Дж.Р. Россом [Ross 1967], – состоит в следующем: никакая синтаксическая трансформация не может выдвинуть сочиненный элемент из сочиненной структуры, и ни один элемент, содержащийся в сочиненном элементе, не может быть выдвинут из этого элемента.

При двухместном сочинении, как и при одноместном, ОСС действует:

(101) **И кто, и отец отговаривали меня?* (Из *И мать, и отец отговаривали меня*);
(102) **Он или что принесет, или масло?* (Из *Он или сыр принесет, или масло*);
(103) **Ни что, ни радио не работает?* (Из *Ни телефон, ни радио не работает*);
(104) **То что слышится, то крик?* (Из *То вой слышится, то крик*).

Однако при двухместном сочинении действует еще и ряд дополнительных ограничений на применение трансформаций. Рассмотрим их для случая вопросительной трансформации.

В отличие от одноместного сочинения, в конструкции с двухместным союзом недопустимо сочинение двух раздельных вопросов к конъюнктам, при котором ОСС не нарушено.

Вопросы к подлежащему:

(105) **И кто пропал, и кто не звонит?* (*И Петя пропал, и Маша не звонит*);
ср. (106) *Кто пропал и кто не звонит?*;
(107) **Ни кто не пролетит, ни кто не промелькнет?*;
(108) **То кто заходит, то кто?*

Вопросы к дополнению:

(109) **То что подвернет, то что сломает?* (*То ногу подвернет, то руку сломает*);
(110) **Ни чего не выпил, ни чем не закусил?* (*Ни водки не выпил, ни огурцом не закусил*);
ср. (111) *Что выпил и чем закусил?*

Вопросы к определению:

(112) **Ты дашь и какие кровати, и какие умывальники?*;
(113) **Какие ты дашь и кровати и какие умывальники?* (*Дам и синие кровати, и белые умывальники*);
ср. (114) *Ты дашь какие кровати и какие умывальники?*;
(115) *Какие ты дашь кровати и какие умывальники?*

В предложениях такого типа ОСС не действует, потому что вопросительная конструкция допускает трактовку, при которой вопросительное слово не выдвинуто за пределы клаузы. Ср.: [*Что выпил*] *и* [*чем закусил*]*?* Тем не менее, приведенные примеры с двухместным союзом неграмматичны.

Попытаемся объяснить обнаруженное отличие двухместного союза от одноместного.

В обсуждаемых примерах каждый конъюнкт образует отдельную вопросительную структуру: *[*И что выпил*], [*и чем закусил*]*?* С семантико-коммуникативной точки зрения в вопросительной структуре различают известное и неизвестное

вопроса. В частновопросительной конструкции к неизвестному вопроса относится вопросительное слово; все остальное составляет известное вопроса. Соответственно, два союзных показателя оказываются каждый в своем известном вопроса (например, *и* в вопросе *И что выпил?; и* в вопросе *И чем закусил?*). Между тем линейно первый союзный показатель выражает смысл, который является незаконченным – как в грамматическом, так и в семантическом отношении: первый показатель грамматически и семантически отсылает ко второму показателю. Говоря в общем, эта отсылка представляет собой сообщение о том, что первым конъюнктом высказывание «не ограничится», но в чем именно заключается «продолжение» – до произнесения второго конъюнкта неизвестно. Это означает, что в примере типа **И что выпил, и чем закусил?* известное первого вопроса содержит (ссылку на) неизвестную информацию. В этом, как кажется, и кроется причина того, что раздельный вопрос к обоим конъюнктам в случае двухместного сочинения неграмматичен – несмотря на то, что он не запрещен «ограничением» и, соответственно, допустим при одноместном сочинении.

Вместе с тем, при двухместном сочинении, как и при одноместном, часто допустимо известное исключение из ограничения на сочиненную структуру – симметричное выдвижение элементов из обеих сочиненных клауз (*Across-The-Board extraction, ATB*). Ср.[6]:

(116) *Он тоже хотел бы знать, кто же это такой ловкий, что и ребенка смастерил, и глаз казать не хочет?* [В. Шукшин. Други игрищ и забав (1974)];
(117) *Куда и Петя любит ходить, и Иван каждый день бегает?* (*И Петя любит ходить в кино, и Иван каждый день туда бегает*);
(118) *Кому ни родители не помогают, ни друзья не звонят?* (*Ни родители ему не помогают, ни друзья не звонят*);
(119) *Куда то меня вызывают, то моего сослуживца?* (*То меня к начальству вызывают, то моего сослуживца*).

Почему вопрос с помощью ATB-Extraction грамматичен, тогда как раздельный вопрос к конъюнктам запрещен? При ATB-Extraction вопросительное слово выносится за границу обеих клауз: [*Куда* [*то меня вызывают*], [*то моего сослуживца*]? Напротив, при раздельном вопросе к конъюнктам вопросительные слова остаются в границах «своих» клауз: *[*И что выпил*], [*и чем закусил*]? Соответственно, при ATB все, кроме вопросительного слова, т. е. обе клаузы, оказывается в известном вопроса ([*то меня вызывают*], [*то моего сослуживца*] из примера выше). Тем самым не возникает ситуации, как при раздельном вопросе – когда первый союзный показатель, содержащий в отрыве от второго неизвестную информацию, попадает в известное вопроса без второго союзного показателя.

По той же причине при двойном сочинении допустим вопрос к члену предложения, находящемуся вне сферы действия двойного союза – конъюнкты в этом случае допускают трактовку, при которой они вместе, а не по отдельности, составляют известное вопроса:

(120) *Кто и не пишет, и не звонит?* (*Петя и не пишет, и не звонит*);
(121) *Кто то кричит, то воет?*;
(122) *Кому не поверили ни Семен, ни Иван?* (*Мне не поверили ни Семен, ни Иван*);
(123) *Какими вы нашли и Машу, и Петю?* (*Мы нашли и Машу, и Петю больными*).

[6] Примеры (116)–(119), безусловно, искусственные и в живой речи могут встретиться разве что в узкоспециальном контексте (ср., впрочем, пример (116) из корпуса). Однако нас в данном случае интересует, что они грамматичны – не запрещены русской грамматикой (пусть и неудачны стилистически). Для сравнения бесспорную неграмматичность демонстрируют примеры типа (110) **Ни чего не выпил, ни чем не закусил?*, иллюстрирующие невозможность при двойном союзе двух раздельных вопросов к клаузам.

Возвращаясь к АТВ, отметим, что, хотя в целом данная разновидность вопросительной трансформации к двухместному сочинению применима, она все-таки более ограничена в своей применимости, чем при одноместном сочинении. Так, с двухместным союзом недопустимы следующие конструкции:

(124) **Какие ты дашь и кровати, и умывальники?* (*Дам и белые кровати, и белые умывальники*);
(125) **Насколько краны должны быть или горячими, или холодными?* (*Краны должны быть или предельно горячими, или предельно холодными*).

Ср.:

(126) *Какие ты дашь кровати и умывальники?*;
(127) *Насколько краны должны быть горячими или холодными?*

Здесь причина неграмматичности, по-видимому, в том, что соответствующие примеры с двухместным сочинением нарушают обсуждавшееся выше свойство двухместного союза: такой союз может сочинять только максимальные проекции (см. раздел 2). Точно так же, как сочиняемые двухместным союзом ИГ не могут иметь «один на двоих» адъюнкт (ср. **синий и троллейбус, и автобус*) – так же невозможно и одно на двоих вопросительное слово (**Какие ты дашь и кровати, и умывальники?*).

Заключаем, что ОСС при двухместном сочинении действует, однако его применимость, по сравнению с одноместным сочинением, дополнительно ограничена особенностями двухместного союза. С одной стороны, под запретом оказываются такие конструкции, которые собственно ОСС не запрещает (раздельный вопрос к каждому конъюнкту). С другой стороны, исключение из ОСС – ATB-Extraction – двухместный союз в силу своих особенностей разрешает не столь свободно, как одноместный.

5. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ДВУХМЕСТНЫЙ СОЮЗ vs. ОДНОМЕСТНЫЙ vs. ЧАСТИЦА

5.1. Двухместный союз vs. одноместный

В вопросе разграничения двухместных и одноместных союзов хорошо работает интуиция носителя языка. Так, про предложение *Дело не клеится: и людей нет, и погода плохая* интуитивно ясно, что *и* в нем – двухместный. Этой «доступностью» для интуиции оппозиция *двухместное* vs. *одноместное* сочинение отличается, например, от таких оппозиций, как *союз vs. частица*, *сочинение vs. подчинение*, которые посредством одной интуиции не разрешаются и часто требуют серьезного анализа. Но какие факторы стоят за интуитивным разграничением двухместного и одноместного союза? Попытаемся ответить на этот вопрос, проанализировав несколько частных примеров потенциальной омонимии.

Необходимость дифференциации двухместного и одноместного союза может возникнуть, например, в случаях: 1) с двумя и более конъюнктами, где левую периферию каждой клаузы занимает союзный показатель (союз *и...и...* vs. последовательность союзов *и*) 2) с тремя и более конъюнктами, где союзный показатель отсутствует в линейно первом конъюнкте, но присутствует в двух и более следующих конъюнктах (например, бессоюзие + *и...и...* vs. союз *и*). Ср. примеры для обоих случаев:

1)
(128) ***И** Гойя смягчил то, что могло вызвать усмешку, **и** подчеркнул то, в чем была сила Гильмарде* (Л. Фейхтвангер. Гойя);
(129) *Дело не клеится: **и** людей нет, **и** погода плохая*;
(130) ***Или** помощь подоспеет, **или** герой сам сообразит, как выпутаться* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)];

2)

(131) *Я уже и сама забывала, что **и** где **и** когда* [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (2005)];

(132) *Бедняга страдает: с тех пор как у Алевтины объявился новый знакомец // блистательный, **и** красивый, **и** несколько скучающий математик Юрий Стрепетов, // Михайлов стал как-то особенно угрюмо поговаривать о своей семье...* [В. Маканин. Отдушина (1977)].

Предложение (128) ***И** Гойя смягчил то, что могло вызвать усмешку, **и** подчеркнул то, в чем была сила Гильмарде*, иллюстрирующее первый случай, невозможно, по-видимому, понять как конструкцию с двухместным союзом, а только как последовательность двух клауз, вводимых одноместным *и*. За счет чего возникает такое однозначное понимание?

В клаузах, входящих в (128), общая тема: это ИГ *Гойя*, эллиптированная во второй клаузе (***И*** [*Гойя*] *смягчил то, что могло вызвать усмешку, **и*** [~~*Гойя*~~] *подчеркнул то, в чем была сила Гильмарде*). Между тем двухместный *и* при клаузальном употреблении запрещает совпадение тем. Ср. аналогичные примеры:

(133) *И Ваня выпил, и Ваня закусил;*

(134) *И выпил Петя, и выпил Ваня.*

Предложения (133) и (134), как и пример с Гойей, можно понять только как последовательность двух одноместных *и*[7].

Запрет на общую тему связан, по-видимому, с семантической спецификой двухместного сочинения (подробно см. часть «Семантика»). Двухместный союз подчеркивает, что оба конъюнкта участвуют в сочинении. В союзе *и...и...* (а также *ни...ни*) это свойство присутствует особенно явно. Между тем, нет основания подчеркивать смысл 'оба', если речь идет об одном и том же, как именно и происходит при совпадении тем.

Заключаем, что пример (128) с Гойей однозначно интерпретируется как содержащий одноместный союз в силу семантических причин; интуиция, стоящая за разграничением двух *и* в данном случае, восходит к семантике двухместного сочинения.

Семантические факторы стоят и за интерпретацией предложения (129) *Дело не клеится: и людей нет, и погода плохая* – двухместной в данном случае. Здесь оба конъюнкта в равной мере служат обоснованием для утверждения *Дело не клеится*; поэтому прагматически уместно подчеркивать участие обоих конъюнктов в сочинении, что, как сказано, свойственно двухместному союзу.

Обратимся к примеру (130) с союзом *или*, также соответствующему случаю 1):

(130) *Или помощь подоспеет, или герой сам сообразит, как выпутаться* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Вне контекста (130) скорее понимается в духе двухместного союза. Причины такого понимания опять-таки семантические. Союз *или...или...* выражает выбор из нескольких альтернатив, набор которых ограничен конъюнктами, вводимыми частями союза, и не может включать в себя информацию из предтекста. Так, в (130) выбор осуществляется строго между двумя возможностями: *помощь подоспеет* и *герой сам сообразит* <...>. В конструкции же с одноместным *или* список альтернатив более открытый, поскольку начальная граница первого конъюнкта не маркирована союзным показателем. Поэтому предложение (130) вне контекста располагает к двухместному пониманию, а определенный контекст может, наоборот, подсказывать одноместную интерпретацию. Ср.:

(135) *Все непременно разрешится. Злодеи одумаются. Или помощь подоспеет. Или герой сам сообразит, как выпутаться.*

---

[7] Различая два понимания, мы по-прежнему опираемся на интуицию. Наша задача – выяснить, что за этой интуицией стоит.

До сих пор рассматривался только первый из названных выше случаев потенциальной омонимии. Но и во втором случае (три и более конъюнктов, где союзный показатель отсутствует в линейно первом, но присутствует в двух и более следующих конъюнктах) потенциальная омонимия, похоже, предотвращается или разрешается особой семантикой двойного союза. Так, пример ***блистательный, и красивый, и несколько скучающий*** *математик Юрий Стрепетов* можно понять как сочетание *блистательный* + конструкция с *и...и...*, но только при условии, что второй и третий конъюнкты «поясняют» первый, ср. ***блистательный – и красивый, и несколько скучающий*** *– математик Юрий Стрепетов*. Если же все три конъюнкта – семантически однородные, т. е. ни один из них не является уточнением или пояснением другого, союз может быть истолкован только как одноместный. Это объясняется опять-таки особой семантикой двухместных союзов: конъюнкты, вводимые двойным союзом, будут обладать этой семантикой, а левый «бессоюзный» конъюнкт - не будет. Отсюда – неизбежность, при двухместной интерпретации, определенного семантического неравенства между первым конъюнктом, с одной стороны, и последующими конъюнктами – с другой. Так, если однородная семантика является единственно возможной, то понимание в духе двухместного союза исключено, ср. *Я уже и сама забывала,* ***что и где и когда*** (можно понять только как одноместный *и*).

Формальным тестом для такого рода конструкций могут служить предложения с так называемыми «симметричными предикатами». Двухместный союз не используется в «симметричных предикатах», поскольку «в предложении с двухместным союзом каждый конъюнкт рассматривается отдельно» [Haspelmath 2007: 15]. Ср.: **И испанский, и французский похожи.* Между тем при наличии слева еще одного конъюнкта, допускающего только «однородное» понимание, предложение грамматично, т. е. трактовка конструкции как содержащей двойной союз исключена. Ср.:

(136) *Романские языки – итальянский, и испанский, и французский – похожи.*

Аналогично:

(137) **И Ваня, и Маша друг друга невзлюбили.*
vs.
(138) *Мои новые друзья – Петя, и Ваня, и Маша – друг друга невзлюбили.*

Итак, дифференциация одноместного и двухместного союза всегда разрешается семантически.

Более общий вывод состоит в том, что в основе оппозиции одноместного vs. двухместного сочинения лежат прежде всего семантические факторы: в своего рода минимальной паре, противопоставляющей одноместный и двухместный союзы, разграничение осуществляется исходя из одной семантики. Ср. в этой связи оппозиции *сочинение vs. подчинение*, *сочинение vs. бессоюзие*, *союз vs. частица*, которые не могут быть дифференцированы на (чисто) семантической основе.

5.2. Двухместный союз vs. частица: *ни...ни.../ни*

Чтобы нагляднее проиллюстрировать вывод предыдущего раздела, посмотрим, какие факторы лежат в основе разграничения союза *ни...ни* и повтора частицы *ни*. Речь идет о скалярной частице *ни*, традиционно усматриваемой [Завьялов 2008: 84] в примерах типа:

(139) *В лесу ни шороха, ни звука.*

Налицо формальное сходство (139) с примерами следующего типа, где традиционно усматривается, наоборот, союз:

(140) *Не дам ни кроватей, ни умывальников.*

Рассмотрим отличия союза *ни...ни* от частицы *ни*, лежащие в основе такого разграничения.

Грамматические отличия:

1. При повторе частицы, но не в конструкции с союзом, второй конъюнкт может быть опущен. Ср. *В лесу ни шороха.* vs. **Не дам ни кроватей.*

2. Частица, но не союз, сочетается с другим сочинительным союзом (согласно критерию С. Дика). Ср. *В лесу ни шороха и ни звука.* vs. **?Не дам ни кроватей и ни умывальников.*

3. Согласно [РГ 1980, II: § 2661], основной морфо-синтаксический контекст употребления частицы *ни* – при ИГ в род. п. ед. числе, ср. *В лесу ни шороха. В доме ни души.* (Это же – основной контекст, создающий омонимию союз / частица.) Союз *ни...ни* свободно употребляется с ИГ в обоих числах, ср. *Не дам ни кроватей, ни умывальников.* vs. *Не дам ни кровати, ни умывальника.*

Семантические отличия:

4. Отрицание, выражаемое частицей *ни*, имеет исключающий характер: 'ни одного', 'ни единого'. Союз *ни...ни* данного смысла не выражает. Ср.:

'*В лесу ни шороха, ни звука*' ≅ 'ни единого шороха, ни единого звука'.

'*Не дам ни кроватей, ни умывальников*' ≅ 'не дам ни того, ни другого'; смысл 'ни единой кровати, ни единого умывальника' не подразумевается.

5. ИГ, вводимая частицей, всегда имеет нереферентный денотативный статус; ИГ, вводимая союзом, может иметь как референтный, так и нереферентный статус. Под нереферентной ИГ мы понимаем, вслед за [Падучева 2004: 94], «субстантивные ИГ, которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов». Неиндивидуализированный объект – это такой объект, который «не то что неизвестен говорящему, а в принципе не может быть предъявлен или указан, поскольку он не выбран» среди объектов своего класса. Референтные ИГ, напротив, «индивидуализируют объект или множество объектов». Ср. *В лесу ни шороха, ни звука* / *На небе ни облачка*: частица *ни* отрицает существование, вообще, объектов данного класса, и в качестве имени класса выступает какой-то его не индивидуализированный представитель. Союз, в отличие от частицы, может выражать отрицание применительно к индивидуализированным объектам, ср. *Ни телефон, ни радио не работают* ≅ 'не работают конкретные телефон и радио'. *Не дам ни кроватей, ни умывальников*: ИГ, в зависимости от контекста, могут иметь и референтный, и нереферентный статус ('не дам определенных кроватей и определенных умывальников' vs. 'не дам никаких кроватей и никаких умывальников').

Свойства 3, 4 и 5 взаимосвязаны. Исключающий характер отрицания, свойственный частице (свойство 4), согласуется с нереферентным денотативным статусом ИГ (свойство 5): когда речь идет о полном отсутствии чего-либо, нет смысла индивидуализировать несуществующие объекты. По той же причине при *ни*-частице прототипически употребляется ИГ в ед. ч. (свойство 3) – как имя класса неиндивидуализированных объектов.

Казалось бы, названные отличия частицы от союза должны в подавляющем большинстве употреблений *ни* указывать, какое *ни* в конкретном случае фигурирует. Однако реальная ситуация сложнее. Проиллюстрируем это с помощью случайной выборки корпусных примеров (большое число примеров призвано создать общее представление о контекстах, требующих различения союза и частицы *ни*):

(141)

i. *Следует помнить, что в данном случае медики столкнутся с нестандартными и неизвестными агентами, для которых не существует* ***ни разработанных тестов для обнаружения и диагностики, ни методов воздействия на агент в среде и в организме*** [А.С. Спирин. Фундаментальная наука и проблемы экологической безопасности (2004) // «Вестник РАН»];

ii. *Но позднее не стало* ***ни Завражья, ни острова*** *посреди Волги, реку расширили, отчего появилась реальная угроза затопления прибрежной части Юрьевца* [Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена»];
iii. *Не было* ***ни человека, ни животного, ни птиц****, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов...* [Книга Бытия (2004) // «Народное творчество»];
iv. *Правда, тут этими проектами их так загружают, что на дурню потом* ***ни времени ни желания*** *уже не остаётся* [Наши дети: Подростки (2004)];
v. *Не было* ***ни буфетов, ни спальных принадлежностей*** [А. Афанасьев. Суд присяжных в России (2003) // «Отечественные записки»];
vi. *Не было бы* ***ни суда, ни волнений, ни расходов****, если бы Елена Ч. не стала грубо нарушать Правила* [С. Волгин. Дело о въезде под «кирпич» (2003) // «За рулем»];
vii. *В таких зданиях свет льётся со всех сторон – как будто нет* ***ни стен, ни потолка*** [А. Волков. Одеться с иголочки и без ниточки (2003) // «Знание – сила»];
viii. *Допустим всё же, что не будет* ***ни операций, ни сражений, ни стратегического развёртывания, ни направления*** *сосредоточения основных усилий, ни огня, ни маневра – ничего не будет* [М. Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия (2003) // «Отечественные записки»];
ix. *У родителей просто не хватает* ***ни времени, ни сил*** *на разнообразные «педагогические изыски»...* [М. Давыдова. Кто в доме хозяин? (2003) // «100 % здоровья»];
x. *А в голове ровным счётом ничего не росло //* ***ни кустика воспоминаний, ни травинки мыслей*** [А. Дорофеев. Эле-Фантик (2003) // «Мурзилка»];
xi. *Глубокая лёгкая синева,* ***ни облачка, ни ветерка*** [В. Крейд. Георгий Иванов в Йере (2003) // «Звезда»];
xii. *Не люблю* ***ни восторгов, ни мук****, Не люблю* ***ни улыбок, ни слёз****. А люблю только то, что цвело* [В. Крейд. Георгий Иванов в Йере (2003) // «Звезда»];
xiii. *Каждое представление рассчитано на 3 часа и будет включать 15–16 номеров, чтобы не утомить* ***ни зрителей, ни жюри*** [Е. Налимова. На арене – фестиваль (2003) // «Богатей» (Саратов)];
xiv. *У неё ничего не осталось:* ***ни семьи, ни работы, ни жилья*** [В. Токарева. Своя правда (2002) // «Новый мир»];
xv. *Это не может оскорбить* ***ни памяти умершего, ни чувств собравшихся*** [Е. Власова. Дети и смерть (2002) // «Домовой»];
xvi. *Мы быстро переодеваемся, выходим – и* ***ни машины, ни дежурного****, никого* [Т. Клейман. Левон Оганезов: Когда я вернулся, у меня не было ни квартиры, ни адреса (2002) // «Вечерняя Москва»].

Если попытаться использовать свойства 1–5 как критерии разграничения союза *ни...ни* и частицы *ни*, окажется, что результаты применения этих критериев к примерам (141i–xvi) не вполне согласованы.

Так, в примере (iv) *Правда, тут этими проектами их так загружают, что на дурню потом* ***ни времени ни желания*** *уже не остается* отрицание не имеет выраженного исключающего характера, свойственного частице ('не остается ни того, ни другого – ни времени, ни желания'); второй конъюнкт *ни желания* не может быть опущен (**на дурню потом не остается ни времени*). Следовательно, свойства 4 и 1 указывают на то, что в данном примере фигурирует союз. Вместе с тем, как будто бы допустимо употребить перед вторым *ни* сочинительный союз, что, наоборот, свидетельствует в пользу частицы, ср. *Правда тут этими проектами их так загружают, что на дурню потом* ***ни времени и ни желания*** *уже не остается*. Ср. также *Все время только отбиваюсь, нет ни финансовых возможностей,* ***ни сил и ни желания*** *пробивать что-то свое* (Google).

Вообще, критерий С. Дика на сочетаемость с сочинительным союзом в случае с *ни* оказывается ненадежным, а то и вовсе неприменимым: про значительную часть примеров (i–vxi) трудно определить, допускают ли они добавление союза. Ср.:

(iii') *? Не было* ***ни человека и ни животного, ни птиц****, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов...*;
(vi') *? Не было бы* ***ни суда и ни волнений и ни расходов****, если бы Елена Ч. не стала грубо нарушать Правила*;

(ix') *? У родителей просто не хватает* ***ни времени и ни сил*** *на разнообразные «педагогические изыски»...;*

(xiv') *? У неё ничего не осталось:* ***ни семьи, и ни работы, и ни жилья***;

(xvi') *? Мы быстро переодеваемся, выходим— и* ***ни машины, и ни дежурного****, никого.*

Как интерпретировать приведенные факты?

Имеются прототипические случаи, в которых частица и союз хорошо дифференцируемы на основании свойств 1–5. Следующие примеры иллюстрируют такие случаи.

НИ...НИ-союз:

(i) *Следует помнить, что в данном случае медики столкнутся с нестандартными и неизвестными агентами, для которых не существует* ***ни разработанных тестов для обнаружения и диагностики, ни методов воздействия на агент в среде и в организме*** [А.С. Спирин. Фундаментальная наука и проблемы экологической безопасности (2004) // «Вестник РАН»];

(ii) *Но позднее не стало* ***ни Завражья, ни острова*** *посреди Волги, реку расширили, отчего появилась реальная угроза затопления прибрежной части Юрьевца* [Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена»];

(v) *Не было* ***ни буфетов, ни спальных принадлежностей*** [А. Афанасьев. Суд присяжных в России (2003) // «Отечественные записки»];

(xiii) *Каждое представление рассчитано на 3 часа и будет включать 15–16 номеров, чтобы не утомить* ***ни зрителей, ни жюри*** [Е. Налимова. На арене – фестиваль (2003) // «Богатей» (Саратов)].

НИ-частица:

(x) *А в голове ровным счётом ничего не росло //* ***ни кустика воспоминаний, ни травинки мыслей*** [А. Дорофеев. Элс-Фантик (2003) // «Мурзилка»];

(xi) *Глубокая лёгкая синева,* ***ни облачка, ни ветерка*** [В. Крейд. Георгий Иванов в Йерс (2003) // «Звезда»].

Уточним, что примеры с *ни*-частицей **допускают** трактовку *ни* как частицы (по всем свойствам 1–5) – но могут при этом разрешать и союзную трактовку, представляя собой омонимичную конструкцию. Так, предложение *А в голове ровным счетом ничего не росло – ни кустика воспоминаний, ни травинки мыслей* имеет два значения, соответствующих *ни*-частице ('ни единого кустика воспоминаний', 'ни единой травинки мыслей') и *ни...ни*-союзу ('в голове не росло ни того, ни другого'). Взятое в первом значении, это предложение удовлетворяет формальным свойствам *ни*-частицы: допускает опущение второго конъюнкта (*В голове не росло ни (единого) кустика воспоминаний*); допускает добавление сочинительного союза (*Ни (единого) кустика воспоминаний и ни (единой) травинки мыслей*).

Наряду с прототипическими, имеются промежуточные случаи, где дифференциация на основе свойств 1–5 затруднена. Это прежде всего случаи, не исключающие добавление сочинительного союза (ср. выше примеры «со штрихом»), но по некоторым другим свойствам претендующие на статус союза, а не частицы:

(iii) *Не было* ***ни человека, ни животного, ни птиц****, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов...;*

(vi) *Не было бы* ***ни суда, ни волнений, ни расходов****, если бы Елена Ч. не стала грубо нарушать Правила;*

(ix) *У родителей просто не хватает* ***ни времени, ни сил*** *на разнообразные «педагогические изыски»...;*

(xiv) *У нее ничего не осталось:* ***ни семьи, ни работы, ни жилья***;

(xvi) *Мы быстро переодеваемся, выходим – и* ***ни машины, ни дежурного****, никого.*

В пользу союзной трактовки говорит семантика данных предложений: отрицание имеет здесь скорее общий характер ('ни того, ни другого'), чем исключающий (ср., впрочем, допустимость в некоторых случаях перифразы с *единый*: 'ни единого человека', 'ни единой машины'). О союзе же свидетельствует невозможность опустить второй и последующие конъюнкты: **Не было ни человека*, **Не было бы ни суда*, **Просто не хватает ни времени*, **У нее не осталось ни семьи*, *?Выходим и ни машины*.

Как видим, среди свойств 1–5 основной источник неясности – критерий Дика (свойство 2): почему конструкции, по своим свойствам в целом удовлетворяющие союзной трактовке, все-таки не исключают сочетание с сочинительным союзом?

По-видимому, окончательная грамматическая дифференциация *ни*-частицы и *ни...ни*-союза в русском языке не произошла. Проявлением этого служит, как кажется, следующее обстоятельство: *ни...ни...*, даже если в целом отвечает союзной трактовке, часто допускает замену на местоименное прилагательное с префиксом *ни- никакой* – которое, очевидно, ближе частице, чем союзу (и в синхронии, и в диахронии). Ср.:

(142) а. *ни времени, ни сил* vs. б. *никакого времени, никаких сил*.

Возможность такой замены отчасти объясняет, почему *ни...ни* по своим формальным признакам часто не квалифицируем однозначно ни как союз, ни как частица. За союзную трактовку (142а) говорит невозможность опустить второй конъюнкт (**ни времени*). За трактовку *ни* в (142а) как частицы – возможность употребить перед *ни* сочинительный союз: *ни времени и ни сил*. Между тем в варианте с *никакой*, близким по своим свойствам *ни*-частице, такого разнобоя в свойствах не обнаруживается: как и ожидается, *никакой* сочетается с сочинительным союзом (*никакого времени и никаких сил*) и разрешает опустить второй конъюнкт (*нет никакого времени*). Разнобой в свойствах *ни...ни* происходит, возможно, от того, что сквозь *ни*-союз «просвечивает» *никакой*, и грамматические свойства размываются.

Рассмотренный материал свидетельствует, что оппозиция *союз vs. частица* в значительно меньшей степени доступна интуиции, чем оппозиция *двухместный vs. одноместный союз*, и, в отличие от последней, отнюдь не исчерпывается семантическими факторами.

СЕМАНТИКА

6. ОБЩИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДВУХМЕСТНОГО СОЧИНЕНИЯ

В [Haspelmath 2007: 15] отмечены два общих семантических свойства двухместного союза:

(1) в конструкции с двойным союзом подчеркнуто, что каждый конъюнкт участвует в сочинении;

(2) каждый конъюнкт рассматривается отдельно.

Скажем подробнее про (1) и (2).

Относительно (1) уточним, что под «конъюнктом» здесь понимается, очевидно, «терм или ситуация, выражаемая конъюнктом», т.е. единица не синтаксической, а семантической природы. Согласно (1), двойной союз подчеркивает, что выражаемое им отношение затрагивает обе ситуации / терма (в отличие от одноместного союза, который данный смысл выражает, но не акцентирует). Ниже для простоты будем придерживаться формулировки (1) без соответствующей оговорки.

Свойство (1) – акцент на участии в сочинении каждого конъюнкта – обеспечивается формальным устройством двухместного союза: наличием при каждом конъюнкте

своего союзного показателя. Следствием этого синтаксического параллелизма, свойственного двухместной сочинительной конструкции, является, по-видимому, не только (1), но и следующее, взаимосвязанное с (1), свойство (1'):

(1') Ситуации A и B в *co1 A, co2 B* одинаково имеют, могут иметь или не имеют место – ни одна из них не является в каком-то смысле приоритетной.

(1'), по сравнению с (1), отражает не просто факт участия в сочинении обоих конъюнктов, но – факт равноправного участия.

По-видимому, из-за свойств (1)/(1') двойного варианта не имеют противительные союзы *а* и *но* (**А кровати, а умывальники*; **Но кровати, но умывальники*). Они выражают значения противоречия (*но, а*) и сопоставления (*а*). Оба значения плохо поддаются симметричному представлению: из двух ситуаций, A и B, естественнее всего одну представить как образцовую, исходную, а вторую – как ей противоречащую / с ней сопоставленную. Такая несимметричная интерпретация противоречия и сопоставления, хотя и не является единственно возможной логически, кажется наиболее естественной для восприятия и усугубляется линейным характером речи.

В формулировке свойства (2) «каждый конъюнкт рассматривается отдельно», как и в формулировке свойства (1), термин «конъюнкт» следует понимать в семантическом, а не в синтаксическом смысле. Однако здесь важно также, что «отдельное рассмотрение» касается всегда ситуаций, а не термов – даже тогда, когда сам по себе двойной союз соединяет термы (ИГ), а не ситуации (не клаузы). При соединении союзом термов «отдельно рассматриваются» ситуации, выраженные соответствующими ИГ совместно с их «общим» предикатом: например, ситуации 'Маша учится в школе' и 'Петя учится в школе' в предложении *И Маша, и Петя учатся в школе*. Тот факт, что при соединении союзом термов свойство (2) реализуется указанным образом, проявляется в известной особенности двойного союза: он не используется с «симметричными предикатами» [Haspelmath 2007: 15; Санников 2008: 299]. Ср.:

(143) **И испанский, и португальский похожи;*
(144) *И Миша, и Катя целуются* (невозможно в «симметричном» понимании);
(145) *Ни Миша, ни Катя не целуются.*

В примерах (143)–(145) части союза соединяют термы, но предложения неграмматичны из-за невозможности отдельного рассмотрения соответствующих ситуаций (ситуаций 'испанский похож' и 'португальский похож' и др.).

Помимо неспособности двухместного союза сочетаться с симметричными предикатами, свойство (2) имеет следующие семантико-синтаксические следствия:

1. В конструкции с двойным союзом невозможно денотативное тождество конъюнктов (примеры из [Санников 2008: 141]):

(146) *Это был знаменитый писатель и врач Смирнов*;
(147) **Это был и знаменитый писатель, и врач Смирнов.*

В данных примерах единственно возможным является понимание, при котором денотаты ИГ *писатель* и *врач* совпадают. Соответственно, двойной союз оказывается недопустим, так как тождество денотатов вступает в противоречие с «отдельным рассмотрением конъюнктов».

2. Свойством (2) можно объяснить и запрет на сочинение с помощью двухместного союза немаксимальных проекций, рассмотренный в части «Синтаксис».

Напомним, что в русском, как и в английском, двухместный союз, в отличие от одноместного, может за некоторыми исключениями сочинять только максимальные проекции. Исключение составляют, во-первых, глагол и, во-вторых, союзы *то ли... то ли/не то...не то*, иногда как будто разрешающие сочинение немаксимальных проекций:

N: **синий ни/и троллейбус, ни/и автобус; *интересный то фильм, то спектакль; *?синий или троллейбус, или автобус; синий то ли/не то троллейбус, то ли/не то автобус;*

P: **?прямо и/ни/то над, и/ни/то под окном; *?прямо и/ни/то перед, и/ни/то за поворотом; ?прямо или перед, или за поворотом; ?прямо то ли/не то перед, то ли/не то за поворотом;*

A: *очень ни хороший, ни плохой; *?очень и больной, и одинокий; *очень или/то горячий, или/то холодный; слишком то ли/не то горячий, то ли/не то холодный;*

V: *он будет или/и/ни/то/то/ то ли/не то есть, или/и/ни/то/то/ то ли/не то пить; он не будет ни есть, ни пить.*

В связи с данными фактами неотвеченными остались вопросы: 1) почему двухместный союз запрещает сочинение немаксимальных проекций, в отличие от одноместного? 2) почему такое сочинение допустимо для *то ли... то ли / не то... не то*? Семантическое свойство (2), как кажется, позволяет единообразно ответить на оба вопроса.

Первый вопрос. Максимальная проекция именных групп цсликом указывает на некоторый референт; входящие в нее составляющие всегда имеют иную референцию. Ср. [*синий троллейбус*]$_{ИГ}$: референт вершины *троллейбус* не совпадает с референтом всей ИГ. При сочинении немаксимальных проекций с помощью двухместного союза референция конъюнктов оказывается зависимой от некоторого, общего для конъюнктов, третьего элемента – того, который «не вошел» в конъюнкты, но входит в максимальную проекцию (*синий* в **синий ни/и троллейбус, ни/и автобус* и т.д.). Такая «взаимозависимая» референция вступает в противоречие с «отдельным рассмотрением конъюнктов» (семантическое свойство (2)). Одноместный же союз, не обладающий семантическим свойством (2), не подлежит и запрету на сочинение немаксимальных проекций ИГ.

Хотя группа прилагательного (ГПрил) и предложная группа (ПредГ) с точки зрения референции устроены существенно иначе, чем ИГ, основная идея сказанного в целом приложима и к ним: семантическая интерпретация конъюнктов, представляющих собой немаксимальные проекции, оказывается зависимой от общего «остатка» – части максимальной проекции, не вошедшей в конъюнкты, и это не позволяет соблюсти требование «отдельного рассмотрения».

Обратимся ко второму вопросу – почему сочинение немаксимальных проекций все-таки допустимо для союзов *то ли...то ли* и *не то... не то*?

Эти союзы квазисинонимичны – уже одно это наводит на мысль, что дело в их семантике. Оба союза выражают выбор из взаимоисключающих альтернатив, подчеркивая «незнание того, какая из альтернатив имеет место» [НОСС 2000: 439]. При этом, по сравнению с другими разделительными союзами, в частности *или...или*, *то ли...то ли* и *не то... не то*, по-видимому, акцентируют выбор одной и только одной альтернативы. Такое категоричное взаимоисключение прагматически естественно сосуществует с незнанием говорящего того, какая именно из альтернатив истинна. В самом деле, если на первый план вынесено незнание того, что именно выбрать, то тем самым акцентирован и сам **выбор**: **предпочтение** одной альтернативы другой, но не их одновременная реализация. Повторим, что даже семантически наиболее близкий к *то ли...то ли* и *не то... не то* разделительный союз *или...или*, по-видимому, выражает взаимоисключение с меньшей категоричностью (подробнее о значении *или...или* см. раздел 7).

Именно взаимоисключающая семантика *то ли...то ли* и *не то... не то* позволяет, как кажется, соблюсти требование «отдельного рассмотрения» даже при сочинении немаксимальных проекций: за счет нее семантическая интерпретация конструкции может быть представлена как последовательная, а значит, отдельная интерпретация каждого конъюнкта. Так, интерпретацию высказывания *синий то ли троллейбус, то ли автобус* можно представить в виде последовательности следующих «шагов»: ‘возможно, синий троллейбус’ (и тогда не второй конъюнкт, который может быть удален из рассмотрения), ‘возможно, синий автобус’ (и тогда не первый конъюнкт, который может быть удален из рассмотрения). Тем самым, взаимоисключающая семантика союза позволяет избежать совместного рассмотрения конъюнктов.

Оговоримся, что свойство (2), легшее в основу нашего ответа на поставленные вопросы – по-видимому, главный, но не единственный действующий здесь фактор. Так, данное свойство не объясняет, почему сочинение немаксимальных проекций с помощью союза *то ли... то ли* не является одинаково приемлемым для разных фразовых категорий: для случая ПредГ результат такого сочинения менее приемлемый, чем для ИГ и ГПрил (ср. примеры выше). Более основательное объяснение приведенных данных остается для дальнейшего исследования (см. также сноску 5).

7. СЕМАНТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ: КОНКРЕТНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩИХ СВОЙСТВ

Повторим основные семантические свойства двойных союзов: (1) в конструкции с двойным союзом подчеркнуто, что каждый конъюнкт участвует в сочинении; (1') ситуации A и B в *co1 A, co2 B* одинаково имеют, могут иметь или не имеют место – ни одна из них не является в каком-то смысле приоритетной. (2) Каждый конъюнкт рассматривается отдельно.

Рассмотрим последовательно семантику союзов *и...и...*, *ни...ни...*, *или...или...* и *то...то...* в сравнении с их одноместными аналогами, стремясь выявить взаимосвязи между особенностями конкретных союзов и общими семантическими свойствами двухместного сочинения. Подчеркнем, что связь общих и частных семантических особенностей – в центре нашего интереса, а другие, не касающиеся этой связи вопросы семантического описания союзов, остаются за рамками изложения. Поэтому мы позволяем себе опустить обсуждение ряда важных работ по семантике рассматриваемых союзов (в частности, [НОСС 2003; Урысон 2011]).

Союзы *и...и...*, *ни...ни...*, *или...или...* и *то...то* делятся на две группы *и...и...* и *ни...ни..*, с одной стороны, и *или...или...* и *то...то* – с другой – по следующему признаку: семантико-синтаксический параллелизм, свойственный двухместной сочинительной конструкции (свойства (1) и (1')), в союзах *и...и...* и *ни...ни...* выражен особенно сильно. Это связано с тем, что в конструкции с данными союзами ситуации, соответствующие конъюнктам, не являются ни в каком смысле (временно́м, логическом, каком-то еще) взаимоисключающими. Напротив, семантика союзов *или...или* и *то...то...* построена именно на взаимоисключении: выбор между двумя возможностями для *или* и чередование во времени для *то...то...*

Отметив данную общую особенность, обратимся к рассмотрению конкретных союзов.

И...И... / И

Отсутствие взаимоисключения в семантике *и...и* (как и *ни...ни*) представляется уместным отразить в толковании союза наличием смыслового компонента 'оба':

'И A и B' ≈ 'A, B – **обе** ситуации имеют место';

ср.:

'A и B' (в сосинительном значении) ≈ 'A имеет место, B имест место'.

Отметим две семантические особенности двухместного *и*:

а) В отличие от своего одноместного аналога, *и...и...* не может выражать временного или причинного следования – только простое соединение. Ср. невозможность замены на *и...и...* временного / причинного *и*:

(148) *Имею (и) аттестат о полном среднем образовании и серебряную медаль* [Автобиография (2006)];

(149) (**И*) *Закрыть кастрюлю крышкой и на небольшом огне припускать рыбу в течение 18–20 минут* [Рецепты национальных кухонь: Армения (2000-2005)];

(150) *Я разрешил его тем, что (*и) взял ружьё и подстрелил ворона* [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000-2005)];

(151) (**И*) *Я взяла сына, и мы отправились по магазинам.*

Это следствие общего свойства (1'): в причинных и временных конструкциях A и B семантически неравноправны – одно в том или ином смысле вытекает из другого.

б) При клаузальном сочинении с помощью двухместного *и* у конъюнктов не могут совпадать темы, ср.:

(152) *И Петя выпил, и Петя закусил* (только как последовательность двух одноместных *и*);
(153) *И выпил Петя, и выпил Ваня* (только как последовательность двух одноместных *и*)
vs.
(154) *И Петя выпил, и Ваня выпил* (возможна двухместная интерпретация).

Запрет на общую тему связан, по-видимому, с компонентом 'оба' в значении союза: нет оснований подчеркивать смысл 'оба', если речь идет об одном и том же. Исходя из соображений логики союз *и...и* в силу компонента 'оба' должен бы запрещать полное совпадение ситуаций, соответствующих клаузам – а не просто совпадение тем. Однако тема – это «имя» ситуации: то, о чем идет речь. Поэтому кажется естественным, что требование о различии ситуаций сводится к запрету на совпадение тем.

Обратим внимание, что данный запрет не касается атонической темы[8], ср.:

(155) *И первая модель заказчику не понравилась, и вторая не пришлась ему по вкусу.*

Кореферентные ИГ *заказчику* и *ему* выступают в роли атонической темы – коммуникативно наименее значимой единицы высказывания, не несущей коммуникативно релевантного акцента. По сравнению с «обычной», акцентированной темой, атоническая тема в значительно меньшей степени вводит и называет собой ситуацию. Проявлением этого служит, в частности, типичная позиция атонической темы – не начальная (в отличие от обычной темы). Видимо, поэтому запрет на совпадение тем и не относится к атонической теме.

НИ...НИ...

Ни...ни принято считать отрицательным аналогом *и...и...* [РГ 1980, II: 618; Санников 2008: 300]. Действительно, *ни...ни...* имеет, по-видимому, в точности симметричное *и...и...* значение:

'ни A ни B' ≈ 'A, B – **обе** ситуации **не** имеют места'.

Как и двухместный *и*, *ни...ни* запрещает совпадение тем в клаузальных конъюнктах:

(156) **Ни Петя не выпил, ни Петя не закусил.*

Причина запрета, очевидно, та же: смысл 'оба' в значении союза.

Обратим внимание, что союзы *или... или* и *то...то..*, в значении которых, в отличие от двухместных *и* и *ни*, нет оснований усматривать смысла 'оба', не запрещают и совпадения тем:

(157) *По отношению к роману есть только две политики - или* $[он]_T$ *есть, или* $[его]_T$ *нет...* [В. Аксенов. Таинственная страсть (2009)];
(158) *То* $[он]_T$ *есть, то* $[его]_T$ *нет.*

ср.:

(159) **И* $[он]_T$ *есть, и* $[его]_T$ *нет.*

ИЛИ...ИЛИ.../ИЛИ

Конструкция *Или A или B* (в отличие от *A или B*):

[8] Наше внимание обратил на этот факт Я.Г. Тестелец.

а) выражает смысл ‘невозможно, чтобы не А и не В’ [Санников 2008: 203];

б) сама по себе не выражает, но «естественно сочетается» со смыслом ‘не А и В вместе’.

Скажем подробнее про а) и б).

Из-за свойства а) типичным для двухместного *или* является контекст, подразумевающий, что «третьего не дано»:

(160) *Темперамент, он или есть, или его нет* [Наши дети: Подростки (2004)];

(161) *«О мёртвых или хорошо, или ничего» - говорит латынь* [«Когда разгуляется» 2 (2001) // «Известия»];

(162) *Однако ответ на вопрос, будет ли театр драматическим или пост-драматическим, не формулируется по взаимоисключающей схеме «или // или»* [Нежданные встречи (2004) // «Театральная жизнь»].

Благодаря свойству а) *или...или* свободно (особенно по сравнению с одноместным *или*) приобретает в нужном контексте условную семантику, ср. *Или ты сегодня уедешь – или не уедешь отсюда никогда* [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)]. Аналогичное высказывание с одноместным *или* также допустимо, ср. *Ты уедешь сегодня – или не уедешь никогда,* но менее типично. Условное значение вытекает из условия а) логически: раз обязательно или А, или В, то если не А, то В.

Свойству а) можно предложить объяснение, связанное с общим для двойных союзов свойством (1)/(1’) «оба конъюнкта участвуют в сочинении – ни один не является приоритетным». Конструкция *или А, или В* потому исключает какую-то третью ситуацию С, что данный двухместный союз делит максимальную стопроцентную вероятность наступления той или иной ситуации равноправно, т. е. поровну, между А и В – в результате чего для ситуации С, так сказать, не остается места.

Обратимся к б): конструкция *Или А или В* сама по себе не выражает, но «естественно сочетается» со смыслом ‘не А и В вместе’.

Обширная литература посвящена вопросу о том, выражает ли одноместный союз *или* что-либо о возможности совмещения / несовмещения ситуаций, отвечающих конъюнктам (смыслы ‘А и В вместе’ / ‘не А и В вместе’). Об этом см., например [Падучева 1964; Lakoff 1971; Гладкий 1979]. Справедливой кажется трактовка одноместного *или* из [Санников 2008: 192], согласно которой конструкция *А или В* не содержит ни компонента ‘не А и В вместе’, ни компонента ‘А и В вместе’ в том смысле, что она попросту не учитывает возможности совмещения ситуаций А и В – такое совмещение «не запрещено и не разрешено, говорящий вообще о нем не думает». Поэтому *А или В* можно продолжить как высказыванием *Или А и В вместе*, так и высказыванием *Но не А и В вместе* – в зависимости от того, как говорящий расценит возможность совмещения А и В. Ср.

(163) а. *Принеси мне сыр или масло, или и то и другое*;
б. *Принеси мне сыр или масло, только не то и другое вместе.*

Двухместный *или*, как и одноместный, тоже не содержит ни одного из двух обсуждаемых смыслов. Однако, по сравнению с одноместным *или*, естественнее сочетается со смыслом ‘не А и В вместе’ в соответствующем контексте.

С одной стороны, предложение с *или...или...* не исключает, что ‘А и В вместе имеют место’, т. е. смысл ‘не А и В вместе’ не входит в значение союза. Ср.:

(164) *На сцене читались протоколы последних заседаний; гости и члены хуралдана в то же время сидели за столами и пили* ***или чай, или (преимущественно) кумыс****, кстати очень вкусного изготовления* [П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 3 (1924–1925)].

Из (164), по-видимому, не следует, что среди гостей не было таких, кто пил бы и чай, и кумыс – говорящий просто не думает о (не)совмещении двух возможностей.

С другой стороны, предложение с *или...или...* уместнее, чем предложение с *или* (ср. выше (163б)), продолжить уточнением ‘не А и В вместе’:

(165) а. *Принеси мне или сыр, или масло, или и то и другое*;
б. *Принеси мне или сыр, или масло, только не то и другое вместе.*

Пример (165б) с двухместным *или* удачнее, чем (163б) с одноместным, в том смысле, что он яснее и отчетливее выражаст нужное значение. Наоборот, пример (165а) с двухместным *или* менее внятный, чем (163а) с одноместным, и понимается как своего рода самокоррекция говорящего – ‘принеси мне или сыр, или масло, а впрочем, можешь принести и то, и другое’. Ср. аналогичные пары примеров:

(166) а. *По утрам пью кофе или сок, или и то и другое*;
б. *По утрам пью кофе или сок, только не то и другое вместе*;
(167) а. *По утрам пью или кофе, или сок, или и то и другое*;
б. *По утрам пью или кофе, или сок, только не то и другое вместе.*

Двухместный *или* лучше, чем одноместный, сочетается со смыслом ‘но не то и другое’ и хуже – со смыслом ‘и то и другое’, видимо, из-за общего для двойных союзов семантического свойства (2) «каждый конъюнкт рассматривается отдельно». Смысл ‘и то и другое’ отчасти нивелирует «отдельность» конъюнктов – объединяст их в единое целое. Наоборот, смысл ‘не то и другое’ подчеркивает эту отдельность.

ТО...ТО...

То...то... традиционно толкуется как союз, описывающий чередование событий во времени [РГ 1980, II: 628]. В [Санников 2008: 224] высказано, кроме того, предположение, что *то...то...* описывает только частое чередование во времени. В качестве обоснования приведена следующая пара примеров:

(168) *Я часто хожу то в театр, то в кино*;
(169) **Я редко хожу то в театр, то в кино.*

Представляется, однако, что здесь дело в свойствах наречий *часто* и *редко*, а не в семантике союза. Последний же выражает чередование во времени в самом общем виде, без какой-либо конкретизации. Чтобы обосновать наше предположение, остановимся подробнее на примерах (168) и (169).

Пример с *часто* примерно означает: ‘в настоящий период моей жизни интервалы между походами в кино и в театр невелики, причем кино и театр чередуются’. Пример с *редко* примерно означает: ‘интервалы между такими временными отрезками в моей настоящей жизни, в которые я бы попеременно ходил то в кино, то в театр, велики’. Таким образом, *часто* характеризует частотность интервалов между кино и театром, а *редко* – частотность интервалов, в рамках которых чередовались бы кино и театр. Второй смысл кажется семантически головоломным и прагматически неестественным. Именно в этом, по-видимому, кроется причина того, что пример с *редко* неудачен.

Но почему пример с *редко* не допускает того же понимания, что и пример с *часто*? Похоже, что *редко* всегда имеет сферой действия ГГ – но не глагол-вершину и не дополнение. *Часто*, напротив, может, в частности, относиться только к глаголу. В данном случае *часто* относится к вершине *хожу* – отсюда соответствующий смысл ‘интервалы между походами невелики’. *Редко* же относится ко всей ГГ, отсюда смысл ‘интервалы между отрезками времени, в которые... велики’. Данное синтаксическое различие между *редко* и *часто*, конечно, взаимосвязано с известным коммуникативным различием: *редко*, в отличие от *часто*, употребляется только в роли ремы [Янко 2001: 264].

Ср. также (грамматичный!) пример с синонимичным *редко*, но не имеющим свойства рематичности наречием *изредка*:

(170) *Изредка я хожу то в кино, то в театр.*

Наконец, сферу действия *редко* можно изменить искусственно, например, в следующем предложении:

(171) *Я хожу то в кино, то в театр, но редко.*

Здесь *редко* относится только к глаголу; соответственно, предложение имеет смысл, аналогичный примеру с *часто*: 'в настоящий период моей жизни чередуются походы в кино и в театр, но интервалы между этими походами велики'.

Итак, выражаемое *то...то...* чередование во времени не конкретизировано с точки зрения частотности:

То A, то B ≈ 'A и B сменяют друг друга во времени'.

В ряду рассматриваемых союзов *то...то...* стоит особняком: мы не обнаруживаем в нем индивидуальных особенностей, которые были бы непосредственно сводимы к общим свойствам двухместного сочинения (1)/(1') и (2). Не исключено, правда, что такие особенности покажет дальнейший анализ. Другое отличие *то...то...* состоит в том, что его семантика – сугубо «фактологическая», но не модально-эмфатическая (ср. смыслы 'оба', 'обязательно' и под. в семантике *и..и*, *ни...ни* и *или...или*).

Данное особое положение *то...то* связано, возможно, с тем, что из четырех союзов только у *то...то* нет одноместного аналога (для *ни...ни* таким аналогом можно считать конструкцию с одноместным *и* и отрицанием *не* в обоих конъюнктах). Поэтому не вполне ясно, например, в чем применительно к *то...то* заключается свойство (1) («двухместный союз подчеркивает, что каждый конъюнкт участвует в сочинении»): об акценте на участии в сочинении обоих конъюнктов уместно говорить прежде всего по сравнению с отсутствием такого акцента у соответствующего одноместного союза. Впрочем, формулировка (1') свойства (1) применима к *то...то* так же, как и к другим союзам.

Как показал семантический обзор четырех двухместных союзов, общие свойства (1)/(1') и (2) у разных союзов имеют несколько отличные реализации и разные следствия. Данные свойства, тем не менее, своей общей формулировкой хорошо отражают две идеи, скрытые, как кажется, за явлением двухместного сочинения: равноправное и равноценное течение ситуаций, выражаемых конъюнктами, с одной стороны, и определенная независимость этих ситуаций, с другой.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный материал дает основания для двух общих выводов.

Первый вывод уже сформулирован в разделе 5: двухместное сочинение – **семантический подкласс** класса сочинительных конструкций (хотя этот подкласс и выделен синтаксически – с помощью союзного показателя перед первым конъюнктом). Это утверждение основано на совокупности фактов, полученных в результате нашего анализа:

• потенциальная омонимия двухместного и одноместного сочинительного союза предотвращается или разрешается на основе семантических факторов;

• специфические семантико-синтаксические особенности двухместного союза, отличающие его от одноместного (запрет на сочинение немаксимальных проекций, осо-

бенности, связанные с ОСС, запрет на общую тему для *и...и...* и *ни...ни* и др.), объяснимы исходя из двух общих семантических свойств двухместного сочинения;

• ряд особенностей одноместного сочинения присущ и двухместному (запрет на сочетание с другим сочинительным союзом, ОСС).

Вывод о семантической природе оппозиции *одноместного vs. двухместного сочинения* не кажется очевидным: априори нельзя было исключать, что двухместное сочинение представляет собой особый тип грамматической связи, отличаясь от одноместного сочинения чем-то вроде (большей) степени семантико-синтаксической интеграции конъюнктов.

Перейдем ко второму общему выводу.

Известно, что не только в русском – в европейских языках в целом двухместный сочинительный союз имеет особую, эмфатическую, в терминологии [Haspelmath 2007], семантику. Значит, выражению данной семантики в европейском языковом пространстве выделено отдельное формальное средство. Можно задаться вопросом, почему это так. В чем состоит функциональное назначение типологически столь распространенного средства?

Как кажется, одна из (глубинных) функций двухместного сочинительного союза – по возможности нейтрализовать эффекты линейного характера речи. В конструкции с одноместным сочинительным союзом один из конъюнктов во многом за счет линейности речи часто оказывается в том или ином смысле более приоритетным, чем другой. Возможны случаи:

1. Левый конъюнкт из-за того, что он «первый по счету», имеет бóльший приоритет, чем правый. Ср. *Дамы и господа, На борьбу с фашистами поднялись взрослые и дети / *дети и взрослые* [Санников 2008: 303].
2. Правый конъюнкт по той или иной причине имеет больший приоритет, чем левый. Здесь возможны варианты, в частности:
   а. В причинных и временных предложениях с союзом *и* правый конъюнкт – выражающий причинное и/или временное следствие – может ощущаться как более важный, потому что выражает некоторое итоговое, результирующее положение дел. Ср. *Пошел дождь, и сразу стало легче дышать. Я споткнулся и упал.*
   б. В перечислительных конструкциях типа *На море возьму с собой ласты, маску, трубку и воздушного змея* то, что называется последним, может иметь большую значимость для говорящего. Не случайно, именно перед последним конъюнктом в таких конструкциях употребляется вводный оборот типа *главное, в особенности* и под., ср. *На море возьму с собой ласты, маску, трубку и, главное, воздушного змея / *На море возьму с собой ласты, маску, главное, трубку и воздушного змея*; *Люблю яблоки, груши и, в особенности, бананы / *Люблю яблоки, в особенности, груши и бананы.*

Двухместный союз служит нейтрализации 2-го из двух названных типов неравенства конъюнктов: он в той или иной мере сглаживает приоритет второго конъюнкта над первым. Так, в конструкции с двухместным *и* не бывает причинного / временного следования – только простое соединение (см. раздел 7). В перечислительных конструкциях за счет повтора союза перед каждым конъюнктом также отчасти нейтрализуется значимость последнего конъюнкта. Ср. *На море возьму с собой ласты, маску, трубку, и, главное, воздушного змея* vs. *На море возьму с собой и ласты, и маску, и трубку и, главное, воздушного змея*: подчеркивание последнего конъюнкта хуже сочетается с двухместным *и*, требуя, по крайней мере, контекста.

На приоритет первого конъюнкта над вторым двухместный союз, по-видимому, повлиять не может. Ср. *И дамы, и господа / ?и господа, и дамы. На борьбу с фашистами поднялись и взрослые, и дети / *и дети, и взрослые.* Здесь идея «более почетного первого места» взаимодействует с внеязыковыми конвенциями и представлениями, которые от использования двухместного союза силы не теряют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белошапкова 1989 – *В.А. Белошапкова* (ред). Современный русский язык. 2-е изд. М., 1989.

Гладкий 1979 – *А.В. Гладкий*. О значении союза *или* // Семиотика и информатика. Вып. 13. М., 1979.

Завьялов 2008 – *В.И. Завьялов*. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов. Хабаровск, 2008.

НОСС 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2003.

Падучева 1964 – *Е.В. Падучева*. Опыт логического анализа значения союза *или* // ФН. 1964. № 6.

Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. 4-е изд., стереотипное. М., 2004.

РГ 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I, II. М., 1980.

Санников 2008 – *В.З. Санников*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Урысон 2011 – *Е.В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.

Янко 2001 – *Т.Е. Янко*. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Cristofaro 1998 – *S. Cristofaro*. Deranking and balancing in different subordination relations: A typological study // Sprachtypologie und Universalienforschung. 1998. № 51.

Dik 1968 – *S.C. Dik*. Coordination: Its implications for a theory of general linguistics. Amsterdam, 1968.

Haspelmath 2007 – *M. Haspelmath*. Coordination // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. II. Cambridge, 2007.

Hendriks 2003 – *P. Hendriks*. "Either" as a focus particle. Unpublished manuscript. University of Groningen, 2003.

Johannessen 1998 – *J.B. Johannessen*. Coordination. Oxford, 1998.

Kayne 1994 – *R.S. Kayne*. The antisymmetry of syntax. Cambridge, 1994.

Lakoff 1971 – *R. Lakoff*. Ifs, ands and buts about conjunction // Studies in linguistic semantics. New York, 1971.

Matthiessen, Thompson 1988 – *C. Matthiessen, S.A. Thompson*. The structure of discourse and 'subordination' // J. Haiman, S.A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. TSL 18. Amsterdam, 1988.

Neijt 1979 – *A. Neijt*. Gapping: A contribution to sentence grammar. Dordrecht, 1979.

Ross 1967 – *J.R. Ross*. Constraints on variables in syntax. Doctoral dissertation. MIT. 1967.

Verstraete 2005 – *J.-C. Verstraete*. Two types of coordination in clause combining // Lingua. 2005. 115. 4.

Сведения об авторе:

Ольга Евгеньевна Пекелис
Российский государственный гуманитарный университет
ginzburg@aha.ru

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

© 2012 г. Д.М. САВИНОВ

О ПРИЧИНАХ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются причины, обусловившие эволюцию систем предударного вокализма в южнорусских говорах. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, в основе которых лежали диссимилятивные закономерности, сформировало «устойчивый вокальный каркас» фонетического слова, что в свою очередь привело к модификации его старой ритмической структуры. Изменения затрагивали не только сегментную структуру слова, но и его просодическую организацию: новая система предполагала, что основные признаки вокалических компонентов реализовывались в рамках не слога или отдельного сочетания звуков, а фонетического слова и определялись его артикуляционной и просодической программами. Происходящие изменения способствовали выделению акцентного ядра, усилению связи между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, формированию того типологического многообразия моделей предударного вокализма, которое отмечается сегодня в южнорусских говорах.

0. Основные изменения в русской фонетике следуют «закону И.А. Бодуэна де Куртенэ», сформулированному и подробно описанному М.В. Пановым: «В русском языке, как в большинстве славянских, упрощается система гласных, усложняется система согласных <...> гласные играют все меньшую роль для различения слов» [Фонетика 1968: 10]. Среди фактов, подтверждающих этот закон, М.В. Панов называет утрату в русском литературном языке фонемы /ѣ/, переход от «высокого оканья» к аканью, смену экающего произношения, при котором в 1-м предударном слоге реализации фонем /'а/, /'о/, /э/ не совпадают с аллофонами фонемы /и/, на икающее, где эти фонемы нейтрализованы [Там же: 22–30].

Ослабление функциональной нагрузки гласных – универсальная тенденция в развитии любой диалектной подсистемы русского языка, однако особенно активно она действует в южнорусских говорах. О неуклонном сокращении различительной способности гласных на исследуемой территории могут свидетельствовать следующие факты. Во-первых, широко распространена тенденция к уменьшению количества гласных фонем, утрата различения четырех степеней подъема и переход к пятифонемному вокализму. Сегодня семифонемный вокализм – реликтовая диалектная черта, ареал говоров с противопоставлением фонем /о/ и /ω/, /е/ и /ѣ/ размыт и не имеет достаточно четких очертаний [ДАРЯ 1986: карты 40, 42]. Однако данные памятников, а также материалы современных говоров свидетельствуют о том, что большинство южнорусских диалектных систем имело в прошлом семифонемную модель вокализма.

Во-вторых, уменьшается количество звукотипов: в 1-м предударном слоге после мягких согласных происходит нейтрализация фонем /'а/, /'о/, /е/ (/ѣ/), с одной стороны, и /и/, с другой. На месте корреляции [а] – не-[а], где [а] противопоставлено [е], в большинстве говоров развивается новая система корреляций [и] – не-[и], где [а] и [е] являются вариантами единого звукотипа не-[и] и вместе противопоставлены звукотипу [и], в котором реализуются не только /и/, но и фонемы неверхнего подъема. После твердых согласных для многих южнорусских вокалических систем характерно сильное аканье,

которое постепенно вытесняет диссимилятивное[1]. Количество говоров, имеющих в 1-м предударном слоге единый звукотип [а] для всех позиций, увеличивается в направлении с запада на восток, они широко распространены в юго-восточной диалектной зоне.

В-третьих, в большинстве южнорусских говоров отмечается тенденция к ассимилятивным изменениям безударных гласных. Существуют сложившиеся типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья, в которых «ассимилятивность представляет собой позднейший слой, как бы наложившийся на уже отстоявшийся тип предударного вокализма» [Аванесов 1949: 92]. Однако элементы ассимилятивного вокализма обнаруживаются и в других системах аканья и яканья. Особенно широко в южнорусских говорах распространена регрессивная ассимиляция гласного 2-го предударного слога гласному 1-го предударного слога [Пауфошима 1981: 26–29; Просодический строй 1996: 211–215]. И хотя в большинстве южнорусских систем вокализма эта особенность не имеет перспектив, то есть не может стать фактом языка, она показывает общую тенденцию сокращение нагрузки безударных гласных.

Наконец, во многих диалектных системах активно развивается еще одна тенденция, которая находится в тесной связи с только что описанной. Впервые она была сформулирована Л.Л. Касаткиным: в русском языке происходит постепенный переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной. Именно эта особенность развития русской фонетики обусловливает монофтонгизацию дифтонгов, появление в некоторых юго-восточных говорах «полоротых *о* и *а*», а также способствует уменьшению числа звукотипов «в артикуляционном пространстве» [Касаткин 1999: 131–139].

Эти основные тенденции на протяжении долгого времени обусловливали изменения в системе вокализма. Их действие актуализировало другие процессы, которые уже затрагивали не только сегментную структуру слова, но отражались и на его просодической организации. В статье будет рассмотрено, каким образом формирование и развитие этих тенденций привело к существующему сегодня многообразию типов предударного вокализма.

1. Можно ли рассматривать развитие нейтрализации гласных неверхнего подъема в безударных слогах как упрощение системы гласных, как одно из проявлений «закона И.А. Бодуэна де Куртенэ»? Так, Р.И. Аванесов считал, что широкое распространение аканья за счет оканья связано с его структурным преимуществом, поскольку «принцип аканья, т. е. неразличения в безударных слогах гласных неверхнего подъема, проще принципа оканья, которое заключается в различении их» [Аванесов 1947: 147]. Такого же мнения придерживался и М.В. Панов [Фонетика 1968: 22]. Однако с этим нельзя согласиться. Совпадение /о/ и /а/ в безударном положении сопровождается одновременным «возникновением не менее сложных новых различений» [Котков 1963: 62], то есть сокращение количества различающихся единиц в позициях нейтрализации фонем вовсе не свидетельствует об уменьшении структурной сложности системы.

Например, при диссимилятивном аканье в 1-м предударном слоге фонемы /о/ и /а/ нейтрализованы, но они совпадают не в одном, а в двух звукотипах [а] и не-[а], которые четко противопоставляются друг другу в зависимости от гласного под ударением. Сохраняются два гласных различителя, которые находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. В этих говорах происходит усиление позиционной зависимости гласных, отмечается иной ритмико-динамический стереотип слова, но здесь нет упрощения, примитивизации системы предударного вокализма по сравнению с оканьем.

---

[1] Очевидно, что при диссимилятивной организации предударного вокализма информационный уровень гласных 1-го предударного слога повышен по сравнению с более простыми моделями: сильным аканьем и иканьем, свойственными литературному языку. Именно поэтому, например, различные разновидности диссимилятивного яканья «не оказались сколько-нибудь серьезными соперниками и врагами литературного произношения; они не получили даже временного распространения» [Фонетика 1968: 18].

Кроме того, практически любая разновидность аканья предполагает, что основные признаки вокалических компонентов реализуются не в рамках слога или отдельного сочетания звуков, но в рамках фонетического слова и определяются его артикуляционной и просодической программами. Очевидно, что подобная суперсегментная связь отличается от сегментной более высоким уровнем организации, а вокалическая система, основанная на дистактных отношениях между элементами, имеет сложную внутреннюю структуру, обеспечивающую стабильность ее функционирования [Калнынь 2001: 31].

Р.И. Аванесов считал, что аканье зародилось на территории курско-орловских, тульских и рязанских говоров, которые «едины в своей исторической основе», а различия между этими группами «носят по большей части вторичный, позднейший характер» [Аванесов 1952: 40–41]. По его мнению, а также по мнению ряда других ученых, наиболее древний тип аканья был диссимилятивным, и лишь затем на его основе сформировались другие модели предударного вокализма [Аванесов 1952: 38–43; Горшкова, Хабургаев 1997: 109–115]. Однако существующая сегодня зависимость предударного гласного от степени подъема ударного гласного, характерная для диссимилятивного вокализма, исторически не первична, и причиной появления и развития подобных типов аканья и яканья «не могла быть диссимиляция – стремление говорящих <…> уподобить подъемы гласных» [Касаткин 2010: 82].

Можно предположить, что диссимилятивный вокализм в своем развитии должен был пройти два этапа [Горшкова, Хабургаев 1997: 117]: первый – унификация дифференциальных признаков всех безударных гласных неверхнего подъема, второй – формирование новой системы зависимости между ударным и безударными гласными, основанной на фонетико-просодических параметрах. Возможный алгоритм первого этапа изменения представлен в статье Л.Л. Касаткина. По его мнению, в древности в южнорусских говорах фонемы /а/, /о/, /ѡ/ различались не только под ударением, но и в безударном положении[2], в этой позиции их основными реализациями были монофтонги [а], [ɔ] и [ǫ]. Изменения шли по следующей модели: «Вначале с [а] после твердых согласных совпал [ɔ], представлявший /о/, так возникло аканье. В этот процесс включился и [ǫ], представлявший /ѡ/» [Касаткин 2010: 88].

На втором этапе, постепенно вызревавшем в недрах первого, происходило зарождение и развитие диссимилятивной зависимости между гласными. Унификация дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема приводила не только к резкому сокращению различительных единиц, но и к неустойчивости фонетической системы в целом[3]. Именно в этой ситуации происходило формирование принципиально новой просодической модели слова, что стало закономерной реакцией на происходящие изменения. Стабилизирующим фактором в новых условиях становится перестройка межслоговых отношений: вместо старого контактного типа «связи звука с предшествующим сегментом» появляется дистактная связь, основанная «на том, что выбор предшествующего звука определяется антиципацией следующего сегмента» [Калнынь 2001: 122]. Подобные дистактные связи между слогами, имевшие уподобляющий характер, становятся одним из основных средств просодического оформления слова.

Предположительно динамическая структура слова в русском языке на этапе, предшествующем появлению аканья, оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура, что было характерной особенностью «далекого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом» [Кузнецов 1964: 35; Касаткин 2010: 89]. Подобный ритмический контур предполагает усиление гласного через слог, то есть имеет вид [– ∪ ⏑]. Нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема ак-

---

[2] Л.Л. Касаткин обнаружил различение этих фонем в безударном положении в одном севернорусском архаическом говоре [Касаткин 2010: 87].

[3] Необходимо также учитывать тот факт, что ко времени возникновения аканья система консонантизма южнорусских говоров еще не могла в достаточной мере принять на себя основные различительные функции: у согласных не была окончательно сформирована корреляция по твердости / мягкости.

туализирует новые дистактные связи между гласными в фонетическом слове, в результате старая динамическая модель претерпевает изменения. Новый тональный контур сохраняет волнообразный характер и имеет в своей основе квантитативные отношения, однако, в отличие от своего прототипа, существует не в одном, а в нескольких вариантах в зависимости от долготной характеристики гласного под ударением.

Безударная позиция способствует ослаблению и сокращению гласного, уменьшению артикуляционного напряжения при его произношении и, как следствие, изменению его артикуляции. Только под ударением в акающих говорах гласные неверхнего подъема продолжают различаться, произносятся с наибольшей интенсивностью и силой. Поэтому ярче всего новые дистактные связи проявляются между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога. Создаются благоприятные условия для усиления центральной части слова, правда, на этом этапе формирующееся акцентное ядро еще не было резко противопоставлено периферийным слогам. Происходившие изменения регулировались правилами, актуальность которых проявлялась не в пределах сочетания отдельных слогов, но в пространстве всего слова, объединенного единой просодической программой. Гласные «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога» [Калнынь 2001: 26].

В основе новой динамической модели лежит компенсаторный механизм: чем ниже подъем ударного гласного, тем выше его собственная длительность; соответственно, чем выше его длительность, тем более короткие звуки произносятся в 1-м предударном слоге и тем более длинные – во 2-м предударном. В результате происходит «коррекционное» изменение: включение в просодическую программу слова дистактных вокальных связей становится стабилизирующим фактором для всей фонетической системы. Информативность безударных гласных вновь повышается: дополнительным средством различения становится общая ритмическая структура слова, то есть соотношение позиционных длительностей.

2. При решении вопроса о том, какие отношения между гласными акцентного ядра были первичны при формировании архаического диссимилятивного вокализма количественные или качественные, нельзя опираться только на синхронные данные. Было бы некорректным проецировать закономерности, характерные для современных диссимилятивно акающих говоров, на прошлые состояния этих диалектных систем и утверждать, что определяющим при формировании диссимилятивного аканья были именно квалитативные, а не квантитативные связи [Красовицкий 1999: 194]. Качественная диссимиляция – это «лишь результат фонетических процессов, происходящих в определенных позициях, но она никогда не является их причиной» [Касаткин 2010: 82]. Не вызывает сомнений первичность именно количественных отношений между гласными: долготная характеристика ударного гласного в этой системе предопределяла всю ритмико-динамическую структуру слова. Таким образом, модель с квантитативными отношениями между гласными можно считать наиболее архаическим типом диссимилятивного предударного вокализма.

Однако для русского языка нехарактерно противопоставление гласных по длительности, долгота и краткость не были их дифференциальными признаками. Позиционные варианты безударных гласных не обобщались в звукотипы, слабо контрастировали между собой, а их количественные характеристики находились в отношении свободного варьирования, что обусловило нестабильность квантитативных отношений при диссимилятивном вокализме. Кроме того, действующие тенденции способствовали упрощению вокалической системы, сведению всего множества вариантов к нескольким функциональным единицам. В результате произошло качественное разграничение предударных гласных в зависимости от их квантитативных характеристик. Возможные количественные модификации были обобщены в два звукотипа: [а] – не-[а]. Долгий широкий [а] стал произноситься перед гласными верхнего и верхне-среднего подъемов, а более короткие и закрытые [э] и [е] – перед гласными среднего и нижнего подъемов,

таким образом, способы оформления фонетического слова были сведены к двум унифицированным схемам. Выбор гласного во 2-м предударном слоге также основывался на диссимилятивном принципе: [а] появлялся в позиции перед [ə] и [ɔ] – перед [а]. Количественные параметры гласных в новой системе играют лишь второстепенную роль и постепенно теряют свою позиционную обусловленность.

Такая просодическая модель отмечается и в современных говорах с диссимилятивным аканьем; по мнению некоторых исследователей, она также характеризуется волнообразной ритмической структурой [Князев, Урбанович 2002: 90–91; Касаткин 2010: 88–89]. Однако подобный способ оформления фонетического слова не может быть охарактеризован исключительно как волнообразный, предполагающий последовательное чередование долгих и кратких слогов. Прежде всего волнообразный контур предполагает усиление гласного через слог от ударного, то есть в отличие от модели, характерной для диссимилятивного вокализма, должен быть построен по единой схеме. Следы этого более древнего фонетического оформления слова отмечаются в некоторых современных севернорусских говорах, о чем свидетельствуют «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неконечном слоге и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47], см. также [Пауфошима 1983: 67].

Характерной чертой волнообразного ритмического контура является «пониженная интенсивность и длительность гласного 1-го предударного слога по сравнению с ударным»[4] [Просодический строй 1996: 223]. Краткость гласного в этой позиции обусловливает в некоторых окающих говорах «модификацию предударного *а* в сторону среднего и средне-верхнего подъема при колебании ряда от средне-заднего до заднего». При отходе от оканья на месте *о* и *а* в качестве субстрата сохраняется более закрытый гласный, с чем отчасти и связана его относительная краткость [Высотский 1973: 36].

Сигналом низкой интенсивности и склонности к редукции гласного в определенной позиции может служить тенденция к его ассимиляции, уподоблению более сильному гласному. В севернорусских говорах «наибольшей неустойчивостью в составе фонетического слова отличается гласный 1-го предударного слога: он может уподобляться как гласному последующего слога (ударному), так и предшествующему гласному» [Просодический строй 1996: 219].

В современных говорах с диссимилятивным аканьем отмечается принципиально иная система. Основные характеристики гласного 1-го предударного слога напрямую зависят от ряда фонетико-просодических условий: от качества ударного гласного и от фразовой позиции; последнее не позволяет включать «количественные показатели в правила чередования гласных при диссимилятивном аканье» [Красовицкий 1999: 187]. Так, в некоторых калужских говорах с диссимилятивным вокализмом фразовый акцент выражается в усилении начального слога независимо от конкретных характеристик входящих в его состав сегментов. Звук [ə] в этой позиции «может достигать значительного уровня интенсивности, иногда даже несколько превышая по этому признаку следующий ударный гласный» [Красовицкий 1999: 191]. Однако и при отсутствии фразового акцента перед ударным [а] «произносится гласный скорее 1-й ступени, чем 2-й ступени редукции», поэтому нет основания считать звук типа [ə], находящийся в позиции диссимиляции, редуцированным [Высотский 1973: 37; 1977: 54]. Таким образом, гласные, реализующие звукотипы [а] и не-[а], зачастую сближаются по своим квантитативным характеристикам, а в некоторых позициях происходит их полное количественное совпадение [Фомина 1980: 14].

Распространение в современных южнорусских говорах принципа диссимиляции и на второй предударный слог, когда *а*-образные гласные произносятся перед реализациями звукотипа не-[а] и *ə*-образные – перед реализациями звукотипа [а], – это лишь

---

[4] В севернорусских говорах действует и другая тенденция – к просодическому усилению (акцентогенности) начала слова, которое может изменять и общий ритмический контур [Князев, Урбанович 2002: 86; Касаткина 2010: 8]. «Тем не менее, примеры с усилением слога, расположенного через один от ударного, преобладают» [Пауфошима 1983: 65].

слабый след старой ритмической структуры слова с волнообразным контуром. По длительности и интенсивности гласные 1-го предударного слога обычно не уступают, а чаще всего превосходят гласные 2-го предударного слога. О слабости гласных в этой позиции свидетельствует также их ассимилятивное уподобление гласным 1-го предударного слога, широко распространенное в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом [Пауфошима 1981: 26–29].

Р.Ф. Касаткина охарактеризовала динамическую модель фонетического слова, свойственную современным диссимилятивно акающим говорам, как смешанную, сочетающую волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия» [Просодический строй 1996: 222]. Все вышесказанное подтверждает эту мысль. Системы диссимилятивного вокализма характеризуются прочной связью между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, наличием сформированного акцентного ядра. «Сильный центр» противопоставлен «слабой периферии» только в части позиций, при ударных гласных верхнего и верхне-среднего подъемов. Однако низкая степень редукции звука [э], тенденция к его усилению и удлинению в 1-м предударном слоге также свидетельствуют о стремлении к просодической выделенности центральной части слова.

3. Появление архаического диссимилятивного аканья напрямую обусловливалось наличием под ударением семифонемной системы вокализма, которая была представлена в прототипичном виде – как система восходящих и нисходящих дифтонгов [y͡o] – [o͡y] и [и͡е] – [е͡и] в соответствии с фонемами /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ [Касаткин 1999: 388]. Однако «дифтонг – само по себе неустойчивое сочетание звуков», поэтому монофтонгизация «принадлежит к числу очень частых и распространенных явлений в языках мира» и возможна «как неспецифическая реакция на любые возмущающие обстоятельства» [Чекман 1979: 146]. В русском языке утрата дифтонгов связана с развитием тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы: дифтонги – это неоднородные звуки, которые образуются в результате сложного комплекса движений артикуляционных органов. Процесс монофтонгизации дифтонгов, начавшийся еще в древнерусский период, не закончен в некоторых русских говорах до сих пор [Касаткин 1999: 135].

Актуализация названной тенденции приводит к трансформации исходной прототипичной системы ударного вокализма, к преобразованию дифтонгов [y͡o] · [o͡y] и [и͡е] – [е͡и] в монофтонги. Этот процесс проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгизируются нисходящие дифтонги, представляющие фонемы /о/ и /е/, на втором – восходящие. В зависимости от конкретной системы на месте фонемы /ω/ появляются звуки верхне-среднего и среднего подъемов [o̝] и [о], на месте фонемы /о/ – звуки среднего и средне-нижнего подъемов [о] и [ɔ]; основными реализациями фонемы /ѣ/ становятся гласные [e̝] и [е], фонемы /е/ гласный [е].

Монофтонгизация дифтонгов перестраивает вокалическую систему говоров. И хотя в результате количество гласных фонем остается прежним (в отдельных системах возможно лишь появление зон неразличения), в артикуляционном пространстве увеличивается число звукотипов. Например, раньше основными реализациями фонем /ω/ и /о/ были сложные звуки [y͡o] – [o͡y], отличавшиеся друг от друга восходящей или нисходящей артикуляцией (в зависимости от места слогового элемента) и противопоставленные аллофонам фонем /у/ и /а/ прежде всего как дифтонги – монофтонгам. После преобразования системы стало больше монофтонгов, следовательно, вариативность артикуляторных характеристик, присущих основным аллофонам фонем /у/, /ω/, /о/ и /а/, значимо уменьшилась. Сокращение зон рассеивания звукотипов требует более сильного напряжения речевого аппарата при их произнесении, что снова входит в противоречие с развивающейся тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы. Существует два пути устранения этого противоречия.

Во-первых, возможно упрощение самой системы предударного вокализма, устранение противопоставления фонем /ω/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/. Как показывают данные современных говоров, сначала утрачивается противопоставление /ѣ/ ~ /е/, затем /ω/ ~ /о/,

что связано с особенностями протекания процесса монофтонгизации (подробнее см. [Касаткин 1999: 393; Савинов 2010: 107–109]). Как правило, в результате складывается пятифонемная система вокализма, сходная в общих чертах с системой литературного языка. Подобное развитие характерно для Курско-Орловской и Тульской групп: здесь представлены пятифонемные системы вокализма, которые могут сохранять лишь следы прежнего различения /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/ (примеры см. в [Касаткина (ред.) 1999: 66, 84–85, 89]) или лексикализованное произношение [и] в соответствии с фонемой /ѣ/ в словах *дúверь* 'брат мужа', *исть* (*йисть*) 'есть, кушать', *сúвер*, *сúверко* 'холодный северный ветер', а также в производных типа *засúвереть* 'начать холодать', *пойсть* 'поесть' и т. д. [СОГ 3: 56; 4: 81, 159; 10: 100; 13: 114].

Во-вторых, расширение артикуляционных зон семи гласных фонем возможно за счет увеличения челюстного раствора. Очевидно, что чем «больше челюстной раствор, тем меньшая напряженность артикуляции нужна, чтобы произвести "нужное" качество звука» [Касаткин 1999: 133]. При расширении артикуляционного пространства основными реализациями фонем /o/ и /e/ становятся исключительно гласные средне-нижнего подъемов [ɔ] и [ɛ], причем гласный [ɔ] может смещать локус в зону аллофонов фонемы /a/ литературного языка, соответственно, на месте фонемы /a/ в такой системе появляются более открытые или упередненные звуки. Аллофоны фонем /ω/ и /ѣ/ обычно локализуются в зоне среднего подъема. Подобный вариант развития возможен только при наличии в говорах тенденции к симметричности, «геометризации» отношений между гласными. Ее действие приводит к развитию систем противопоставлений /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/ как оппозиции двух степеней подъема: средний ~ средне-нижний.

Практически во всех южнорусских говорах, различающих под ударением семь гласных фонем, звук [ɔ] отмечается как возможная реализация фонемы /o/. По всей видимости, этот факт связан с историей развития системы ударного вокализма в русском языке. Так, в слободских говорах Харовского р-на Вологодской обл. Р.Ф. Касаткина обнаружила следующую закономерность: в соответствии с **o* под нисходящим ударением в говоре произносится дифтонг [o͡u] и монофтонг [ɔ], а в соответствии с *ъ – почти исключительно [ɔ]. Эту особенность Р.Ф. Касаткина интерпретирует как сохранение следов «древнего различия **o* под нисходящим ударением и *ъ», то есть монофтонг [ɔ] был типичным воплощением фонемы /ъ/ в сильной позиции [Пауфошима 1983: 35–36; Касаткин 1999: 388].

Однако наличие гласного [ɛ] в соответствии с фонемой /e/ при семифонемном вокализме не является универсальным явлением для русских говоров. Очевидно, что развитие системы гласных по второму пути, то есть за счет расширения артикуляционной зоны, следует ожидать лишь в том случае, если на месте фонемы /e/ появляется гласный средне-нижнего подъема, то есть звукотип, соответствующий по степени подъема основной реализации фонемы /o/. Результатом подобной трансформации системы становится сохранение семи гласных фонем при увеличении их зоны рассеивания, что соответствует общему условию изменений – уменьшению напряженности артикуляционной базы.

Как правило, в дальнейшем под воздействием актуальной тенденции к сокращению различительной способности гласных подобная вокалическая система также упрощается за счет совпадения фонем /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/. Алгоритм подобного изменения представлен в некоторых рязанских говорах. Здесь формируется особая вокалическая система, при которой звук [ɔ], реализующий фонему /o/, с одной стороны, противопоставляется [o], реализующему /ω/, с другой – постепенно становится свободным в употреблении, распространяясь на новые слова, а также спорадически заменяя [o] на месте этимологического*ω. В этих говорах отмечаются примеры типа *тэ́рф*, *ан'ʉдɔ́т*, *ɔ́ч'ирк*, *калхɔ́с*, *фрэ́нт*, *йарɔ́й* (герой), *закɔ́н*, *шкɔ́лə*, *в'инɔ́*, и даже *дɔ́брэуə*, *на гɔ́рку*, *кɔ́н'ч'ʷл*, *хɔ́д'а*, *рабɔ́тᵊлə*, *икɔ́ны*, *вɔт* (ср. вокалические системы, представленные в говорах сел Боршевое и Липяги Милославского р-на Рязанской обл. [Савинов 2008: 184, 189]). В результате такого развития может появиться система, при которой «вместо двух

фонем – <ѡ> и <о> – существует лишь одна, однако репрезентированная не звуком [о], как в большинстве южнорусских говоров, но звуком [ǫ]» [Высотский 1975: 4].

Описанная тенденция приводит к формированию пятифонемной системы вокализма. Ее главная особенность заключается в том, что фонемы /о/ и /е/ реализуются в гласных более пониженного подъема, чем в литературном языке: на месте /о/ произносится открытый слабо лабиализованный [ɔ], на месте /е/ – [ɛ]. Наличие большой зоны рассеивания для реализаций фонем /и/ и /у/ определяет потенциальную возможность их понижения до верхне-среднего подъема (ср. вокалическую систему, представленную в говоре д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 137]). Пятифонемную систему вокализма с гласными средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ] на месте /о/ и /е/ любого происхождения С.С. Высотский отмечал также в Солодчинском р-не Рязанской обл. [Высотский 1967: 25]. Очевидно, что фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /у/, /и/, /о/ и /е/ может свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /ѡ/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/ [Фомина 1980: 8–9].

4. Тенденции к упрощению системы гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы активно действовали и на безударные гласные. Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья, имевшие в 1-м предударном слоге противопоставление [а] – не-[а], с момента своего образования подвергались ассимилирующему воздействию ударных гласных. Кроме того, произношение перед реализациями фонемы /е/ звуков [е] и [ə][5], что характерно для этих архаических систем, не может считаться диссимиляцией, но свидетельствует в пользу ассимилятивных отношений между гласными акцентного ядра слова. Этот факт, видимо, также способствовал развитию в южнорусских говорах межслоговой гармонии, которая, тем не менее, проявлялась в рамках сложившейся системы архаического диссимилятивного вокализма.

Можно предположить, что действие ассимилятивных тенденций изначально было позиционно ограничено положением перед гласными верхне-среднего и среднего подъемов. К такому выводу можно прийти в результате структурного анализа различных типов вокализма, имеющих ярко выраженную архаическую диссимилятивную основу. Разумеется, в разных региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако изменения на первом этапе всегда захватывали позиции перед ударными гласными /о/, /е/, /ѣ/, /ѡ/: это характерно для формирования многих вторичных типов аканья и яканья.

В русском языке межслоговая вокальная ассимиляция может затрагивать признаки ряда, подъема и лабиализации. Эти типы ассимилятивных изменений имеют разную значимость для системы вокализма: так, лабиализация или упереднение гласного [ə] перед ударными /о/, /е/ структурно не значимы. Однако изменение подъема и появление звуков [ɛ] или [a̯] на месте [е] и [ə] перед ударными /о/ и /а/, а также упереднение и повышение подъема [а] перед /ѣ/ входят в противоречие со старой диссимилятивной системой, хотя на этом этапе и не вызывают качественной трансформации ее структуры.

Постепенно в южнорусских говорах накапливался новый языковой материал, который вначале встраивался в прежнюю модель вокализма и сосуществовал со старыми диссимилятивными отношениями, хотя отчасти и предвосхищал будущие изменения. На данном этапе развития системы гласных вокальная гармония не была фактом языка: примеры с ассимилятивными изменениями безударных гласных подчинялись действующей в речи тенденции, но не имели статуса фонетического закона. Сохранению прежних диссимилятивных отношений между гласным 1-го предударного слога и ударным гласным способствовала существовавшая динамическая модель слова: перед гласными среднего и нижнего подъемов был возможен только звукотип не-[а], перед остальными гласными – только звукотип [а].

---

[5] Имеющего в этой позиции склонность к переходу в более передний ряд.

Вероятно, системным явлением ассимиляция стала в результате активизации двух процессов: монофтонгизации дифтонгов и модификации на некоторых южнорусских территориях ритмической структуры слова. Одновременно с развитием тенденции к разрушению старой системы дифтонгов в ряде южнорусских говоров происходила смена динамической модели. Прежде структура фонетического слова в диссимилятивно акающих говорах оформлялась смешанным способом, совмещающим волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия». Постепенно последний контур становится в ряде диалектных систем доминирующей моделью и распространяется на все позиции – вне зависимости от конкретных акустических характеристик ударного гласного. Благодаря новой ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова, и «просодически активная» центральная часть теперь становится резко противопоставленной всем другим слогам.

Л.Л. Касаткин предположил, что причиной такого изменения стало иноязычное влияние: «Именно эта модель ритмики слова могла быть заимствована в древности русскими у татар и других тюркоязычных народов» [Касаткин 2012]. Действительно, следы подобных языковых контактов, как правило, носят системный характер и «дольше всего сохраняются в фонетике, преимущественно в просодии» [Касаткина 2010: 9].

Однако взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе развития и функционирования языка – проблема, не имеющая однозначного решения. Можно предположить, что смене ритмической модели слова способствовало не только тюркоязычное влияние, но и внутренние языковые факторы, поскольку этот процесс находился в русле актуальных тенденций развития русской фонетической системы. Появление нового ритмического контура устраняло основное препятствие на пути формирования сильного аканья и яканья. Подобная модель развития способствовала сначала усилению неравновозможности гласных различителей, изменению их частотности, а затем и сокращению их числа, уменьшению информационной нагрузки гласных. В свою очередь уменьшение количества звукотипов в артикуляционном пространстве приводило «к увеличению самого этого пространства», к снижению напряженности гласных [Касаткин 1999: 133].

Процесс монофтонгизации дифтонгов ограничил действие старой фонетической зависимости качества гласного 1-го предударного слога от ударного гласного, имевшей диссимилятивный характер. Новая ритмическая структура слова сделала допустимым произношение в 1-м предударном слоге широких длительных гласных перед ударными гласными среднего, средне-нижнего и нижнего подъемов. Эти изменения провоцировали в диссимилятивном вокализме структурные сдвиги, адекватные новым условиям функционирования. Ассимилятивно-диссимилятивная природа архаического аканья и яканья, а также активно развивающиеся ассимилятивные процессы приводили к перестройке всей системы, к ее стабилизации на принципиально новых основаниях. Для русских диалектов не уникальна ситуация, «когда слоговая гармония обнаруживает свой потенциал только при условии нарушения традиционной вокальной модели слова» [Калнынь 2001: 31].

5. В Восточной группе южнорусского наречия наибольшее распространение получила ассимиляция по подъему. Ассимилятивные тенденции действовали и раньше, до изменения ритмического контура, в результате чего перед /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге на месте [е] и [ə] распространялись звуки [ɛ] или [a̯]. И хотя эти гласные средне-нижнего подъема по-прежнему оставались представителями звукотипа не-[а], всего один шаг отделял подобную систему предударного вокализма от глобального изменения. Новый ритмический контур активизирует распространение на месте [ɛ] и [a̯] гласного нижнего подъема [а], что совершенно уничтожает старую диссимилятивную систему перед ударными [э] и [а] и способствует развитию ассимилятивно-диссимилятивного аканья и яканья на новосёлковской основе.

Под влиянием общей тенденции к сокращению функциональной нагрузки гласных и увеличению ее на согласные произошло окончательное оформление фонологическо-

го противопоставления согласных по твердости / мягкости. Перед /е/ на месте твердых распространяются мягкие согласные, что провоцирует в 1-м предударном слоге изменение [е] > [и], артикуляция которого «ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного» [Касаткин 2010: 93]. Происходит упрощение системы корреляций после мягких согласных: от **[а]** – **не-[а]** к **[и]** – **не-[и]**, что также следует актуальной тенденции к уменьшению различительных возможностей безударных гласных. Звук [е] перестает быть отдельным звукотипом и функционально объединяется с гласным [а] в звукотипе не-[и]. Впрочем, в результате действия ассимилятивных тенденций гласный [и] на месте фонем неверхнего подъема возможен всего в двух позициях: перед /е/ и /'о/.

Так формируется ассимилятивно-диссимилятивное яканье новосёлковского типа. Для новой системы вокализма характерна фонологизация противопоставления [и] ~ [а], то есть полная утрата фонетической зависимости между гласными акцентного ядра слова. Как правило, эта разновидность яканья сочетается в южнорусских говорах с системой семифонемного вокализма, в которой под ударением гласные среднего или реже – верхне-среднего подъема противопоставляются гласным средне-нижнего подъема: [о] ~ [ɔ], [е] ~ [ɛ] или [o̝] ~ [ɔ], [e̝] ~ [ɛ]. Однако сохранение противопоставления гласных [а] ~ [и] перед /е/ и /ѣ/ при этом типе вокализма уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. Фонологизация позиционных чередований обусловливает усиление влияния на выбор гласного в 1-м предударном слоге морфонологических факторов, то есть консервация системы новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья поддерживается наличием в говоре ряда значимых грамматических черт (подробнее см. [Савинов 2010: 111–113]).

Если условия для лексикализации и грамматикализации произношения гласных отсутствуют, в 1-м предударном слоге независимо от гласного под ударением распространяется звук [а]. Отрицание *не-*, а также предлоги и приставки (типа *без-* , *пере-*), находящиеся в 1-м предударном слоге, могут свободно употребляться перед различными ударными гласными. Поэтому в указанной позиции последовательно проводится принцип сильного яканья (*н'а ч'ёснэй*, *н'а п'jёш*, *н'а л'jёт'и*, *н'а кш'о́нэй* [Савинов 2008: 188–189]). Возможности для лексикализации и грамматикализации отсутствуют и после твердых согласных - здесь функционирует сильное аканье, которое может сохранять лишь следы прежней диссимилятивной системы перед ударным [а], что наблюдается в слабой фразовой позиции, при отсутствии выделенности слова [Касаткин 2010: 85]. Инструментальные исследования структуры сильного аканья в юго-восточных говорах выявляют диссимилятивную основу этого типа вокализма не только в позиции перед [а], но и перед [о] (из *ъ): *д*[ə]*м*[о́]*к*, *пл*[ə]*т*[о́]*чки* (примеры из с. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл. [Просодический строй 1996: 240]).

В остальных безударных слогах длительность гласных максимально сокращается, зачастую – до нуля звука. В пределах юго-восточной диалектной зоны «отмечены примеры отражения высокой степени редукции гласных, в том числе гласных верхнего подъема», как во 2-м предударном, так и в заударных слогах [Строганова 1977: 88–89]. Эти гласные также имеют склонность к ассимиляции более сильным гласным: гласный 2-го предударного слога уподобляется гласному 1-го предударного слога; заударный гласный – ударному [Просодический строй 1996: 212–213].

6. Характерной чертой Тульской группы стала ассимиляция по ряду: в результате ее действия перед /ѣ/ в 1-м предударном слоге стали возможны гласные [ɛ] и [е] (при яканье) и упередненные [а̟] и [ɔ] (при аканье). Очевидно, что эта тенденция возникла как реакция на процесс монофтонгизации дифтонгов: появление упередненных гласных повышенного подъема на месте [а] в 1-м предударном слоге находится в прямой связи с распространением под ударением гласного верхне-среднего подъема [e̝] на месте дифтонга [и͡е]. Подобная модель развития подтверждается исследованием тульских

памятников письменности XVII в., а также данными современных говоров с диссимилятивно-умеренным яканьем, сочетающимся с аканьем архаической разновидности[6].

В результате действия регрессивной ассимиляции ударному [ę] архаическое диссимилятивное яканье изменялось в систему, подобную современному дмитриевскому диссимилятивному яканью: предударные гласные продолжали различаться перед /ω/ и /o/, но совпадали перед /ѣ/ и /e/. Затем регрессивная ассимиляция возникала перед ударным [и], потом – перед дифтонгом [и͡у], который в архаических южнорусских говорах реализует фонему /'у/ [Касаткин 1999: 390]. Так возникло диссимилятивно-умеренное яканье наиболее архаического вида: звукотип [а] функционировал перед ударными [ы], [у], [ǫ], звукотип не-[а] – перед [и], [ę], [е], ['у], [о], ['о], [а], ['а].

В тульских говорах также постепенно формируется корреляция согласных по твердости / мягкости. Перед реализациями фонемы /e/ начинают произноситься палатализованные согласные, это было необходимым условием для изменения в 1-м предударном слоге [е] в [и]; видимо, прежде всего звук [и] на месте [е] распространялся в позиции перед мягкими согласными. Этот процесс приводит не только к фонологизации фонетической закономерности, но видоизменяет саму систему распределения гласных 1-го предударного слога: появление гласного [и] на месте фонем неверхнего подъема теперь обусловлено не артикуляционной характеристикой ударного гласного, а фонологическим признаком следующего за ним согласного.

Отличительной особенностью тульских говоров, предопределившей дальнейшее развитие предударного вокализма, было положение между Восточной и Курско-Орловской группами говоров. Для Восточной группы характерно формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», для Курско-Орловской – более длительное сохранение старого смешанного контура. В большинстве тульских говоров произошла смена тональной модели. Как и в Восточной группе, здесь окончательно оформляется акцентное ядро слова – «сильный центр», что является необходимым условием для распространения сильного аканья и яканья. Однако на западе исследуемой территории смены тональных контуров не произошло, что способствует сохранению диссимилятивного вокализма.

В тех тульских говорах, которые развили новый ритмический контур, звук [а] в 1-м предударном слоге стал возможен перед любым ударным гласным, что кардинально изменило прежнюю систему предударного вокализма. После твердых согласных развивалось сильное аканье, которое, как и в юго-восточных говорах, могло сохранять следы своей диссимилятивной основы. После мягких согласных и перед твердыми также во всех позициях распространялся звук [а], однако наличие [и] перед мягкими согласными сразу же ограничило появление в этой позиции гласных неверхнего подъема, репрезентующих звукотип не-[и], хотя отдельные особенности системы умеренного яканья также могут быть интерпретированы как рефлексы диссимилятивного вокализма. Таким образом, умеренное яканье, характерное для большинства современных тульских говоров, сложилось в результате совмещения двух принципов: умеренности в позиции перед мягкими согласными и принципа сильного яканья в позиции перед твердыми.

В дальнейшем умеренное яканье обычно развивается за счет распространения [и] перед твердыми согласными, то есть движется в сторону иканья. Причины этого очевидны: нейтрализация фонем /'а/, /'о/, /е/ и /и/, возникнув в позиции перед мягкими согласными, неуклонно расширяет область своего функционирования, постепенно увеличивая число позиций неразличения.

7. На западной периферии тульских говоров сохранялась старая структура фонетического слова, что обусловливало консервацию прежней диссимилятивной зависимости. При наличии под ударением противопоставления /ω/ ~ /о/ на месте [е] перед

---

[6] См. предположение Л.Э. Калнынь, что умеренное яканье репрезентует «вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония» [Калнынь 2001: 28].

ударными /о/ и /а/ со временем распространялся звук [и], то есть происходил окончательный переход к системе противопоставления [и] – не-[и]. Так возникло архаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровской разновидности.

После твердых согласных продолжало функционировать архаическое диссимилятивное аканье, которое также испытывало действие ассимилятивных тенденций: вначале – перед монофтонгами, реализующими фонему /ѣ/, затем – перед монофтонгами, реализующими фонему /ω/, позднее – перед реализациями фонемы /и/. В результате в этих позициях появляются гласные, представители звукотипа не-[а]: *нə ш'иləв'е̯́кə-тə, поjе̯́ду, кəп'е̯́иш'к'и, зəкрəс'н'е̯́лс'ə, кə мне̯́, ка̯ро̯́ву, сə-мно̯́й, плəт'к'и́, хəлс'т'и́на, бəл'н'и́цə* и даже *мыки́* (муки). Соответственно после мягких согласных произношение [а] наиболее последовательно сохраняется только перед ударным [у], тогда как перед [о̯] и [ы] начинает произноситься гласный [и]. Таким образом, звукотипы [а] и не-[и] не исчезают совсем, однако функционально значительно ослабевают. Подобная система предударного вокализма отмечена в некоторых говорах Белёвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл. В дальнейшем она развивается за счет распространения в 1-м предударном слоге гласных [и] после мягких и [ə] после твердых согласных независимо от гласного под ударением, то есть здесь активно развивается процесс, ведущий к полному неразличению всех гласных фонем в безударном положении.

Если при формировании диссимилятивно-умеренного яканья противопоставление фонем /ω/ ~ /о/ отсутствовало и диссимиляция проявлялась только перед /а/, в результате актуализации умеренного принципа возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье древнейшего вида с произношением [а] перед ударными [ы], [у], [о]; [е] перед ударным [а]; [и] перед ударными [и], [е], ['у], ['о], ['а]. Такой тип яканья, называемый чухломским, до сих пор отмечается в некоторых говорах Чухломского акающего острова, которые сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем [Касаткин 1999: 433], что, вероятно, и обусловило сохранение наиболее древних отношений при диссимилятивно-умеренном яканье.

Диссимиляция перед [а] сохранялась благодаря особой ритмической структуре слова. После твердых согласных формировалось диссимилятивное аканье жиздринской разновидности, после мягких возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа (после изменения [е] > [и] перед ударным [а]). Эти типы вокализма широко распространены в юго-западной диалектной зоне [ДАРЯ 1986: карты 1, 3].

8. Говоры Курско-Орловской группы, а также елецкие и оскольские наиболее долго сохраняли старую структуру ритмического оформления слова. Поэтому на указанных территориях диссимилятивные типы вокализма сохраняются до сих пор, во всяком случае после мягких согласных. Изменение [е] > [и], которое произошло после распространения перед звуком [е] мягких согласных, привело к формированию новой модели архаического яканья – обоянской. Фонологизация корреляции гласных в 1-м предударном слоге обусловила прекращение действия прежних фонетических закономерностей, в частности привела к ограничению действия ассимилятивных тенденций. Впредь гармония гласных может проявляться только как речевая, коартикуляционная особенность, незначимая с точки зрения системы.

При архаическом аканье и яканье обоянской разновидности, поддержанных семифонемным вокализмом, появление того или иного варианта зависит уже не от фонетической позиции, но также от различных фонологических или лексико-грамматических условий. Подобная система, как правило, изменяется лишь за счет закрепления или распространения одного из звукотипов в определенных формах или словах, а также за счет распространения [и] перед фонологически мягкими согласными.

Если в говоре последовательно функционирует семифонемная система вокализма, архаическое аканье и обоянское диссимилятивное яканье также стабильно сохраняются, отмечаются лишь единичные исключения. Утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/ приводит к постепенной трансформации архаического вокализма. Прежде всего это

выражается в разрушении системы диссимилятивного яканья, и лишь затем – диссимилятивного аканья (подробнее см. [Савинов 2010: 113–115]). Однако выбор [а] или [ə] в 1-м предударном слоге при таком типе вокализма зависит не от каких-то акустических характеристик ударных гласных, но от фонематической позиции. Даже наличие «неэтимологических звукотипов средне-верхнего, среднего и средне-нижнего подъемов» в соответствии с /ѣ/, /ѡ/, /е/ или /о/ никак не отражается на звукотипе в 1-м предударном слоге: он употребляется в соответствии с этимологией ударного гласного [Фомина 1980: 8].

Обоянское диссимилятивное яканье при изменении условий своего существования, то есть при переходе к пятифонемной системе вокализма, может трансформироваться в щигровский или суджанский типы диссимилятивного яканья. С утратой противопоставления фонем верхне-среднего и среднего подъемов звукотипы в 1-м предударном слоге полностью теряют свою позиционную обусловленность. Сохранение чередования [и] || [а] перед [о] в пределах одной парадигмы (*с'ало́*, но *с'ило́м* или *с'идо́й стар'и́к* но *с'адо́уə стəр'ика́*) способствует расширению фонологической вариативности корней. Это противоречит общей тенденции грамматического развития в русском языке к усилению аналитизма, которая выражается «в стремлении к сохранению единообразного вида морфемы» [Гловинская и др. 1971: 22], и потому устраняется системой.

Происходит унификация звукового состава корня, благодаря чему перед ударным [о] из **о* и **ъ* распространяется звук [а]. Это происходит в результате морфологического обобщения основ слов с ударением на флексии, при этом в лексемах с ударением на основе звук [и] может сохраняться. Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и] || [а] или сохранение однотипной закономерности перед ударным [о], характерно для форм словоизменения единственного числа. Наличие этого гласного в парадигме множественного числа не играет значительной роли, что связано с общей тенденцией к выделению форм множественного всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения: *л'исо́к*, *л'иско́м*, но *л'аско́ў*.

Разумеется, процессы аналогического выравнивания ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому системы суджанского и щигровского типов яканья практически всегда сохраняют черты своей основы – архаического яканья обоянской разновидности. Наиболее последовательно звукотип [и] перед [о] из **о* и **ъ* сохраняется в формах И. п. и Т. п. существительных с финалью (не суффиксом) *-ок*: *п'исо́к*, *м'ишо́к* и *п'иско́м*, *м'ишко́м*; в Р. п. местоимений (типа *его*): *йиуо́*, *н'ич'иуо́*; в словах различных частей речи с ударением на основе: *с'в'икро́в'йа*, *с'в'ико́лкə*, *в'ирхо́м*, *п'ишко́м*.

В суджанском яканье, помимо морфонологического фактора развития, действует также фонологический – тенденция к умеренности, к произношению [и] перед мягкими согласными. Прежде всего гласный [и] появлятся перед [е] (из **ѣ*), действие грамматической аналогии в этой позиции ограничено, поскольку /е/ и /ѣ/ не встречаются в пределах одной парадигмы. В связи с этим закономерности произношения, характерные для позиции перед ударным *е* из **е* и **ь*, не распространяются на позиции перед ударным *е* из **ѣ*.

Именно этот факт, а также отсутствие тенденции к умеренности обусловливают сохранение противопоставления гласных 1-го предударного слога перед ударным *е* в зависимости от его происхождения при щигровском диссимилятивном яканье (а вовсе не более поздняя утрата противопоставления /е/ – /ѣ/). Следует отметить, что фонологический фактор развития достаточно продуктивен в южнорусских говорах: суджанское диссимилятивное яканье широко распространено на севере Белгородской, в Курской и Орловской областях. Щигровской тип, сохраняющий произношение [а] перед этимологическим **ѣ*, отмечается лишь в небольшом количестве населенных пунктов и не имеет ярко выраженных ареалов [Захарова 1971: 7].

Архаическое диссимилятивное аканье параллельно изменяется в диссимилятивное аканье жиздринского типа. По-видимому, в своем развитии аканье проходит через не-

сколько промежуточных диссимилятивных типов, при которых перед ударными [е] и [о] любого происхождения возможны как гласный [а], так и гласные [ə] и [ạ], принадлежащие звукотипу не-[а]. Подобные переходные типы аканья отмечаются на севере Белгородской обл., возможно, прежде они были характерны и для некоторых курских говоров.

Постепенно в Курско-Орловской диалектной группе также происходит формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», в результате здесь развивается сильное аканье. Однако появление [а] перед ударным [а] при щигровском и суджанском типах диссимилятивного яканья всегда характеризует отдельные формы, например глагольные формы прошедшего времени или формы существительных м. р. и ср. р., а также прилагательных ж. р., но не становится правилом позиционного чередования: *уп'асла́, ўз'ала́, с'ала́, мəлᵊд'н'ака́, ал'н'ана́ɛ*, но *с'истра́, в'ирста́, у д'ир'иўн'а́х, пə с'т'ина́м, п'ир'в'иза́т'*.

В результате могут формироваться особые модели предударного вокализма, которые по формальным признакам (наличию в части позиций [а] перед /а/) могут быть определены как умеренно-диссимилятивные или ассимилятивно-диссимилятивные типы. Однако они отличаются от соотвстствующих моделей, образованных в результате действия ассимилятивных процессов на более ранних этапах развития и распространенных в говорах юго-восточной диалектной зоны. Во-первых, перед ударным [а] отмечаются примеры, противоречащие новому принципу вокализма, но свидетельствующие о прежней диссимилятивной основе. Во-вторых, в ряде случаев сохраняется произношение [и] перед [о] (из *ъ), что характерно для прототипов – диссимилятивного яканья щигровской и суджанской разновидностей [Захарова 1971: 16–17].

В некоторых говорах суджанскос яканье может сосуществовать с элементами иканья. О проникновении элементов иканья обычно свидетельствует произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в 1-м предударном слоге. В этой позиции при суджанском типе диссимилятивного яканья обычно характерно распространение гласного [и]: *б'испла́тнə, н'и ул'а́н'а, н'и де́лə, н'и је́л'и; н'и хо́ш'у, н'и по́мн'у, н'иуо́днɛ, н'ипло́хə; н'и ви́д'а, н'и ры́лə, н'и бу́ду, н'и пу́с'т'ит'*.

Причины появления иканья те же, что и при умеренном яканье: звук [и], реализующий в 1-м предударном слоге не только фонемы /а/, /о/, /е/, но и /и/ (независимо от позиции), свободен в употреблении, появление же звука [а] всегда позиционно обусловлено. В сложившейся ситуации [а] становится маркированным элементом системы, а [и] – немаркированным, а для развития любой системы характерно постепенное устранение маркированных элементов.

Таким образом, развитие системы вокализма в южнорусских говорах подчиняется общей закономерности – тенденции к сокращению различительной способности гласных, усилению позиционной обусловленности безударных гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы. Эти тенденции на протяжении веков затрагивали не только сегментное, но и просодическое устройство слова. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, в основе которых лежали диссимилятивные закономерности, сформировало «устойчивый вокальный каркас» фонетического слова, что в свою очередь привело к модификации его старой ритмической структуры. Происходящие изменения способствовали выделению акцентного ядра, усилению связи между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, которые постепенно начинают противопоставляться остальным безударным гласным.

При нарушении диссимилятивной зависимости между гласными, что связано с окончательным переходом к ритмическому контуру «сильный центр и слабая периферия», ассимиляция становится в ряде южнорусских говоров системным явлением. Дальнейшее развитие вокалических систем на исследуемой территории зависит от нескольких параметров: способа оформления фонетического слова, количества гласных фонем, типа ассимиляции и системы противопоставления в 1-м предударном слоге. Формирование после мягких согласных корреляции [и] – не-[и] отменяет системное

действие фонетических факторов развития, в том числе и регрессивной ассимиляции. В дальнейшем эти типы предударного вокализма будут развиваться под влиянием фонологических и морфонологических факторов.

В заключение можно отметить, что стремление стабилизировать вокальный состав слова «в качестве реакции на синтагматические изменения» также может быть признано характерной особенностью развития не только «радикально консонантической» русской фонетической системы. Она обнаруживается «в разных регионах Славии в диалектах разной типологической характеристики» [Калнынь 2001: 34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов 1947 – *Р.И. Аванесов.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.

Аванесов 1949 – *Р.И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов 1952 – *Р.И. Аванесов.* Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.

Альмухамедова, Кульшарипова 1980 – *З.М. Альмухамедова, Р.Э. Кульшарипова.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.

Высотский 1967 – *С.С. Высотский.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Высотский 1973 – *С.С. Высотский.* О звуковой структуре слова в русских говорах // С.В. Бромлей (отв. ред.). Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Высотский 1975 – *С.С. Высотский.* К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Е.В. Немченко (отв. ред.). Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Высотский 1977 - *С.С. Высотский.* К вопросу о диссимилятивном принципе вокализма // С.С. Высотский (отв. ред.). Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

Гловинская и др. 1971 - *М.Я. Гловинская, Н.Е. Ильина, С.В. Кузьмина, М.В. Панов.* О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Горшкова, Хабургаев 1997 – *К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Захарова 1971 – *К.Ф. Захарова.* Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2.

Калнынь 2001 – *Л.Э. Калнынь.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.

Касаткин 1999 – *Л.Л. Касаткин.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2010 – *Л.Л. Касаткин.* Из истории аканья – яканья в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20).

Касаткин 2012 – *Л.Л. Касаткин.* Из истории аканья – яканья в русском языке // М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина (ред.). Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М., 2012.

Касаткина (ред.) 1999 – *Р.Ф. Касаткина* (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.

Касаткина 2010 – *Р.Ф. Касаткина.* Специфика севернорусского наречия – субстратная или генетическая? // ВЯ. 2010. № 5.

Князев, Урбанович 2002 – *С.В. Князев, Г.И. Урбанович.* О ритмической модели слова в некоторых архангельских говорах // Л.Л. Касаткин (отв. ред.). Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002.

Котков 1963 – *С.И. Котков.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.

Красовицкий 1999 - *А.М. Красовицкий.* Просодические характеристики слова в говорах с диссимилятивным аканьем // Р.Ф. Касаткина (отв. ред.). Проблемы фонетики. III. М., 1999.

Кузнецов 1964 – *П.С. Кузнецов.* К вопросу о происхождении аканья // ВЯ. 1964. № 1.

Пауфошима 1981 – *Р.Ф. Пауфошима*. О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах // Р.И. Аванесов (отв. ред.). Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
Пауфошима 1983 – *Р.Ф. Пауфошима*. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
Просодический строй 1996 - *Т.М. Николаева* (отв. ред.). Просодический строй русской речи. М., 1996.
Савинов 2008 – *Д.М. Савинов*. К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма // Л.Л. Касаткин (отв. ред.). Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008.
Савинов 2010 – *Д.М. Савинов*. Пути развития архаических типов вокализма в южнорусских говорах // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20).
Строганова 1977 – *Т.Ю. Строганова*. О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах // Р.И. Аванесов (отв. ред.). Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
СОГ – Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–. Ярославль; Орел, 1989- .
Фомина 1980 – *Т.Г. Фомина*. Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1980.
Фонетика 1968 – Фонетика современного русского литературного языка / Под. ред. М.В. Панова. М., 1968.
Чекман 1979 – *В.Н. Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

Сведения об авторе:

Дмитрий Михайлович Савинов
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
crillon@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

© 2012 г. Н.М. СТОЙНОВА

РЕФАКТИВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ*

В работе приводятся результаты типологического исследования морфологических показателей рефактива ('еще раз', 'снова', 'обратно'). Предлагается классификация значений рефактивной зоны, делаются предположения о ее семантической организации. Выявляются типологически стабильные комбинации рефактивных значений. Обсуждаются возможности сочетания рефактива с глаголами разных лексических классов. Перечисляются возможные типы полисемии рефактива с другими глагольными категориями. В исследуемую выборку языков вошли данные языков из всех крупных географических зон: Европы (в том числе Кавказа), Азии, Океании (в том числе Новой Гвинеи), Австралии, Северной, Южной и Центральной Америки.

ВВЕДЕНИЕ

Собственно рефактивным значением принято называть значение однократного повторения некоторой ситуации (ср. значения русских наречий *опять* и *снова*). В литературе для этого явления также часто используются такие термины, как «репетитив» (термин, принятый в большинстве англоязычных работ) и «итератив» (см., например [Wichmann 1992]), реже «реитератив» (см., например [Guillaume 2008]).

В большинстве языков средства, с помощью которых выражается значение рефактива, обслуживают достаточно широкий круг значений, в том числе и довольно далеко отстоящих от собственно рефактивного. К значениям, регулярно выражаемым тем же показателем, что и значение однократного повторения, относятся, в частности: 'возвращение в исходное состояние', 'движение в обратном направлении', 'действие, направленное на улучшение результата аналогичного предшествующего действия', 'действие, совершаемое в ответ на некоторое другое действие и др. Тем самым имеет смысл говорить не об одном рефактивном значении, а о достаточно обширной семантической зоне рефактива.

Способы выражения рефактивных значений разнообразны и типологически неоднородны. Такого рода значения могут выражаться с помощью:

а) автономных лексических единиц (наречий, частиц) или их сочетаний, б) сериальных конструкций (1) и конструкций со вспомогательным глаголом (2), и, наконец, в) аффиксов (3):

(1) хоава (океанийские, Соломоновы острова), [Davis 2003: 163]
tiono **pule** ria
печь **возвращаться** 3PL
'Они опять готовили' (букв. 'готовили-возвращались'). СЕРИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

(2) аква (банту, Конго), [Аксенова, Топорова 2002: 193]
mwa a-**wud**-i ɛ-kɛ
жена 3SG-**возвращаться**-PST INF-идти
'Жена пошла опять' / 'пошла дальше' (букв.: 'вернулась пойти'). ВСПОМ. ГЛАГОЛ

* Автор выражает глубокую благодарность В.А. Плунгяну и анонимному рецензенту журнала «Вопросы языкознания» за многочисленные ценные замечания, а также Институту эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге и лично завсдующему Отделением лингвистики Б. Комри за доступ к значительной части использованной в статье лингвистической литературы.

(3) цян (тибето-бирманские, Китай), [LaPolla, Huang 2003: 168]
me: de-ci-jə-ji
дождь вниз-падать/освобождать-**REP**-ASP
'Опять идет дождь'. АФФИКС

В фокусе данной работы находятся морфологические показатели рефактива. Такое формальное ограничение, с одной стороны, продиктовано чисто практическим желанием сделать рассматриваемый материал обозримым, а с другой стороны, основано на предположении о том, что за формальным противопоставлением морфологических и неморфологических показателей могут стоять и некоторые содержательные различия. Так, в единственной крупной типологической работе, посвященной показателям рефактива [Wälchli 2006], в качестве основного положения высказывается идея о наличии двух типов рефактивных показателей – так называемых «тяжелых» (эмфатических) и «легких» (неэмфатических)[1]. Это противопоставление, по данным Б. Вельхли, коррелирует именно с морфологическим статусом показателя – аффиксами выражаются чаще всего «легкие» рефактивы.

Работа представляет собой типологическое исследование на материале грамматических описаний, словарей, специальных работ по показателям рефактива в конкретных языках и текстов. Основная выборка содержит 34 морфологических показателя рефактива (33 языка): см. приложение. Для каждого из этих показателей проанализировано максимально доступное количество употреблений из грамматических описаний (найденных поиском по всей грамматике) и текстов (если для данного языка доступны тексты). В отдельных случаях привлекались специальные работы, посвященные данному показателю. Использованы также две вспомогательные выборки языков, для которых доступно меньшее количество данных по рефактивным маркерам. В первую входит ок. 150 языков с морфологическими показателями рефактива, во вторую ок. 300 языков с неморфологическим рефактивом (частицы, глагольные конструкции). Ни одна из выборок не является строго сбалансированной по генетической и ареальной принадлежности (в частности в силу того, что морфологические показатели рефактива представлены очень неравномерно в разных языковых семьях и ареалах). Тем не менее, при отборе рефактивных аффиксов ставилась цель максимально широкого охвата языков мира. Также для сбора информации о сочетаемости рефактива с разными классами глагольных лексем по данным словарей был собран материал по 70 глагольным лексемам для семи показателей: *re-* во французском, *wieder-* и *zurück-* – в немецком, *пере-* – в русском, *-ma* – в жаравара, *-imë* – в вайана, *-gu* – в нанайском (подробнее см. п. 1.2.3).

Основными задачами работы являются инвентаризация и классификация значений семантической зоны рефактива, установление синхронных и диахронических связей между ними, выявление типологически стабильных комбинаций рефактивных значений, а также определение положения рефактивной зоны в семантическом пространстве глагольных категорий.

Работа организована следующим образом. Раздел 1 посвящен устройству семантической зоны рефактива. В разделе 2 более подробно рассматриваются некоторые проблемы, связанные с классификацией рефактивных значений. Раздел 3 посвящен «внешним» семантическим связям рефактива с другими глагольными категориями.

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА РЕФАКТИВА

В данном разделе рассматривается внутренняя семантическая организация зоны рефактива. В п. 1.1 приводится список рефактивных значений. В п. 1.2 проводится классификация рефактивных значений по разным параметрам: с точки зрения положения в системе значений (центральные vs. периферийные), с точки зрения типа взаимодействия с аргументной структурой, с точки зрения возможностей сочетания с разными лексическими классами. В п. 1.3 приводится и комментируется семантическая карта рефактивной зоны; п. 1.4 посвящен «широким рефактивам», сочетающим несколько рефактивных значений, в п. 1.5 обсуждаются гипотезы о диахроническом развитии рефактивных показателей.

[1] «light vs. heavy again-expressions»

1.1. Инвентарь рефактивных значений

Рефактивные аффиксы, как будет показано ниже, редко выражают единственное значение, чаще они совмещают несколько близких значений, связанных с однократным повторением, добавлением, возвращением. Такого рода значения с семантической точки зрения сходны тем, что все они относятся к классу так называемых значений с пресуппозитивным компонентом (presupposition triggers), см., например [von Stechow 1996; Падучева 2001: 73] и др. Значения, выражаемые рефактивными аффиксами, в пресуппозиции несут информацию о предшествующей ситуации, в некотором смысле аналогичной той, что описывается в ассерции: *Он опять позвонил* > 'раньше уже звонил'; *Он ушел обратно* > 'раньше там уже был'; *Он выпил еще кофе* > 'до этого уже пил кофе'. Для обозначения этой ситуации далее используется термин «исходная ситуация».

Значения рефактивной зоны в языках мира по-разному и с разной степенью подробности классифицируются в базе данных «Verbum» В.А. Плунгяна[2], в исследованиях [Шлуинский 2005: 67–76] и [Wälchli 2006: 74–78]. Отдельные предложения по классификации рефактивных значений содержатся в работах, посвященных семантике рефактивных показателей в конкретных языках: например, в [Lihtenberk 1991] (океанийские языки), [Аркадьев, Короткова 2010] (адыгейский язык), [Evans 1995] (майали), ср. также обширную литературу по семантике рефактивных наречий в языках Европы: [von Stechow 1996; Fabricius-Hansen 2001; Tovena, Donazzan 2008] и мн. др.

На основании предложений по классификации рефактивных значений, высказанных в этих работах, и нашего собственного анализа материала различных языков мы выделяем следующий набор из десяти основных рефактивных значений:

- редитивное;
- реституутивное;
- респонсивное;
- репетитивное;
- реконструктивное;
- репетитивное с нетождественным участником;
- значение 'также';
- значение рефактивного континуатива;
- аддитивное;
- транспозитивное.

Ниже приводятся краткие унифицированные толкования этих значений в терминах «пресуппозиции – ассерции» и примеры на каждое из них. Более подробно отдельные значения рефактивной зоны обсуждаются в п. 2.

- **репетитив** ('сделать еще раз'):

(4) ндут (атлантические, Сенегал), [Morgan 1996: 155]
ɗi ɗaas-**aat**-te ɓoŋ
3 let-**REP**-PFV cry
{Она вскрикнула. Все слышали крик} 'Она **снова**[3] вскрикнула'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S_0.

- **редитив** ('вернуться в исходную точку'):

(5) удэгейский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Nikolaeva et al. 2003: 37]
eme-**gi**-je, safani, guŋ-ki-ni
come-**REP**-IMP enough say-PST-3SG
'**Возвращайся домой**, достаточно! – сказал (он)'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации движения S из пункта A в пункт B; Пресуппозиция: ранее субъект уже находился в пункте B; Более дробная классификация редитивных употреблений приводится в п. 2.

---

[2] http://www.mccme.ru/ling/verbum.html

[3] Полужирным выделены средства выражения соответствующего значения в русском языке.

• **<u>реституитив</u>** (‘вернуться в исходное состояние’):

(6) агульский (нахско-дагестанские, Дагестан), [Maisak, Merdanova 2011]
wa?, suwar, me q:enfet-ar **qa**-gunt’-q’.a-s,
no Suwar this candy-PL **REP**-<gather>-do.IPRF-INF
xe-s te idemi-s c’.a-jde še? k:an-du
we:INCL-DAT this man-DAT give.IPRF-PTCP thing need-COP:NEG:Q
‘Нет, Сувар, надо эти конфеты {рассыпавшиеся} (снова) **собрать**, нам ведь нужно что-нибудь, чтобы дать этому мужчине’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S, характеризующейся переходом из состояния A в состояние B; Пресуппозиция: ранее уже имело место (состояние B).

• **респонсив** (‘сделать в ответ на аналогичное действие’):

(7) аранда (пама-ньюнга, Австралия), [Wilkins 1989: 277]
re ayenge tw-**irtne**-ke
3SG.A 1SG.P hit-**REP**-PST.COMPL
‘Он ударил меня **в ответ** (после того, как я ударил его)’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S с участником X в роли A и участником Y в роли B; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S_0 с участником X в роли B и участником Y в роли A. Для некоторых показателей возможно также более «широкое» употребление респонсива, когда предшествующая ситуация не совпадает с описываемой, а только инициирует ее. Ср. хотя бы русские примеры типа *Он меня оскорбил, а я **в ответ** дал ему пощечину.*

• **реконструктив** (‘сделать еще раз по-другому, лучше’):

(8) русский
…многие койки в камерах были заправлены небрежно, и Наделашин не проявил твердости вызвать соответствующих заключенных с работы и **пере**-заправить [А.И. Солженицын. В круге первом (1968)] [4].

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S_0, результат которой был признан неудовлетворительным.

• **транспозитив** (‘сделать для кого-то так же, как было сделано для другого’):

(9) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Оскольская 2010]
maman=tan’i Polokto-či gusərə-**gu**-xə-n’i
жена=же Полокто-ALL рассказывать-**REP**-PTCP.PST-3SG
{Откуда Полокто об этом знает? – Соседка сказала его жене}, ‘а жена **пере**сказала Полокто’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S с участником X в роли A и участником Y в роли B; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S_0 с участником X в роли B и участником Z в роли A.

• **репетитив с нетождественным участником (репетитив+)** (‘повторение ситуации с новым участником’):

(10) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Аркадьев, Короткова 2010]
asλan λa-ʁe, jeɬane rwəsλan λe-**ž’ə**-ʁe
Аслан прыгнуть-PST потом Руслан прыгнуть-**REP**-PST
‘Аслан прыгнул, потом **и** Руслан **следом** прыгнул’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ситуация S уже имела место ранее с другим составом участников.

Не только репетитивное значение для разных показателей может иметь большие или меньшие ограничения на состав участников (см. п. 1.2.2). Репетитив с нетождественным

[4] Здесь и далее примеры из [НКРЯ].

участником выделяется в отдельную «функцию» рефактивного показателя в значительной мере условно. Основными аргументами в пользу такого технического решения послужило центральное положение репетитива в ряду рефактивных значений и относительная легкость выявления диагностических контекстов для репетитива с нетождественным участником.

Ограничения на состав участников могут зависеть от роли участника и его референциального статуса (см. п. 2.1.1). В отдельное значение репетитива с нетождественным участником нами выделяются употребления с участником в роли субъекта одноместной ситуации vs. агенса и/или пациенса двухместной ситуации с определенным референциальным статусом.

• **'также'** ('аналогичная ситуация с другим участником'):

(11) кавиненьа (таканские, Боливия), [Guillaume 2008]
Mi-kwe mama-chi? Ani-**nuka**-ya=dya
2SG-GEN mother-EMPH sit-**REP**-IPFV=FOC
'А ваша мать? Она тоже жива {как отец}?'

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S с участником X; Пресуппозиция: реализация ситуации S с другим составом участников.

Эта функция рефактивного показателя отличается от репетитива с нетождественным участником тем, что в данном случае не принципиальна идея временной последовательности: ситуация, к которой отсылает пресуппозиция, не обязательно предшествует рассматриваемой. Ср. примеры, иллюстрирующие это семантическое различие, и их обсуждение в [Kamp, Rossdeutscher 1994; Huitink 2003]: *На день рождения Мэри у нас будет пицца, и на день рождения Джона* ***тоже*** *будет пицца* ('неизвестно, чей день рождения раньше', простое тождество) и *На день рождения Мэри у нас будет пицца, на день рождения Джона* ***опять*** *будет пицца* ('день рождения Мэри раньше', репетитив). Показатели типа 'также' часто оформляют именную группу, вводящую нетождественного участника ситуации. Мы же, ограничиваясь областью глагольной деривации, рассматриваем только случаи, когда соответствующую функцию выполняет глагольный показатель, как в приведенном выше примере из кавиньа.

• **<u>рефактивный континуатив</u>** ('продолжить после перерыва'):

(12) намиа (сепик-раму, Папуа - Новая Гвинея), [Feldpausch, Feldpausch 1992:94]
par-p-elli-nak-e-le apinoku
REP-PFV-follow-INCOMPL-NFUT-go tracks
{Мы постояли немного} 'И **опять** пошли по следам (свиньи)'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ситуация S началась ранее, но была прервана.

С выделением подобных употреблений может быть связана следующая техническая проблема. Результирующее значение 'продолжить делать' может возникать не только у рефактивного показателя как такового, но и у рефактивного показателя в сочетании с показателем инхоатива: *опять+начать+делать*. Такие употребления мы не относим к рефактивно-континуативным.

• **аддитив** ('сделать еще немного'):

(13) кваза (изолят, Бразилия), [Voort 2004: 462]
kui-'**e**-da-mỹ
drink-**REP**-1-volitive
'Я выпью еще!'

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации с дополнительной порцией инкрементального объекта X; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S_0 с некоторым (недостаточным) количеством инкрементального объекта X.

Не всегда понятно, имеем ли мы дело с аддитивными употреблениями, репетитивными или репетитивными с нетождественным участником. Аддитивный или схожий с аддитивным контекст может оформляться тремя разными способами: а) рефактивный аффикс + (показатель неопределенности) + именная группа, б) рефактивный аффикс + показатель при имени, указывающий на добавление (*еще*, *больше*) или нетождественность участников

(*другой*, *еще один*). Если соответствующий показатель является единственным средством, употребляемым в аддитивном контексте, встает вопрос о различении репетитива и аддитива. Денотативно высказывания типа *Тебе снова налить кофе*? (репетитив) и *Налить тебе еще кофе?* (аддитив) практически тождественны. В обоих случаях в силу прагматики ситуации речь идет о новой порции кофе, вопрос в том, включается ли эта информация в ассертивную часть высказывания или игнорируется говорящим. При работе со вторичными данными мы ориентировались на перевод соответствующего предложения. Если рефактивный показатель при глаголе употребляется совместно с именным аддитивным средством (*съесть*-RFP *еще / больше яблок*) или средством, указывающим на несовпадение участников (*съесть*-RFP *другое яблоко*), мы относили такое употребление к аддитивным.

1.2. Классификация рефактивных значений

Ниже рассматриваются разные способы классификации перечисленных в п. 1.1 рефактивных значений. В п. 1.2.1 вводится противопоставление центральных vs. периферийных значений рефактивной зоны. В п. 1.2.2 обсуждается противопоставление значений рефактивной зоны по соотношению с аргументной структурой предиката. П. 1.2.3 посвящен классификации рефактивных значений по широте охвата глагольной лексики и степени идиоматизации.

1.2.1. Центральные vs. периферийные рефактивные значения

Значения из приведенного выше списка можно условно разделить на «центральные» и «периферийные». В качестве формального критерия мы выбрали частотность значения – процент показателей в выборке, для которых отмечается данное рефактивное значение. Соответствующее число с содержательной точки зрения отражает вероятность наличия соответствующего значения у произвольного рефактивного показателя в произвольном языке.

В таблице 1 для каждого значения приведены соответствующие данные по большой выборке (473 показателя, в том числе неморфологических, данные из грамматических описаний) и контрольные данные по малой выборке (34 показателя, подробный анализ употреблений по текстам):

Таблица 1

Количество показателей в выборке, для которых отмечается каждое из рефактивных значений

значение	по малой выборке (34 показателя)	по большой выборке (473 показателя)
репетитив	**82% (28[5])**	**70% (332)**
реститутив	**82% (28)**	**23% (109)**
редитив	**68% (23)**	**27% (126)**
аддитив	32% (11)	8% (38)
респонсив	29% (10)	4% (19)
репетитив+	21% (7)	3% (12)
‘также’	15% (5)	нет данных
рефактивный континуатив	9% (3)	3% (14)
реконструктив	9% (3)	5% (26)
транспозитив	6% (2)	2% (7)

[5] В скобках дано абсолютное число показателей, для которых зафиксировано соответствующее значение.

В соответствии с нашими данными, центральными значениями являются: **репетитив**, **реститутив** и **редитив**. Такой результат, полученный по формальному критерию частотности в языках мира, как кажется, довольно хорошо соотносится с интуитивными представлениями о центральных значениях семантической зоны как о семантически выделенных (прототипических, более элементарных) и диахронически исходных. Удобно также, что данный критерий соответствует интуиции о противопоставлении центральных vs. периферийных значений как о шкале, а не жесткой бинарной оппозиции[6].

1.2.2. Взаимодействие рефактивных значений с аргументной структурой: значения с постоянным vs. измененным составом участников

Еще одним критерием для классификации значений рефактивной зоны может служить характер их взаимодействия с аргументной структурой предиката. Разные значения рефактивной зоны в разных языках предполагают разное соотношение состава участников описываемой и исходной ситуаций. Можно говорить об участниках, «прозрачных» и «непрозрачных» для рефактива. Изменение «прозрачного» участника не влияет на возможность употребления рефактивного маркера, иными словами ситуация с таким участником рассматривается в языке как аналогичная исходной независимо от изменений в составе участников.

Будет ли участник прозрачен для рефактива, определяется целым рядом факторов и регулируется, как кажется, достаточно сложными конкретно-языковыми правилами. Например, значимым может быть референциальный статус участника. Ср. следующие примеры:

(14) Анна **опять** написала какое-то стихотворение.
  a) ???‘то же, что написала в прошлый раз’
  b) ok‘не то, что в прошлый раз’
(15) Анна **пере**писала какое-то стихотворение.
  a) ok‘то же, что написала в прошлый раз’
  b) *‘не то, что в прошлый раз’

В обоих примерах пациенс вводится неопределенной именной группой. При этом приставка *пере-* допускает только «связанное» чтение, при котором пациенс исходной ситуации тождественен пациенсу рассматриваемой (один и тот же неопределенный участник), а наречие *опять* допускает (а в данном прагматическом контексте делает единственно возможной) интерпретацию, при которой участники исходной и рассматриваемой ситуаций не тождественны.

Другой важный фактор – семантическая роль участника. Так, для той же приставки *пере-* участник с синтаксическим статусом подлежащего переходного глагола может иметь разные ограничения в зависимости от своей семантической роли (и, соответственно, типа ситуации, к которой привязан участник с данной ролью). Агенс рассматриваемой ситуации может не совпадать с агенсом исходной (16), экспериенцер же обязан совпадать (17).

(16) Дочка плохо помыла посуду. okМама **пере**мыла ее заново.
(17) {Дочка невнимательно посмотрела фильм.} *Мама **пере**смотрела его и рассказала ей сюжет.

Эту асимметрию можно объяснить, обратившись к особенностям семантики приставки *пере-*. Реконструктивное *пере-* предполагает изменение результата исходной

---

[6] При этом следует отметить, что в данном случае (особенно это касается результатов по большой выборке) мы опираемся на вторичные и/или неполные данные. Таким образом, не исключена вероятность, что полученный результат отражает в большей степени противопоставление значений более/менее «заметных» или «ожидаемых» исследователем, чем собственно центральных vs. периферийных. В частности, заметно меньшие цифры по периферийным значениям в большой выборке, по сравнению с малой, объясняются, видимо, как раз неполнотой данных по этой выборке. Более надежными были бы также данные строго сбалансированной выборки. Тем не менее, показательно, что данные по двум случайным выборкам дают сопоставимый – хотя бы с точки зрения относительного порядка значений – результат.

ситуации путем ее повторения. Результат агентивной ситуации не затрагивает агенса (изменяется состояние посуды, но не того, кто ее мыл), результат ситуации восприятия затрагивает экспериенцера (изменяется состояние посмотревшего фильм).

Ограничения, связанные с (не)совпадением участника могут также быть обусловлены его коммуникативным статусом. Ср. следующие примеры на употребление сиркон-стантов в предложениях с наречием *опять*. Участник-время прозрачен для рефактивного наречия *опять*, если он не входит в рему:

(18) Он **опять** (простудился в середине июля)$\downarrow_R$.
*'как и в январе'

(19) В середине июля↑ он **опять** (простудился)$\downarrow_R$.
ok'как и в январе'

Интересно, что участник-место с этой точки зрения ведет себя иначе, чем участник-время. Подчиняясь более жестким правилам, он допускает несовпадение участников в нерематической позиции только в тех случаях, когда пространственная характеристика может быть осмыслена как временна́я:

(20) a) **Опять** (были взрывы в метро)$\downarrow_R$.
*'как и на улице'
b) В метро↑ **опять** (были взрывы)$\downarrow_R$.
*'как и на улице'

(21) a) **Опять** (были бурные овации в Политехническом)$\downarrow_R$.
*'как и в доме литераторов'
b) В Политехническом↑ (**опять** были бурные овации) $\downarrow_R$.
ok'как и в доме литераторов (= как и на прошлом выступлении)'

Очевидно, что для разных значений рефактивной зоны более и менее жесткие ограничения будут связаны с разными участниками. Ср. отмеченную выше разницу в ограничениях на смену пациенса для репетитива (*опять*) и реконструктива (*пере-*) (14–15).

Для участников, «непрозрачных» для рефактива, помимо требования обязательного тождества с аналогичным участником исходной ситуации, возможно, наоборот, требование обязательной смены участника, встроенное в «толкование» соответствующего значения. В класс рефактивных значений **с измененным составом участников** попадают следующие из рассматриваемых нами значений: редитив, респонсив, транспозитив, аддитив и значение 'также':

редитив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
источник – точка B	<	источник – точка A
цель – точка A	<	цель – точка B

'*X делает с Y то, что Y сделал с X*'

респонсив:

рассматривасмая ситуация		исходная ситуация
X в роли A	<	Y в роли A
Y в роли B	<	X в роли B

'*X делает с Y то, что Y сделал с X*'

транспозитив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
X в роли A	<	Z в роли A
Y в роли B	<	X в роли B

'*X передает Y-у то, что Z передал X-у*'

аддитив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
порция 2 участника X в роли A	<	порция 1 участника X в роли A

'*добавить еще X-а*'

'также':

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
участник X в роли A	<	участник У в роли A

'X делает то же, что и Y'

1.2.3. Классификация рефактивных значений по степени охвата глагольной лексики

Большинство значений рефактивной зоны в той или иной степени избирательны в отношении сочетаемости с глагольными лексемами.

Для выявления закономерностей взаимодействия рефактивных значений с глагольной основой были проанализированы данные словарей по 70 глагольным лексемам для 5 языков – немецкого (приставки *zurück-* и *wieder-*, [Duden 1999]), французского (приставка *re-*, [Robert 1992]), вайана (суффикс *-imë*, [Camargo 2010]), жаравара (суффикс *-ma*, [Vogel 2006]) и нанайского (суффикс *-gu*, [Оненко 1980]). Глаголы подобраны, с одной стороны, так, чтобы по возможности равномерно представить разные лексические и аспектуальные классы, с другой стороны – так, чтобы наиболее полно представить классы, априори особенно интересные с точки зрения взаимодействия с тем или иным рефактивным значением. Для каждой из лексем по словарю отмечалось наличие / отсутствие рефактивного деривата и, при наличии деривата – его значение или значения. Этот метод достаточно неточен: набор языков очень мал, словари разнятся по объему и принципам составления и содержат заведомо неполную информацию; небольшая, составленная интуитивно выборка лексем заведомо неадекватно представляет множество лексем языка; наконец, лексические различия между приблизительно схожими по значению глаголами разных языков на самом деле могут быть принципиальны, в том числе и с точки зрения сочетаемости с рефактивом. Тем не менее, данный метод, как кажется, может дать по крайней мере первое поверхностное представление о сочетаемостных возможностях рефактивных показателей.

Результаты по сочетаемости значений репетитива, редитива, реституитива, респонсива, транспозитива и аддитива с глагольной основой представлены в обобщенном виде в таблице 2[7]:

Таблица 2

Взаимодействие рефактивных значений с глагольной основой

ГЛАГОЛ	РЕПЕТИТИВ	РЕДИТИВ	РЕСТИТУ-ТИВ	РЕСПОНСИВ	ТРАНСПОЗИ-ТИВ	аддитив
бежать	(+)	(+)	(+)	*	*	*
лететь	(+)	+	(+)	*	*	*
нести	(+)	+	*	*	*	*
уходить	*	+	+	*	*	*
приходить	+	+	+	*	*	*
падать	*	+	+	*	*	*
возвращаться	*	+	*	*	*	*
поворачивать(ся)	*	(+)	*	*	*	*
лить, наливать	*	*	*	*	*	(+)
класть, ставить	(+)	+	*	*	*	(+)
брать	(+)	+	*	*	*	*

[7] Звездочкой «*» обозначены лексемы, от которых не образуется рефактивный дериват с соответствующим значением, плюсом «+» или «(+)» – те, от которых дериват с соответствующим значением образуется. Плюсом в скобках «(+)» – встретившиеся только в одном языке, плюсом без скобок «+» – встретившиеся более чем в одном языке. Учитывались в том числе и случаи, когда исходный глагол сам по себе является идиоматизированным рефактивным дериватом со значением, близким к данному (ср. английское *re-turn* ‘возвращаться’ = редитив + ‘поворачивать’).

Таблица 2 (продолжение)

ГЛАГОЛ	РЕПЕТИТИВ	РЕДИТИВ	РЕСТИТУ-ТИВ	РЕСПОНСИВ	ТРАНСПОЗИ-ТИВ	АДДИТИВ
покупать	*	*	+	*	*	*
давать	(+)	+	(+)	+	*	*
продавать	(+)	*	+	*	+	(+)
дарить	*	*	(+)	*	*	*
посылать	*	(+)	*	*	(+)	*
рассказывать	(+)	*	*	(+)	(+)	(+)
говорить	(+)	*	*	(+)	(+)	*
спрашивать	(+)	*	*	(+)	*	*
просить	(+)	(+)	*	*	*	*
звать	+	+	*	(+)	*	*
приветствовать, здороваться	(+)	*	*	+	*	*
ломать, разрушать	(+)	*	*	*	*	*
чинить	*	*	+	*	*	*
строить	*	*	+	*	*	*
терять	*	*	(+)	*	*	*
искать	(+)	*	(+)	*	*	*
находить	(+)	*	+	*	*	*
забывать	*	*	+	*	*	*
вспоминать	*	*	+	*	*	*
закрывать(ся)	(+)	*	+	*	*	*
открывать	*	*	+	*	*	*
снимать, раздеваться	*	*	(+)	*	*	*
надевать, одеваться	*	*	+	*	*	*
завязывать, привязывать	*	*	(+)	*	*	*
развязывать, отвя-зывать	*	*	+	*	*	*
зажигать	*	*	+	*	*	*
гасить	*	*	(+)	*	*	*
будить, просыпаться	(+)	*	(+)	*	*	*
исчезать	*	*	(+)	*	*	*
лечить	*	*	(+)	*	*	*
выздоравливать	*	*	+	*	*	*
начинать	*	*	+	*	*	*
мочить, мокнуть	*	*	(+)	*	*	*
сушить, сохнуть	*	*	*	*	*	*

Таблица 2 (окончание)

ГЛАГОЛ	РЕПЕТИТИВ	РЕДИТИВ	РЕСТИТУ-ТИВ	РЕСПОНСИВ	ТРАНСПОЗИ-ТИВ	АДДИТИВ
остывать, охлаж-даться	*	*	+	*	*	*
грсть, нагревать	(+)	*	+	*	*	*
умирать	*	*	*	*	*	*
рождаться	*	*	+	*	*	*
пачкать(ся)	*	*	(+)	*	*	*
мыть, чистить	*	*	*	*	*	*
жарить, варить, готовить	*	*	*	*	*	*
шить, зашивать, пришивать	*	*	+	*	*	*
рисовать	*	*	(+)	*	*	*
писать	+	*	*	*	*	*
читать	+	*	*	*	*	(+)
есть	+	*	*	*	*	*
пить	(+)	*	(+)	*	*	(+)
петь	+	*	*	*	*	*
платить	(+)	*	*	*	*	*
ложиться, садиться	*	*	+	*	*	*
бить, ударять	+	*	*	*	*	*
повторять	+	*	*	*	*	*
идти о дожде, снеге	+	*	*	*	*	*
думать	(+)	*	*	*	*	*
смотреть	+	(+)	*	*	*	*
видеть, слышать	+	*	+	*	*	*
спать	+	*	(+)	*	*	*
жить	*	*	(+)	*	*	*
знать	*	*	+	*	*	*

Данные таблицы подтверждают очевидные ожидания об основных лексических классах, которые характерны для каждого из значений:

- **репетитив** – практически без лексических ограничений;
- **редитив** – ядро – глаголы перемещения (*уходить обратно*, *приходить обратно*, *бежать обратно*, *нести обратно* и др.), также некоторые другие глаголы с пространственным компонентом значения (*класть обратно, брать обратно* и др.), в том числе имплицитным (*смотреть* ('движение взгляда') > *смотреть обратно*; *звать*, *просить* ('каузация перемещения') > *звать обратно* = 'каузировать прийти обратно', *просить обратно* = 'каузировать принести обратно');
- **реститутив** – глаголы со значением изменения состояния (*закрывать открытое*, *разогревать остывшее*, *выздоравливать после болезни*) или временного состояния (*видеть* > *снова увидеть после того, как не видел*, *спать* > *снова заснуть после того, как проснулся*);

- **респонсив** – контролируемые глаголы со значением взаимодействия (*ударить* > *дать сдачи*), в том числе глаголы речи (*сказать* > *ответить*, *поздороваться* > *ответить на приветствие*), глаголы передачи (*дать* > *дать в ответ*);
- **транспозитив** – глаголы передачи (*передать*, *перепродать*, *переслать*), в том числе вербальной (*пересказать другому то, что рассказали тебе*);
- **аддитив** – глаголы с инкрементальной темой (*выпить еще*, *положить еще*, *налить еще*).

1.3. Структура семантической зоны рефактива

Данные исследуемой выборки языков позволяют предложить следующую схему организации значений внутри семантической зоны рефактива:



Схема 1. Семантическая организация зоны рефактива

Как видно из схемы, пространство рефактивных значений делится на два подпространства – в одном оказываются значения, отражающие идею возвращения (редитив, реститутив, респонсив), в другом – значения, группирующиеся вокруг идеи повторения (репетитив, реконструктив, репетитивный континуатив, репетитив+, 'также'). Наименее тривиальным эмпирическим результатом кажется положение в схеме значений респонсива и репетитивного континуатива. Респонсивное значение ('в ответ') априори можно рассматривать как семантически близкое и к группе значений повторения (ситуация повторяется с иной участников), и к группе значений возвращения (метафора «возвращения ситуации ее исходному инициатору»). Тем не менее, эмпирические типологические данные по совмещению рефактивных значений свидетельствуют о том, что оно примыкает только к зоне возвращения, но не к зоне повторения. В свою очередь значение рефактивного континуатива, также семантически близкое как к повторительным значениям (продолжение ситуации как ее повторение), так и к возвратным («возвращение» к прерванной ситуации, ср. эту метафору в русской конструкции *вернуться к* [*работе*]), демонстрирует на основании эмпирических данных связь со значениями группы повторения, но не возвращения. См. обсуждение конкретных типов совмещения рефактивных значений ниже.

Имеющиеся данные позволяют также выделить наиболее характерные комбинации рефактивных значений. Набор периферийных значений достаточно сильно различается для разных рефактивных показателей. Типологически более стабильным является набор центральных значений рефактива.

Основным типом совмещения рефактивных значений является широкий рефактив, совмещающий все центральные значения рефактивной зоны (редитив, реститутив и репетитив) и в некоторых случаях также тот или иной набор периферийных значений.



Примером широкого рефактива может служить суффикс *-tu* в языке мапуче, который употребляется в репетитивном, реститутивном и редитивном контекстах:

(22) мапуче (арауканские, Чили, Аргентина), [Smeets 2008]
a) iñché amu-**tu**-a-n eymi kay
I go-**REP**-NPST-IND-1SG you PTCL
'Я возвращаюсь обратно, а ты?' РЕДИТИВ
b) tripa-ke-fu-n ñi küđaw-**tu**-al
leave-HAB-unsuccessfully-IND.1SG POSS.1SG work-**REP**-NPST
'Я уходил, чтобы снова найти (потерянную) работу'. РЕСТИТУТИВ
c) mūchay pun ka nütram-ka-**tu**-a-fi-n
soon night again conversation-really-**REP**-NPST-OBJ-IND.1SG
'Вечером я опять с ним поговорю'. РЕПЕТИТИВ

Для показателей с более узким набором рефактивных значений основная граница проходит между значениями, сгруппированными вокруг идеи возвращения, и значениями, сгруппированными вокруг идеи повторения. Тип **рефактив возвращения** включает редитивное и иногда также респонсивное значение.



Примером подобного показателя может служить немецкая приставка *zurück-* с редитивным (***zurück**-rennen* 'бежать назад') и респонсивным (***zurück**-rufen* 'кричать в ответ, откликаться') значениями; аналогично устроен и ее нидерландский когнат *terug*: ср. ***terug**-trekken* 'отходить назад, отступать', ***terug**-bellen* 'перезванивать (в ответ на звонок)'.

Широкий рефактив возвращения включает, помимо редитивного (и респонсивного), реститутивное значение (связанное с идеей возвращения за пределами пространственной сферы), но не репетитивное значение и связанные с ним малые значения рефактивной зоны.



Подобная комбинация значений наблюдается, например, у суффикса *-to(o)q* в языке не-персе:

(23) не-персе (пенути, Айдахо), [Crook 1999: 181, 455]
a) 'e-sepée-qqú-wéeyik-**toq**-see sik'jéem-ne
3.OBJ-CAUS-gallop-cross-**REP**-INCH horse-OBJ
'Я заставляю лошадь скакать обратно на ту сторону'. РЕДИТИВ
b) k'óomay-**toq**-see
be.sick-**REP**-INCH
'Я снова заболел (болезнь вернулась)'. РЕСТИТУТИВ

Тип **рефактив повторения** включает репетитивное значение в качестве центрального и тот или иной набор периферийных рефактивных значений, непосредственно связанных с репетитивным.



К этому типу относится, например, показатель *-il* в языке ндут, употребляемый в репетитивном значении и значении рефактивного континуатива:

(24) ндут (атлантические, Сенегал), [Morgan 1996: 121]

a) mi pay-**il** meey-a ra, m-ay on ɗo liŋom
1SG go-**REP** field-CLF.DET when 1SG-FUT give 2SG lemon
'Когда я в следующий раз (опять) пойду в поле, я дам тебе лимон'. РЕПЕТИТИВ

b) mi took-**il**-te níi kíil ana, m-a na hen-eh loo
1SG sit-**REP**-PFV until year two 1SG-PROG DUR do-NEG.HAB stomach
'Я оставалась там еще два года и не забеременела'. РЕФАКТИВНЫЙ КОНТИНУАТИВ

Еще один зафиксированный тип рефактивных показателей можно назвать **непространственным рефактивом**: из центральных значений он включает репетитивное и реституутивное, но не редитивное значение.



Показателем такого типа является, судя по имеющимся данным, суффикс *-e* в языке кваза, который имеет репетитивное, реституутивное и аддитивное значение:

(25) кваза (изолят, Бразилия), [Voort 2004: 323, 355, 462]

a) awe-'mũ o'hui-he-'ky kikalo-**'e**-xa-tsi
rain-liquid play-NEG-NEG.IMP fever-**REP**-2-PROH
'Не играй под дождем, а то опять заболеешь!' РЕПЕТИТИВ

b) tui-cwa'nĩ-xa-lɛ ori-'nỹ-**'e**-xa-rydy-re
fall-bottom-2-COND climb-REFL-**REP**-2-IRR-Q
'Ты бы выбрался (снова), если бы провалился в дыру?' РЕСТИТУТИВ

c) kui-**'e**-da-mỹ
drink-**REP**-1SG-VOL
'Я выпью еще' АДДИТИВ

В таблице 3 приводятся количественные данные по каждому из типов полисемии рефактивных показателей для малой выборки:

Таблица 3

Типы рефактивных показателей: частотность

тип	кол-во показателей
широкий	19
непространственный	6
повторение	3
возвращение+	3
возвращение	1

Приведенных численных данных недостаточно для того, чтобы делать какие бы то ни было выводы об относительной частотности большинства из рассматриваемых типов в языках мира. На основании такой небольшой выборки можно с уверенностью говорить только о значительном преобладании рефактивов широкого типа (то есть совмещающих все три основных значения рефактивной зоны).

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о существовании специализированных морфологических показателей, выражающих только одно из значений рефактивной зоны. Среди рассмотренных нами показателей (как в малой, так и в большой выборке) надежных примеров таких показателей не встретилось. Так, например, русское *пере-* со специализированным значением реконструктива выражает также целый ряд значений, лежащих за пределами рефактивной зоны. Немецкая редитивная приставка *zurück-*, помимо основного пространственного значения, имеет при небольшом количестве глаголов с непространственной семантикой значение респонсива и т.д. Таким образом, можно сказать, что морфологические рефактивы с узкоспециализированным значением если и существуют, то представляют собой типологически редкое явление. Отметим при этом, что лексические показатели такого рода достаточно распространены, ср. русские *еще раз* (репетитив), *заново* (реконструктив), *обратно* (редитив).

В завершение приведем также численные данные по общему количеству рефактивных значений, отмечаемых для разных показателей (малая выборка):

Таблица 4

Количество значений рефактивного аффикса

кол-во значений	кол-во показателей
1	0
2	8
3	12
4	5
5	5
6	2
7	2
8	0

Таким образом, можно постулировать для морфологических показателей рефактива – в отличие от лексических – общую тенденцию к совмещению значений в одном показателе (что является достаточно предсказуемым фактом).

1.4. Широкие рефактивы: стабильность vs. вариативность в распределении значений

Выше приводятся данные, согласно которым наиболее частотным типом рефактивного показателя является широкий рефактив, совмещающий все три центральных значения рефактивной зоны. В этом разделе широкие рефактивы рассмотрены более подробно. Обсуждается вопрос о том, насколько типологически стабильно соотношение разных рефактивных значений для широких рефактивов.

Для четырех рефактивных аффиксов широкого типа (*re-* во французском, *-gu* в нанайском, *-imë* в вайана и *-ma* в жаравара) по словарю проверена сочетаемость с разными значениями рефактивной зоны для 70 глаголов.

В таблице 5 показано соотношение количества глаголов, сочетающихся с центральными / периферийными значениями рефактивной зоны для каждого из широких рефактивов.

Таблица 5

Широкий рефактив: центральные vs. периферийные значения

	центральные	**периферийные**	**всего**
французский *re-*	75%	15%	95
нанайский *-gu*	70%	30%	54
вайана *imë*	83%	17%	19
жаравара *-ma*	96%	4%	24

Для всех показателей продуктивность центральных значений оказывается значительно выше, чем для периферийных.

Таблица 6 показывает процент глаголов из выборки, при которых реализуется каждое из центральных значений рефактивного показателя:

Таблица 6

Соотношение центральных рефактивных значений для широких рефактивов

	редитив	**реститутив**	**репетитив**
французский *re-*	13%	31%	33%
нанайский *-gu*	22%	33%	15%
вайана *-imë*	16%	37%	32%
жаравара *-ma*	25%	42%	29%

В этом ряду выделяется показатель *-gu* в нанайском, для которого процент лексем из выборки, в сочетании с которыми он реализует репетитивное значение, примерно в два раза меньше, чем для остальных.

Более наглядной кажется картина по распределению значений зоны повторения (репетитив, аддитив, реконструктив и др.) vs. зоны возвращения (редитив, респонсив, реститутив):

Таблица 7

Соотношение значений зоны возвращения vs. повторения для широких рефактивов

	возвращение	**повторение**
французский *re-*	46%	54%
нанайский *-gu*	64%	36%
вайана *-imë*	53%	47%
жаравара *-ma*	67%	33%

Очень резкой разницы в процентном соотношении значений повторения и возвращения не наблюдается. Тем не менее некоторые различия можно констатировать: в частности, во французском процент глаголов, сочетающихся со значениями повторения, слегка превышает процент глаголов, сочетающихся со значениями возвращения. Для остальных показателей картина обратная: для вайана разница в пользу зоны возвращения незначительная, для жаравара и нанайского более существенная.

Сравнение данных по сочетаемости с различными лексемами – лишь один из возможных способов ответить на наивный вопрос о том, «каких значений больше». Другой естественный вариант – сопоставлять частоту, с которой то или иное значение встречается в тексте (так называемая token-frequency). Типологические данные такого рода представлены в работе [Wälchli 2006]: по частотности в тексте значения зоны возвращения стабильно превосходят значения зоны повторения; ср. также наши подсчеты для репетитивного значения в нанайском и французском. По сочетаемости с глаголами различных лексико-семантических классов нанайский достаточно сильно отличается от французского (15% vs. 33%), но по текстам репетитивные употребления оказываются для обоих языков в равной степени редки: 4 употребления из 50 для французского, 2 употребления из 48 для нанайского.

1.5. Диахронические связи между рефактивными значениями

Предлагаемая выше схема 1 демонстрирует семантические связи между значениями рефактивной зоны, то есть может предсказывать возможные комбинации рефактивных значений. Классическая семантическая карта, кроме того, содержит еще и информацию о возможных путях диахронического развития одних значений из других (о проблемах семантического картирования см., например, недавний сборник [Cysouw et al. 2010] и мн. др.).

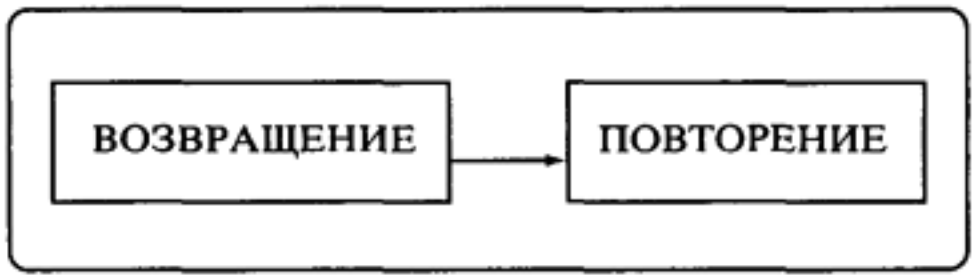
Для большинства рассматриваемых нами морфологических показателей рефактива путь исторического развития известен только в самых общих чертах, а зачастую неизвестен вовсе. В качестве гипотезы можно тем не менее предложить следующую организацию семантического пространства рефактива с точки зрения направлений семантических переходов:



Схема 2. Рефактивные значения: гипотезы о диахроническом развитии

Приведенная схема отражает две общие тенденции семантической эволюции рефактивных аффиксов:

а) семантический сдвиг от идеи возвращения к идее повторения (‘возвращения во времени’):



b) направление от «центральных» значений к «периферийным» (см. п. 1.2.1).

Для центральных значений рефактивной зоны естественнее всего предположить схему диахронического развития РЕДИТИВ > РЕСТИТУТИВ > РЕПЕТИТИВ в процессе постепенного расширения сферы употребления рефактивного показателя на непространственную лексику. Идея пространственного возвращения достаточно естественно трансформируется в идею возвращения к прежнему состоянию (реститутив) для глаголов изменения состояния. Следующий предполагаемый шаг при переходе к еще более широкому кругу глаголов с непространственным значением – от реститутивного значения, предполагающего повторение результирующих состояний некоторой ситуации, к репетитивному значению, предполагающему повторение самих ситуаций. Косвенным подтверждением направления диахронического развития ВОЗВРАЩЕНИЕ > ПОВТОРЕНИЕ служит наблюдаемое в нашей выборке отсутствие значений зоны возвращения у рефактивных показателей, восходящих к глаголам со значением повторения, добавления, увеличения (*повторять*, *добавлять*, *продолжать*).

При таком сценарии диахронического развития не вполне предсказуемым кажется лишь наблюдаемый в языках мира тип непространственного рефактива, совмещающий реститутивное значение с репетитивным, но не с редитивным. Для таких случаев, впрочем, можно было бы предположить тот же диахронический путь, но с последующим отмиранием исходного пространственного значения. Так, для приставки *yawoih-* в майали (гунвингские, Австралия), выражающей на синхронном уровне только непространственные значения рефактивной зоны, в [Evans 1995] предлагается гипотеза о развитии из глагола со значением возвращения. С другой стороны, материал неморфологических показателей рефактива дает основания предполагать, что этот путь образования рефактивов непространственного типа не единственный. Так, реститутивное и репетитивное значения совмещает русское наречие *снова*, восходящее к прилагательному *новый* (а не к слову с семантикой возвращения) и никогда не имевшее редитивного значения.

Что касается диахронического развития значений зоны повторения, то можно предположить развитие периферийных значений из значения репетитива. Основанием для подобного предположения может служить тот факт, что существуют показатели, совмещающие периферийные значения зоны повторения как с репетитивом, так и со значениями зоны возвращения. Таким образом, предполагая (в качестве единственно возможного) путь от периферийных значений к репетитивному, мы вынуждены были бы также предположить и обратное развитие значений возвращения из репетитивного, что, видимо, невозможно.

2. ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ РЕФАКТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В разделе 2 будут более подробно рассмотрены два центральных значения рефактивной зоны: редитив (п. 2.1) и реститутив (п. 2.2). На примере этих значений рассматриваются некоторые проблемы, связанные с семантической классификацией значений рефактивной зоны в целом. В разделе 2.1 на примере редитива ставится вопрос о возможности и необходимости более дробной классификации рефактивной зоны. В разделе 2.2 на примере реститутива обсуждается вопрос о границах выделяемых нами рефактивных классов и о том, насколько однозначно рефактивное значение определяется классом глаголов, при которых оно реализуется. В этом разделе приводятся аргументы за то, чтобы считать / не считать редитив и реститутив одним и тем же значением, и рассматривается возможность трактовки некоторых употреблений рефактива при глаголах движения как реститутивных, а не редитивных.

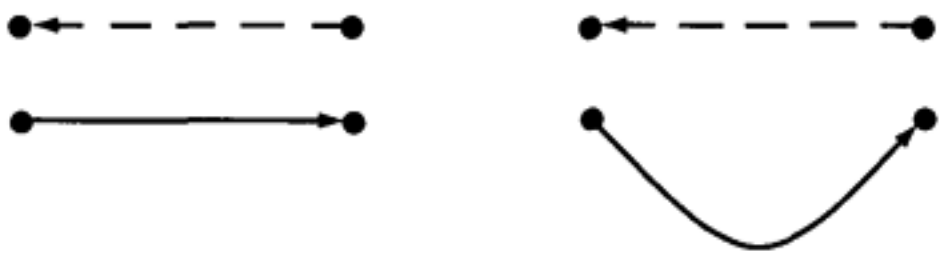
2.1. Редитив

Приводимый в п. 1 набор рефактивных значений выбран с той степенью детализации, какую можно себе позволить в типологическом исследовании на материале вторичных данных. На самом деле некоторые из выделяемых нами значений при более детальном анализе, возможно, имело бы смысл рассматривать как несколько близких, но не тождественных значений. В данном разделе вопрос о возможности более дробной классификации рассматривается на примере редитивного значения.

Редитивное значение 'двигаться обратно' объединяет с остальными рефактивными значениями тот факт, что оно содержит пресуппозицию о предшествующей аналогичной ситуации:

(26) Радищев приехал из Москвы **обратно** в Петербург; пресуппозиция: 'до этого он уже был в Петербурге'
(27) ?Я попал **обратно** в какой-то незнакомый город.

Строго говоря, логически можно противопоставить две отдельные разновидности редитивного значения – значение, предполагающее полное повторение предшествующего маршрута, и значение, предполагающее только совпадение цели движения с исходным пунктом предшествующего движения, но не совпадение самих траекторий движения:



Тем не менее нам не известно – по крайней мере морфологических – показателей редитива, отражающих подобное противопоставление, ср. примеры на выражение ситуаций обоих типов в русском с помощью глагола *возвращаться* и наречия *обратно*:

(28) Охотник **вернулся обратно** к реке по собственным следам. совпадение траекторий
(29) Охотник **вернулся обратно** к реке другой дорогой. совпадение цели с исходным пунктом, несовпадение траекторий

Существует два пространственных значения, очень близких к собственно редитивному и часто выражаемых совместно с ним, но не содержащих, в отличие от него, никакой информации о предшествующей ситуации движения и тем самым семантически более далеких от рефактивной зоны. Первое из них содержит фиксированную цель 'дом, место обычного пребывания'. Ситуация 'двигаться домой' так же, как и обычная редитивная ситуация, в принципе предполагает, что движению предшествовало противоположное движение (из дома), но эта информация не является актуальной для говорящего. Свидетельства употребления рефактивных показателей как в собственно редитивном значении, так и в «деэмфатизированном» значении 'домой' характерно, в частности, для отомангских языков (см. обсуждение подобных употреблений в асойу-тлапанек и других отомангских языках в [Wichmann 1992]). Среди прочих языков, попавших в нашу выборку, такие употребления отмечены для рефактивных маркеров в следующих языках: сарси (атабаскские, префикс *na-*), тутело (сиу, префикс *ki-*), колумбия-венатчи (салишские, префикс *l-*), тускарора и вьяндут (ирокезские, префиксы *o-*, *s-*), шауни (алгонкинские, префикс *pakici-*), нс-перce (пенути, суффикс *-tooq*), вайана (карибские, суффикс *-(j)(e)më*) и удэгейском (тунгусо-маньчжурские, суффикс *-gi*).

Другое близкое к редитивному значение – 'двигаться назад' – обозначает обратное движение, но не относительно некоторого предшествующего движения, а относительно объекта с выделенной асимметрией передней / задней части (в первую очередь челове-

ка – ‘назад’ = ‘противоположно направлению взгляда’). Ср. диагностические контексты, в которых в русском языке возможно употребление наречия *назад*, но не семантически близкого ему наречия *обратно*, которое может выражать только собственно редитивное значение, но не значение ‘назад’:

(30) откинуть голову **назад / *обратно**
оглянуться **назад / *обратно**

Ср. также примеры из нанайского языка (тунгусо-маньчжурский), иллюстрирующие возможность выражения собственно редитивного значения и значения ‘назад’ с помощью одного и того же морфологического показателя:

(31) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Оненко 1980]
a) тӯ ‘падать’ – туӯ-**гу** ‘падать обратно {на прежнее место}’
b) ичэ ‘смотреть’ – ичэ-**гу** ‘оглядываться {смотреть в сторону, противоположную обычной}’

В некоторых языках значение редитива может совмещаться не со значением направления, связанного с фасадными характеристиками объекта, а со значением соответствующей локализации – ‘быть / двигаться сзади от объекта’ (так называемая локализация POST). Ср., например, такие употребления редитивной приставки *zurück-* в немецком языке:

(32) *liegen* ‘лежать, находиться’ ***zurück-liegen*** ‘быть сзади, оставаться позади’.

Одним и тем же глагольным префиксом *q-* выражается редитивное значение (а также более широкий круг рефактивных значений) и значение локализации POST в языках лезгинской группы – агульском, рутульском, табасаранском (см. [Maisak, Merdanova 2011]). При этом для агульского языка в [Ibid.] показано, что на синхронном уровне следует считать *q*-редитив и *q*-POST разными показателями.

2.2. Реститутив

Одним из спорных мест, связанных с реститутивом, является вопрос о том, имеет ли смысл проводить границу между реститутивными и близкими к ним редитивными употреблениями. Безусловно, на некотором уровне семантического обобщения абстрактное значение ‘возвращения’ можно считать инвариантным для редитивных и реститутивных употреблений. Более тонкий вопрос состоит в том, можно ли считать семантическое приращение ‘возвращение в исходное состояние’ (реститутив) vs. ‘возвращение в исходную точку в пространстве’ (редитив) только результатом взаимодействия инвариантного значения ‘возвращение’ с лексической семантикой глагола. На этот вопрос можно было бы ответить положительно, если бы реститутивные и редитивные употребления всегда были строго распределены по семантическим классам глагола: непространственные глаголы => реститутив, глаголы движения => редитив. Но некоторые данные свидетельствуют о том, что по крайней мере для некоторого подкласса глаголов движения может реализовываться значение реститутива, не тождественное редитивному. Так, для русских наречий *опять* и *снова* или для английского *again* естественно говорить о наличии, помимо репетитивных, также и реститутивных употреблений:

(33) У нее Катерина Ивановна жила, когда маме делали операцию, — разрезали, посмотрели и **снова зашили**... [О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995 1999)] ≠ ‘зашили повторно’

Не-репетитивные употребления возможны для этих наречий и при глаголах движения:

(34) И возьми даже своих ученых людей — агрономов, учителей: нет зазнавитее человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и **опять приехал** сюда [В. Шукшин. Алеша Бесконвойный (1972–1973)] ≠ 'приехал повторно'

Можно считать подобные употребления реститутивными ('вернуться в состояние *быть-в-деревне*') или редитивными ('вернуться в пространственную точку *деревня*'). Поскольку в данном контексте возвращение в пространственную точку «склесно» с возвращением в состояние, вопрос остается в значительной мере схоластическим. Так, предложения (35) с наречием *опять* и (36) с редитивным наречием *обратно* тождественны по крайней мере на денотативном уровне:

(35) Этот человек выучился в городе, а потом **опять приехал** в родную деревню.
(36) Этот человек выучился в городе, а потом **приехал обратно** в родную деревню.

Поддерживая идею о том, что нарсчия *опять* и *снова* при глаголах движения продолжают выражать реститутивное, но не редитивное значение, можно предположить, что (35) и (36) различаются с точки зрения информационной структуры. В (35) акцентируется возвращение субъекта в прежнее состояние (сопряженное с пространственным возвращением), в (36) акцентируется возвращение в прежнюю точку в пространстве (автоматически являющееся возвращением в прежнее состояние). Тем не менее, такие тонкие различия достаточно сложно эксплицировать, особенно имея дело с более ограниченным языковым материалом, чем тот, что доступен для русского языка.

При этом существует подкласс глаголов движения, для которого логически можно себе представить реститутивное значение, не «склеенное» с редитивным, а именно класс «элативных» глаголов, для которых участник-источник является обязательным, а участник-цель может быть неважен или неизвестен. Для русского языка это глаголы движения с приставками *у-*, *вы-*, *от-*, *с-* (см. подробнее о классах глаголов движения с фиксированной целью vs. фиксированным источником в русском языке [Падучева 2004: 379–384]). Для таких глаголов редитивное значение можно отличить от реститутивного на денотативном уровне: присоединение редитивного показателя будет давать интерпретацию, при которой движущийся объект возвращается в исходную точку; присоединение реститутивного показателя будет давать значение 'возвращение в прежнее состояние отсутствия', для которого допустима интерпретация 'возвращение в точку, нетождественную исходной'. Ср. пример с элативным глаголом *уезжать* в сочетании с наречием *снова*:

(37) Я приехала из Вятки, где у меня был концерт, в Москву на озвучивание программы «Шире круг». Всего час я была в Москве и **снова уезжала**, а Женя провожал меня у поезда… [И. Броневицкая. «Мир и Дом. Residence» (2004)].

Из контекста понятно, что героиня уезжает из Москвы не в Вятку, таким образом, данное употребление *снова* можно трактовать как реститутивное ('возвращение в состояние отсутствия в Москве'), но не как редитивное (*'возвращение в Вятку'). Наличие при элативных глаголах у наречий *опять* и *снова* реститутивной интерпретации, нетождественной редитивной, отчетливо видно при сопоставлении их с редитивным наречием *обратно*:

(38) Я приехала из Вятки в Москву и, пробыв там всего час, **снова** уехала.
ок a) 'в Вятку'
ок b) 'не в Вятку'
(39) Я приехала из Вятки в Москву и, пробыв там всего час, уехала **обратно**.
ок a) 'в Вятку'
* b) 'не в Вятку'

Таким образом, остается признать, что перед нами показатель с реститутивным значением (которое реализуется в том числе для класса глаголов движения), но не с редитивным значением. Теоретически остается еще логическая возможность считать, что с точки зрения сочетаемости с рефактивными показателями элативные глаголы движения примыкают к непространственным глаголам и при них действительно реализуется реститутивное значение, тогда как при глаголах движения с фиксированной целью реализуется все же редитивное значение. Такое решение, как неоправданно сложное, проигрывает по сравнению с первым с чисто логической точки зрения и для русского языка кажется антиинтуитивным, но не противоречит фактам. С типологической точки зрения аргументом за подобное решение могло бы стать наличие рефактивных показателей, граница сферы действия которых проходит внутри класса глаголов движения, отделяя элативные глаголы движения от прочих. Нам подобные показатели неизвестны.

Таким образом, как кажется, тест на сочетаемость рефактивного показателя с элативными глаголами (глаголами движения без обязательного участника-цели) может быть полезен при решении вопроса о том, какое именно значение – редитивное или реститутивное – представлено у того или иного конкретного рефактивного показателя.

Несколько усложняет ситуацию тот факт, что вопрос о принадлежности того или иного глагола движения в произвольном языке к классу элативных сам по себе требует отдельного исследования.

При этом для того, чтобы рассматривать реститутив и редитив как отдельные значения (или «функции» в терминологии [Haspelmath 2003: 212]) в смысле, принятом в типологии (то есть с точки зрения общего межъязыкового инвентаря рефактивных значений), достаточно более эксплицитных фактов. А именно фактов наличия в языках мира чисто редитивных показателей, чисто реститутивных показателей или показателей, включающих только одно из этих двух значений. Примером подобных показателей может служить обсуждавшееся выше наречие *обратно* в русском языке (по крайней мере, в литературном варианте). Если же говорить о морфологических показателях, находящихся в фокусе данного исследования, можно привести в пример немецкую приставку *zurück-*. Среди морфологических показателей, не выражающих редитивного значения, но выражающих реститутивное значение, можно назвать, например, префикс *yawoih-* в майали (гунвингские). Судя по описанию в [Evans 1995] *yawoih-* имеет репетитивное и реститутивное значение при непространственных глаголах, но не сочетается с глаголами движения и не имеет (по крайней мере, на синхронном уровне) значения возвращения в исходную точку в пространстве.

3. РЕФАКТИВ И СМЕЖНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

В разделе 3 кратко описываются возможные случаи полисемии значений достаточно компактной зоны рефактива с более далекими значениями других семантических зон. В частности, перечисляются отмеченные в языках мира случаи совмещения рефактива с пространственными значениями – пролативом и значением сопутствующего движения, со значениями глагольной множественности, с континуативным значением, со значениями актантной деривации – рефлексивным и реципрокальным, а также с модально-дискурсивными значениями. Для каждого из типов полисемии предлагается возможный путь развития.

3.1. Пространственные значения

С пространственной семантической зоной рефактивная зона смыкается прежде всего через значение редитива (см. о редитиве и близких к нему пространственных значениях выше, п. 2.1). В некоторых языках наблюдается также полисемия рефактива со значением пролатива (‘движение через что-л., сквозь что-л., вдоль чего-л.’) или развитие рефактивных показателей из глаголов со значениями ‘пересекать, переходить, проходить’. В частности, этот тип полисемии демонстрирует русская приставка *пере-*.

Значение пролатива связано с рефактивной зоной через группу значений повторения. Зафиксированы случаи совмещения пролативного значения со специализированным реконструктивным значением (как в русском) и с более общим репетитивным (например, в чадских языках марги и бура [Hoffmann 1955; 1963: 134]). Пролативное значение является диахронически исходным, как показывают данные языков, в которых показатель рефактива развивается из глагола 'переходить, пересекать' (например, кантонский китайский [Matthews, Yip 1994: 207]). В основании полисемии лежит, видимо, метафора, при которой исходная ситуация осмысляется как «траектория», по которой движется во времени повторная ситуация. Повторная ситуация накладывается на исходную, перекрывает, пересекает ее, а в случае реконструктивного значения при этом выходит за пределы исходной ситуации, пересекает границу, определенную предшествующим результатом.

Одним из «экзотических» типов полисемии рефактивных показателей является совмещение рефактива со значениями «сопутствующего движения»[8] ('ситуация P сопровождается перемещением субъекта') – 'сделать по пути обратно', 'сделать вернувшись'. Ср. пример из араванского языка жаравара на употребление рефактивного суффикса *-ma* в значении 'сделать, вернувшись':

(40) жаравара (араванские, Бразилия), [Vogel 2006: 160]

yama	soki	ya	ota	tafa-**ma**
время	быть.темно	when	1PL:EXCL	есть-**REP**

'Ночью мы поели дома (= поели, вернувшись)'.

Значение сопутствующего движения связано с редитивной частью рефактивной семантической зоны. Подтверждением этому могут служить данные языка аранда (наманьюнга): суффикс *-irtne* в аранда имеет редитивное, респонсивное и реститутивное значения, а также значение 'сделать по пути обратно', но не имеет значений группы повторения. Развитие у рефактивного показателя значения сопутствующего движения ('ситуация сопровождается обратным движением') можно рассматривать как маргинальный путь эволюции показателя редитива при расширении сферы его употребления на непространственную лексику, параллельный магистральному диахроническому пути редитив > репетитив (см. п. 1.5).

3.2. Глагольная множественность и смежные значения

3.2.1. Значения многократного повторения

Известны случаи использования одного и того же показателя в значении однократного повторения (рефактив) и многократного повторения разных типов (мультипликатив, итератив, хабитуалис). Ср. примеры из аравакского языка варекена. Суффикс *-tʃi* в первом примере употреблен в контексте однократного повторения ситуации (репетитивное значение), во втором – в контексте регулярного повторения (хабитуальное значение):

(41) варекена (аравакские, Венесуэла, Бразилия), [Aikhenvald 1998: 347, 233]

a) wa-tsima-hã a.le-ma-ba-lu-ta ate aliwa-**tʃi**-mia
1PL-sleep-PAUS so-DEL-very-EMPH until dawn-**REP**-PFV
wa wa-ʃa-mia-**tʃi**-wa
then 1PL-go-PRF-**REP**-INCOMPL
'Мы спали, пока снова не взошло солнце, тогда мы опять пошли'.

b) wa peya laguna ni-kulua-**tʃi** weni paya:lu-ni kueʃi-nawi
then one lake 3PL-drink-**REP** water all-3PL game-PL
wali ni-kulua-hã weni
where 3PL-drink-PAUS water
'Было одно озеро, где все они, звери, часто пили воду, где они пили воду'.

---

[8] «associated motion»

Кроме «чистых» случаев полисемии рефактива со значениями многократного повторения, встречается также промежуточная ситуация, когда рефактивный маркер употребляется в контексте многократного повторения (в качестве обязательного или факультативного средства) наряду со специализированным показателем многократности. Например, в некоторых атапаскских языках рефактивный префикс может употребляться в хабитуальных или мультипликативных контекстах. При этом в таких контекстах рефактивный показатель присоединяется к особой основе хабитуалиса или мультипликатива [Rice 2000].

Этот случай представляется более простым для интерпретации. Принципиальным для объяснения кажется тот факт, что значение рефактива (репетитива) логически включено в значение многократного повторения: ‘ситуация многократно повторяется’ > ‘ситуация однократно повторяется’. Таким образом, употребление рефактивного маркера в контексте многократного повторения оказывается, с одной стороны, оправданным (однократное повторение имеет место), с другой стороны – избыточным. Оно не ведет к семантическому противоречию, но и не добавляет никакой новой информации. Для языка в такой ситуации есть две противоположные возможности: 1) запрет на употребление рефактивных показателей в контексте многократного повторения (по причине семантической избыточности); 2) конвенционализация употребления рефактивных показателей в контексте многократного повторения (по причине семантической близости). Подобные употребления можно рассматривать в одном ряду с десемфатизированными употреблениями репетитива в контекстах типа ‘как всегда’.

«Чистые» случаи полисемии рефактива со значениями многократности можно интерпретировать как результат дальнейшего диахронического развития конвенционализованных употреблений рефактива в контексте многократности в качестве вспомогательного средства.

3.2.2. Дистрибутив

В ареально и генетически далеких языках асойу тлапанек (отомангские, [Wichmann 1992]) и куланго (гур, [Elders 2008: 197–199]) зафиксировано совмещение рефактивного значения с дистрибутивным (‘множественность участников ситуации’):

(42) асойу тлапанек (отомангские, Мексика), [Wichmann 1992:128]
  a) -ʔkwayunʔ ‘ужинать’ – -ʔkwayun-**li** ‘ужинать повторно’
  b) -ndrehme ‘рассыпать, разбрызгивать (например, землю, жидкость)’ -ndrihma-**li** ‘рассыпать, разбрызгивать во многих местах’

И для куланго, и для асойу тлапанек естественно предполагать развитие дистрибутивного значения из рефактивного, а не наоборот. В асойу тлапанек в пользу этого говорит наличие у показателя «полного набора» рефактивных значений, в том числе реститутивного и редитивного, которые исходя из общих типологических данных по рефактиву являются диахронически исходными, а также наличие родственных показателей с рефактивным значением в близкородственных языках. Для куланго известен диахронический источник рефактивно-дистрибутивного суффикса *-ра* – рефактивное наречие *ра* ‘опять’ [Elders 2008: 198, 287–288].

3.2.3. Интенсив

В некоторых языках отмечается совмещение рефактивного значения с интенсивным. Например, в языке куку-яланди (пама-ньюнга) [Patz 2002:116–117] клитика *-baja* имеет рефактивное значение при динамических глаголах и интенсивное значение при стативных:

(43) куку-яланди (пама-ньюнга, Австралия), [Patz 2002: 116]
a) bajabaja-ngka jinkalmu bayka-ny-**baja**
blue.tongue.lizard-ERG taipan.ABS bite-PST-**REP**
'Синязыкий сцинк опять укусил тайпана'.
b) nyulu bambay-ma-l-**baja**
3SG.SBJ sick-INCH-NPST-**REP**
'Он становится очень болен'.

Значение интенсива кажется скорее связанным с репетитивной частью рефактивной зоны, чем с редитивной (по крайней мере, достоверных данных о полисемии редитивных или реститутивных показателей с интенсивом у нас нет). Можно предположить связь репетитива с интенсивом через следующие общие для этих значений семантические компоненты:

а) описываемая ситуация соотносится с некоторой исходной ситуацией на определенной шкале;

б) описываемая ситуация выше исходной по соответствующей шкале.

Для репетитивного значения шкала будет временной, а исходная ситуация – предшествующей по времени. Описываемая ситуация соотносится с предшествующей аналогичной ситуацией, она происходит позже нее (находится выше на временной шкале). Для значения интенсива соответствующей шкалой будет шкала интенсивности, а исходной ситуацией, с которой происходит сравнение, – ситуация с нейтральной интенсивностью.

3.2.4. Реверсив

В некоторых языках нигер-конго (в частности, в атлантических и банту) зафиксирована полисемия рефактива с реверсивом ('ситуация обратная ситуации, описываемой исходным глаголом'). Самый яркий, хотя и небесспорный, пример подобной полисемии демонстрирует суффикс *-t* в фула. Пример (44) иллюстрирует образование с помощью одного и того же суффикса деривата со значением повторного действия от глагола 'тянуть' ('тянуть еще раз') и деривата со значением противоположного действия от глагола 'закрыть' ('открыть'):

(44) фула (атлантические, Западная Африка), [Коваль, Нялибули 1997: 147]
a) o food-**it**-i boggol ngol
он **тянуть-REP**-PFV веревка DET
'Он снова потянул веревку'.
b) o sot-**t**-i baafal ngal
он **закрыть-REP**-PFV дверь DET
'Он отомкнул дверь'.

Еще менее убедительные, чем для фула, свидетельства полисемии реверсива с рефактивной зоной имеются в языках банту. В большинстве языков банту есть деривационный суффикс **-ud*[9]. Во многих встречается также редуплицированная форма **-udud*. Подробнее о них см. [Dammann 1959; Schadeberg 1982]. У суффикса **-ud* обычно выделяется две группы употреблений: первая наиболее многочисленная и семантически однородная – группа реверсивных употреблений, вторая – немногочисленная группа семантически разнородных, часто идиоматизированных употреблений, часто объединяемых в описаниях под общим названием репетитивных (ср., например, противопоставление inversiva vs. repetitiva в [Dammann 1959]). В эту группу во многих языках входят рефактивные употребления.

---

[9] Реконструируемая форма прото-банту (см. [Schadeberg 2003]). В разных языках согласный может принимать форму *r*, *l*, *n*, гласный – форму *o*, *u*, *i* и др.

Ни материал фула, ни материал банту, ни их сопоставление не дает ясной картины взаимосвязи рефактивного значения с реверсивным. В обоих случаях есть большие или меньшие основания считать синхронную картину рудиментами полисемии, существовавшей на более раннем этапе диахронического развития, и не искать непосредственной связи между существующими значениями. Так *-*ud*-реверсив и *-*ud*-рефактив рассматриваются на синхронном уровне как два омонимичных суффикса, например, в грамматиках лунда [Kaumba Kawasha 2003] и руанда [Coupez 1985] (ср. также теоретическое обоснование этой позиции в [Плунгян 1992: 132–139]). *T*-реверсив и -*t*-рефактив в фула рассматриваются как омонимы в [Arnott 1970] и [De Wolf 1987]. Для некоторой стадии диахронического развития показателей рефактива и реверсива можно предположить связь через пространственное значение редитива. Для фула аналогичный диахронический путь предлагается в [Breedveld 1995]. Пространственная метафора реверсивного действия как *обратного* вполне естественна (ср., например, наречие *на-оборот* в русском, развивающее на основе той же метафоры значение, близкое к значению реверсивных показателей).

3.3. Фазовые значения: континуатив

Рефактивная зона смыкается с группой фазовых аспектуальных значений (значений, указывающих на временную фазу ситуации – начало, середину, конец) через значение континуатива, с которым достаточно часто совмещается рефактивное значение. См. пример из языка чокто:

(45) чокто (мускогские, Оклахома), [Broadwell 2006: 317]

a)	hattak-ma̲	piláashaash	afaama-li-tokat
	man-this.ACC	yesterday	meet-1SG-PST.SS
	himmah	nittak	afaama-li-**mo̲ma**-tok
	now	day	meet-1SG-**REP**-PST

'Того человека, которого я встретил вчера, я опять встретил сегодня'.

b)	o̲t	chokkowa-li-hma̲	taloowa-sh	hhikíya-**mo̲ma**-tok
	come.and	enter-1SG-when.DS-TNS	sing-PTCP.SS	stand.INCOMPL-**REP**-PST

'Когда я вошел, он все еще пел'.

Для языков с рефактивно-континуативной полисемией характерна ситуация, когда соответствующий показатель выражает значение континуатива в сочетании с имперфективными глагольными формами и рефактивное значение в сочетании с перфективными глагольными формами. (О выборе рефактивной vs. континуативной интерпретации показателя рефактива-континуатива в зависимости от аспектуальных характеристик глагола на материале итальянского и французского наречий см. [Tovena, Donazzan 2008].)

3.4. Значения актантной деривации: рефлексив, реципрок

Показатели рефактива в некоторых языках используются в рефлексивном контексте. Такая стратегия рефлексивизации особенно характерна для языков Океании (см. [Lichtenberk 1991; Moyse-Faurie 2008]). С помощью показателя рефактива могут быть образованы как глагольные, так и именные рефлексивы. Ср. пример из адыгейского языка, в котором рефактивный показатель (наряду со специализированным, также глагольным показателем рефлексива) оформляет глагол в рефлексивном контексте, и пример из австралийского языка банджаланг, в котором показатель, выступающий в рефактивном значении как глагольный маркер, оформляет в рефлексивном контексте личное местоимение:

(46) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Рогава, Керашева 1966: 312]
ze-pλə-**ž'ə**-ʁ
REFL-смотреть-**REP**-PST
'Он посмотрел на себя'.

(47) банджаланг (пама-ньюнга, Австралия), [Geytenbeek, Geytenbeek 1971: 15]
njule-**bu** gawga-ni djuŋuř-u
он-**REP** резать-PST нож-INS
'Он порезался ножом'.

Рефактивные показатели в рефлексивном контексте и формально, и функционально близки к интенсификаторам, употребление которых в рефлексивной функции (ср. английское *himself*) более частотно и широко известно (см., например, [Лютикова 2002]). Как и интенсификаторы, рефактивные показатели в рефлексивном контексте часто а) выступают не в качестве единственного рефлексивного средства, а в качестве дополнительного средства наряду со специализированным показателем рефлексива (как в примере (46) из адыгейского языка); б) факультативны в рефлексивном контексте; в) служат средством образования «тяжелых рефлексивов» (в терминологии [Kemmer 1993]).

Что касается семантической связи рефактивной зоны с рефлексивным значением, то интуитивно наиболее естественным кажется предположение о связи через значение редитива. Рефлексивное действие можно метафорически представить как направленное субъектом **обратно** к самому себе[10]. В пользу подобного сценария говорят данные языков, в которых рефлексивное значение выражает специализированный показатель редитива или глагол 'возвращаться' (например, океанийских языков паичи, хуаилу, халиа [Moyse-Faurie 2008]).

При этом не противоречит интуиции и гипотеза о непосредственной семантической связи между рефлексивным и репетитивным значением. Здесь следует вспомнить о противопоставлении глагольных vs. именных рефлексивов. Если для глагольного рефлексива связь между идеей повторного действия и рефлексивного действия не вполне очевидна, то в ситуации именного рефлексива, когда рефактивный показатель присоединяется к личному местоимению, указывающему на совпадающего с субъектом участника ситуации, она вполне прозрачна. Оформление участника ситуации рефактивным показателем указывает на то, что он появляется в ней - в новой роли – *еще раз*, *повторно*. В пользу этого сценария говорят данные языков, в которых рефлексив оформляется чисто репетитивным маркером (ср., например, показатель *anoo* в маори [Bauer 1999]).

Наряду с полисемией рефактива и рефлексива отмечаются единичные случаи использования рефактивных показателей в функции реципрока (48) и автобенефактива ('делать в свою пользу') (49):

(48) восточный амбаэ, диалект лоловоли (австронезийские, Вануату), [Hyslop 2001]
ra=u wehe=ra **taligu**
3PL.A бить=3PL.P **опять**
1) 'Они бьют друг друга'.
2) 'Они$_i$ опять бьют их$_j$'.

(49) карок (хока, Калифорния), [Bright 1957: 88]
a) ʔáko 'ударить' – **p**-áko 'ударить еще раз'
b) iykara 'убивать' – **p**-iykara 'убивать для себя, например, забивать (скот)'

3.5. Модально-дискурсивные значения

Рефактивные показатели часто используются для выражения значений, которые можно объединить под общим именем модально-дискурсивных. В частности, для некоторых языков отмечается употребление рефактива для обозначения неожиданности или противоречия ожиданиям (так называемые адмиративные значения):

---

[10] Та же метафора используется в традиционных терминах «возвратный глагол», «возвратное местоимение».

(50) тепсва-веветла (тотонакские, Мексика), [Kung 2007: 297]

maa	toqlh	ʔan-**paa**	juu	laka-jip
RPT	burning	go-**REP**.PFV	ART	PREF-fire

'Она (неожиданно) прыгнула в огонь'.

Этот тип полисемии можно связать с постепенным вынесением на первый план идеи неожиданности, сопутствующей рефактивному (репетитивному) значению изначально[11], через эмфатические употребления рефактива: опять (вопреки ожиданиям) > опять, вопреки ожиданиям > вопреки ожиданиям.

В аравакских языках янеша (суффикс *-err*) [Duff-Tripp 1997: 87–88] и какинте (суффикс *-ah*) [Swift 1988: 51] отмечаются употребления показателей рефактива для указания на кульминацию в нарративе. Как и употребления в значении 'противоречия ожиданиям', употребления для указания на кульминацию, видимо, связаны (хотя и менее явным образом) с прагматической выделенностью, нетривиальностью ситуации повторения.

Рефактивные показатели (в особенности лексические) часто используются для указания на то, что описываемая ситуация в определенном смысле уподобляется некоторой ранее упомянутой (служит ее логическим и/или хронологическим продолжением, подтверждением, уточнением, частным случаем и т. п.). Более характерны такие употребления для неморфологических показателей (ср. дискурсивные употребления английского *again* или русское *опять же*). Известны случаи грамматикализации рефактивного маркера в сочинительный союз (ср. [Mithun 1988: 353; Wälchli 2006: 89]).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе на типологическом материале морфологических показателей рефактива предложена гипотеза об организации семантической зоны рефактива как распадающейся на два подпространства – подпространство *повторения*, организованное вокруг репетитивного значения ('сделать еще раз'), и подпространство *возвращения*, организованное вокруг значения редитива ('двигаться обратно'). Введено противопоставление центральных (редитив, реститутив, репститив) vs. периферийных значений на основании частотности их морфологического выражения в языках мира. Выявлены основные семантические типы рефактивных аффиксов – **широкие** рефактивы (редитив + реститутив + репститив), рефактивы **возвращения** (редитив + реститутив + респонсив), рефактивы **повторения** (репститив + непосредственно с ним связанные периферийные значения), а также **непространственные** рефактивы (реститутив + репститив). Наши данные показывают, что морфологический рефактив, как правило, совмещает несколько значений в одном показателе, при этом самым распространенным типом рефактива является широкий рефактив, объединяющий все три центральных значения рефактивной зоны. Среди семантически более далеких значений, которые способны выражаться тем же показателем, что и рефактивное, выявлены такие значения, как пролатив, значение сопутствующего движения, разные типы значений глагольной множественности, реверсив, интенсив, континуатив, адмиратив и некоторые другие модально-дискурсивные значения. Зафиксированы также различные стратегии использования рефактивного показателя для выражения значений актантной деривации - в рефлексивных и реципрокальных конструкциях.

---

[11] Значение однократного повторения ситуации само по себе предполагает прагматический компонент неожиданности. Ситуации в действительности повторяются гораздо чаще, чем говорящие сообщают об этом. Очень немногие ситуации реального мира абсолютно уникальны. Несколько огрубляя, можно считать, что репетитив в большей степени имеет отношение к представлению ситуации, чем к отражению ее денотативных особенностей, то есть речь идет не о противопоставлении повторных и неповторных ситуаций, а о противопоставлении ситуаций, для которых говорящему важно, что они повторные, и тех, для которых это неважно. Рассуждения на эту тему см. в [Wälchli 2006: 69–70, 103–104; Fabricius-Hansen 2001].

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо
A – агенс
ABS – абсолютив
ACC – аккузатив
ALL – аллатив
ART – артикль
ASP – аспект
CAUS – каузатив
CLF – класс
COMPL – комплетив
COND – кондиционалис
COP – копула
DAT – датив
DEL – делимитатив
DET – детерминант
DS – нетождественный субъект
DUR – дуратив
EMPH – эмфатический показатель
ERG – эргатив
EXCL – эксклюзив
FOC – фокус
FUT – будущее время
GEN – генитив
HAB – хабитуалис
IMP – императив
INCH – инхоатив
INCOMPL – инкомплетив
IND – индикатив
INF – инфинитив
INS – инструменталис
IPFV – имперфектив
IPRF – имперфект
IRR – ирреалис
NEG – отрицание
NFUT – небудущее время
NPST – непрошедшее время
OBJ – объект
P – пациенс
PAUS – пауза
PFV – перфектив
PL – множественное число
POSS – посессив
PREF – пространственный префикс
PRF – перфект
PROG – прогрессив
PROH – прохибитив
PST – прошедшее время
PTCL – частица
PTCP – причастие
Q – вопрос
REFL – рефлексив
RPT – репортатив
SBJ – субъект
SG – единственное число
SS – тождественный субъект
TNS – время
VOL – волитив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенова, Топорова 2002 – *И.С. Аксенова, И.Н. Топорова*. Грамматика языка аква. М., 2002.

Аркадьев, Короткова 2010 – *П.М. Аркадьев, Н.А. Короткова*. The suffix -ž'ə-: A refactive story. Доклад, представленный на семинаре адыгейской экспедиции. Хатажукай, 29.07.2010.

Коваль, Нялибули 1997 – *А.И. Коваль, Б.А. Нялибули*. Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.

Лютикова 2002 – *Е.А. Лютикова*. Когнитивная типология: Рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)

Оненко 1980 – *С.Н. Оненко*. Нанайско-русский словарь. М., 1980.

Оскольская 2010 – *С.А. Оскольская*. Рефактивный показатель в нанайском языке // Докл. на XIII Межвузовской науч. конф. студентов-филологов. СПбГУ, 09.04.2010.

Падучева 2001 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 2001.

Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Плунгян 1992 – *В.А. Плунгян*. Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М., 1992.

Рогава, Керашева 1966 – *Г.В. Рогава, З.И. Керашева*. Грамматика адыгейского литературного языка. Краснодар; Майкоп, 1966.

Шлуинский 2005 – *А.Б. Шлуинский*. Типология предикатной множественности: Количественные акспектуальные значения. Дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Aikhenvald 1998 – *A. Aikhenvald*. Warekena // D.C. Derbyshire, G.K. Pullum (eds.). Handbook of Amazonian languages. V. 4. Berlin, 1998.

Arnott 1970 – *D.W. Arnott*. The nominal and verbal system of Fula. Oxford, 1970.

Bauer 1999 – *W. Bauer*. Maori. London, 1999.

Breedveld 1995 – *J. O. Breedveld*. Form and meaning in Fulfulde: A morphophonological study of Maasinankoore. Leiden, 1995.
Bright 1957 – *W. Bright*. The Karok language. Berkeley, 1957.
Broadwell 2006 – *G.A. Broadwell*. A Choctaw reference grammar. Lincoln, 2006.
Camargo 2010 – *E. Camargo*. Dictionnaire bilingue Wayana-Français. Villejuif, 2010.
Coupez 1985 – *A. Coupez*. La derivation verbale en Rwanda // Y. Cadiou (ed.). Le Kinyarwanda: Études de morpho-syntaxe. Louvain, 1985.
Crook 1999 – *H.D. Crook*. The phonology and morphology of Nez-Perce Stress. PhD thesis. Los Angeles, 1999.
Cysouw et al. 2010 – *M. Cysouw, M. Haspelmath, A. Malchukov*. Semantic maps: Methods and applications // Linguistic discovery. V. 8 (1) (Special issue). 2010.
Dammann 1959 *E. Dammann*. Inversiva und Repetitiva in Bantusprachen // Afrika und Übersee. 1959. 43.
Davis 2003 – *K. Davis*. A grammar of Hoava language, Western Solomons. Canberra, 2003.
De Wolf 1987 *P. De Wolf*. Further verbal extensions in Noŋaare Fulani: Reciprocal, iterative, iterative-reciprocal and verbalizing extensions // Afrika und Übersee. 1987. 70.
Duden 1999 – Duden. Das grosse Wörterbuch der deutscher Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1999.
Duff-Tripp 1997 *M. Duff-Tripp*. Gramática del idioma yanesha' (amuesha). Lima, 1997.
Elders 2008 *S. Elders*. Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire). Köln, 2008.
Evans 1995 – *N. Evans*. A-quantifiers and scope in Mayali // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht, 1995.
Fabricius-Hansen 2001 – *C. Fabricius-Hansen*. "Wi(e)der" and "Again(st)" // C. Féry, W. Sternefeld (eds.). Audiatur vox sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow. Berlin, 2001.
Feldpausch, Feldpausch 1992 – *T. Feldpausch, B. Feldpausch*. Namia grammar essentials. Ukarumpa, 1992.
Geytenbeek, Geytenbeek 1971 – *B. Geytenbeek, H. Geytenbeek*. Gidabal grammar and dictionary. Canberra, 1971.
Guillaume 2008 – *A. Guillaume*. A grammar of Cavineña. Berlin, 2008.
Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). The new psychology of language. V. 2. New Jersey, 2003.
Hoffmann 1955 – *C.F. Hoffmann*. Untersuchungen zur Struktur und sprachlichen Stellung des Bura. Hamburg, 1955.
Hoffmann 1963 – *C.F. Hoffmann*. A grammar of the Margi language. London, 1963.
Huitink 2003 – *J. Huitink*. We cannot have pizza again // M. Stede, H. Zeevat (eds.). Proceedings of the ESSLLI 2003 workshop The meaning and implementation of discourse particles. Vienna, 2003.
Hyslop 2001 – *C. Hyslop*. The Lolovoli dialect of the North-East Ambae language, Vanuatu. Canberra, 2001.
Kamp, Rossdeutscher 1994 – *H. Kamp, A. Rossdeutscher*. DRS-construction and lexically driven interference // Theoretical linguistics. 1994. 20 (2/3).
Kaumba Kawasha 2003 – *B. Kaumba Kawasha*. Lunda grammar: A morphosyntactic and semantic analysis. Ann Arbor, 2003.
Kemmer 1993 *S. Kemmer*. The middle voice. Amsterdam, 1993.
Kung 2007 – *S. Kung*. A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua. Ann Arbor, 2007.
LaPolla, Huang 2003 – *R.J. LaPolla, Ch. Huang*. A grammar of Qiang, with annotated texts and glossary. Berlin, 2003.
Lihtenberk 1991 – *F. Lichtenberk*. Semantic change and heterosemy in grammaticalization // Language. 1991. 67 (3).
Maisak, Merdanova 2011 – *T. Maisak, S. Merdanova*. Repetitive prefix in Agul and its areal / genetic background // Talk delivered at conference on Caucasian languages, Mai 13–15. Leipzig, 2011.
Matthews, Yip 1994 – *S. Matthews, V. Yip*. Cantonese: a comprehensive grammar. London, 1994.
Mithun 1988 – *M. Mithun*. The grammaticization of coordination // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam, 1988.
Morgan 1996 – *D.R. Morgan*. Overview of grammatical structures of Ndut: A Cangin language of Senegal. Arlington, 1996.
Moyse-Faurie 2008 – *C. Moyse-Faurie*. Constructions expressing middle, reflexive and reciprocal situations in some Oceanic languages // V. Gast, E. König. Reciprocals and reflexives: Cross-linguistic explorations. Berlin, 2008.

Nikolaeva et al. 2003 – *I. Nikolaeva, E. Perekhvalskaya, M. Tolskaya*. Udeghe texts. Osaka, 2003.
Patz 2002 – *E. Patz*. A grammar of the Kuku Yalanji language of north Queensland. Canberra, 2002.
Rice 2000 – *K. Rice*. Morpheme order and semantic scope: Word formation in the Athapaskan verb. Cambridge, 2000.
Robert 1992 – Le grand Robert de la langue française. Deuxième édition. Paris, 1992.
Schadeberg 1982 – *Th.C. Schadeberg*. Les suffixes verbaux separatifs en Bantou // Sprache und Geschichte in Afrika. 1982. 4.
Schadeberg 2003 — *Th.C. Schadeberg*. Derivation // D. Nurse, G. Philippson (eds.). The Bantu languages. London, 2003.
Smeets 2008 – *I. Smeets*. A grammar of Mapuche. Berlin, 2008.
von Stechow 1996 – *A. von Stechow*. The different readings of wieder "Again": A structural account // Journal of semantics. 1996. 13.
Swift 1988 – *K.E. Swift*. Morfología del Caquinte (Arawak Preandino). Yarinacocha, 1988.
Tovena, Donazzan 2008 – *L.M. Tovena, M. Donazzan*. On ways of repeating // Recherches linguistiques de Venciennes. 2008. 37.
Vogel 2006 – *A. Vogel*. Jarawara-English dictionary. Cuiabá, 2006.
Voort 2004 – *H. van der Voort*. A grammar of Kwaza. Berlin; New York, 2004.
Wälchli 2006 – *B. Wälchli*. Typology of light and heavy 'again', or the eternal return of the same // Studies in language. 2006. 30 (1).
Wichmann 1992 – *S. Wichmann*. A semantic framework for Azoyú Tlapanec iterative // Acta linguistica hafniensia. 1992. V. 25.
Wilkins 1989 – *D.P. Wilkins*. Mparntwe Arrernte (Aranda): Studies in the structure and semantics of grammar. Canberra, 1989.

Приложение

Список морфологических показателей рефактива, вошедших в основную выборку

язык	генетическая принадлежность	географическая принадлежность	показатель рефактива
моно	адамава-убанги < нигер-конго	Африка	kpá-
ндут	атлантические < нигер-конго	Африка	-il
бадьяранке	атлантические < нигер-конго	Африка	-a:s
фула, фута джалон	атлантические < нигер-конго	Африка	-t
какабе	манде < нигер-конго	Африка	ta-
боле	чадские < афро-азиатские	Африка	-di
аранда	пама-ньюнга	Австралия, Океания, Н. Гвинея	-irtne
банджаланг	пама-ньюнга	Австралия, Океания, Н. Гвинея	-bu
майали	гунвинггу	Австралия, Океания, Н. Гвинея	yawoih-

намиа	сепик-раму	Австралия, Океания, Н. Гвинея	para-
автув	сепик-раму	Австралия, Океания, Н. Гвинея	owra-
тобело	западнопапуасские	Австралия, Океания, Н. Гвинея	-oli
цян	сино-тибетские < тибето-бирманские	Азия	-je
нанайский	тунгусо-маньчжурские	Азия	-gu
немецкий	германские < индоевропейские	Европа	wieder-, zurück-
французский	романские < индоевропейские	Европа	re-
адыгейский	абхазо-адыгские < севернокавказские	Европа	-ž'ɔ
агульский	нахско-дагестанские < севернокавказские	Европа	q-
ассинибойн	сиу	Северная Америка	ki-
нс-персе	пенути	Северная Америка	-tooq
колумбия-венатчи	салишские	Северная Америка	l-
тепева-веветла	тотонакские	Центральная Америка	-choqo
асойу тлапанск	отомангские	Центральная Америка	-li
олюта пополюка	михе-зокс	Центральная Америка	-pow
квaза	изоляты	Южная Америка	-t
хуп	изоляты	Южная Америка	-b'ay
мапуче	арауканскис	Южная Америка	-tu
жаравара	араванские	Южная Америка	-ma
вайана	карибские	Южная Америка	-(j)(t)më
парагвайский гуарани	тупи-гуарани	Южная Америка	-jc(v)y
кавиненья	таканские	Южная Америка	-nuka
какинте	аравакские	Южная Америка	-ah

Сведения об авторе:

Наталья Марковна Стойнова
МГУ им. Ломоносова,
ИРЯ им. Виноградова РАН
ashl@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

© 2012 г. Д.С. ГАНЕНКОВ

ИНФИНИТИВ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ТИПОЛОГИЯ КОНТРОЛЯ*

В статье рассматриваются особенности употребления инфинитивной конструкции при глаголе ‘хотеть’ и некоторых других матричных предикатах в худуцком говоре даргинского языка (нахско-дагестанская семья), представляющей значительный типологический и теоретический интерес. Необычность описываемой конструкции состоит в том, что, с одной стороны, она проявляет свойства обязательного синтаксического контроля референции субъекта зависимой клаузы, а с другой стороны – допускает неполное совпадение субъектов главной и зависимой клаузы, причем и субъект матричного предиката, и субъект зависимого предиката могут быть выражены одновременно. Такое сочетание синтаксических характеристик оказывается типологически весьма редким и теоретически неожиданным. В статье обсуждаются различные подходы к анализу обязательного контроля и делается вывод, что ни одно из представленных в настоящее время теоретических направлений не способно удовлетворительным образом объяснить синтаксис инфинитивных дополнений в худуцком диалекте.

Грамматическое поведение конструкций с обязательным контролем подлежащего инфинитивной (или какой-либо другой нефинитной) клаузы – одна из наиболее бурно обсуждаемых проблем современной синтаксической теории. Важность подобного рода конструкций обусловлена тем, что в них оказывается задействованным целый ряд грамматических явлений, взаимодействие которых должно быть адекватно описано и объяснено в рамках любой синтаксической теории. Всплеск интереса к конструкциям с обязательным контролем субъекта инфинитивной клаузы связан с тем, что в последнее десятилетие в этой области были обнаружены новые факты, которые не могли быть объяснены в рамках существовавших ранее подходов и, следовательно, потребовали либо модификации имеющихся теорий, либо развития новых идей о грамматических (синтаксических или семантических) механизмах, обеспечивающих обязательный контроль референции субъекта зависимого предиката. Так, например, обнаружение так называемого «обратного контроля» сначала в цезском языке (нахско-дагестанская семья), а затем и во многих других языках, включая хорошо известные языки Европы, дало эмпирические основания для отхода от господствовавшей значительное время в магистральных направлениях формальной лингвистики концепции нулевого местоимения PRO. Необходимость объяснить существование обратного контроля, при котором невыраженным остается не субъект зависимого глагола, а субъект матричного предиката, стала причиной пересмотра постулируемых свойств нулевого местоимения PRO в одних версиях современной генеративной лингвистики или вообще устранения этого конструкта из синтаксической теории в других направлениях формального синтаксиса.

В настоящей статье мы сосредоточимся в основном на одной из разновидностей обязательного контроля референции субъекта в инфинитивных клаузах, которая получила наименование «частичный контроль» (partial control). Предметом нашего исследования является инфинитивная конструкция при глаголе ‘хотеть’ и некоторых других предикатах с пропозициональным актантом, засвидетельствованная в худуцком говоре

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 10-04-00228а и МК-291.2012.6.

даргинского языка (далее сокращенно худуцкий язык)[1], ср. следующее предложение, иллюстрирующее описываемую конструкцию:

(1) dam_i b-ik:-ul-da $nus:a\text{-}gina_{i+}$ d-uq'ˤ-ij.
я:DAT хотеть-PRS-1SG мы-только 1/2PL-уходить:IPF-INF
'Я хочу, чтобы только мы пошли'.

В данном примере субъект глагола *bik:ₒij* 'хотеть' и субъект глагола *uq'ˤij* 'уходить' выражены разными именными группами. При этом падеж каждой именной группы в этом предложении однозначно указывает на ее вхождение в главную либо в зависимую клаузу: местоимение 1 лица единственного числа, выступающее в роли субъекта матричного глагола, оформляется дательным падежом (что является характерной чертой языков нахско-дагестанской семьи), тогда как зависимый непереходный глагол *uq'ˤij* 'уходить' требует немаркированной абсолютивной формы субъектного местоимения 1 лица множественного числа.

Необычность этой конструкции состоит в следующем. С одной стороны, как будет показано ниже, инфинитивные конструкции в худуцком и, шире, других даргинских языках являются равносубъектными, то есть инфинитивное оформление зависимого глагола предполагает обязательную кореферентность субъекта матричного глагола и субъекта инфинитивной клаузы. С другой стороны, как демонстрирует пример (1), инфинитивная клауза не накладывает требование полного совпадения референтов матричного и инфинитивного субъектов, требуя лишь того, чтобы референт матричного глагола входил в множество референтов, задаваемое субъектом инфинитивной клаузы. Таким образом, пример (1) в худуцком языке может быть квалифицирован как конструкция с частичным контролем субъекта зависимой клаузы. Однако, в отличие от стандартных примеров частичного контроля, обычно обсуждаемых в литературе, в худуцком языке речь идет не только о семантической интерпретации (невыраженного) субъекта зависимой клаузы, но и о его поверхностном выражении. С дескриптивной точки зрения этот факт является вполне тривиальным, поскольку предложения, аналогичные примеру (1), носителями языка оцениваются не только как полностью грамматичные, но и вполне естественные и употребимые в разговорной речи. Однако этот заурядный с точки зрения худуцкой грамматики факт входит в противоречие с имеющимися в современной синтаксической теории представлениями об устройстве конструкций с контролем субъекта зависимой клаузы. Целью данной статьи является, во-первых, документация и описание конструкции с частичным контролем в худуцком языке, и, во-вторых, попытка соотнести худуцкие данные с имеющимися в синтаксической литературе вариантами анализа подобных конструкций. Мы постараемся показать, что поведение субъектов инфинитивных клауз в худуцком и ряде других даргинских диалектов не укладывается в пространство теоретических возможностей, предсказываемое существующими в настоящее время теориями, а, следовательно, требует выработки иных подходов к описанию и объяснению этого явления.

1. ПОНЯТИЕ ЧАСТИЧНОГО КОНТРОЛЯ

Последнее десятилетие в синтаксической теории ассоциируется не в последнюю очередь с интенсивным исследованием проблематики, связанной с контролем референции субъекта зависимых нефинитных клауз. В результате привычное представление о

[1] Традиционно речь жителей сел. Худуц (Дахадаевский район Республики Дагестан) относится к амухскому диалекту даргинского языка (см., например, [Коряков 2006]). В настоящей статье, однако, мы называем этот говор худуцким языком как для краткости, так и принимая во внимание его значительные отличия от других диалектов и говоров даргинского языка. Носители худуцкого языка проживают в основном в сел. Худуц, большое число его жителей переселилось в Махачкалу и Каспийск, общее количество носителей языка не превышает 1 500 чел. Выражаю свою глубочайшую благодарность Гасану, Гурият, Расулу и Халил-Ибрагиму Расуловым и Райсат Каримовой.

том, что степень межъязыкового варьирования в этой сфере не очень велика, сохранявшееся вплоть до начала XXI в.[2], подверглось пересмотру. Традиционно считалось, что обязательный контроль в целом ограничивается синтаксическими конструкциями, в которых матричный предикат накладывает требование обязательной кореферентности субъекта зависимого предиката с одним из своих аргументов (субъектом, прямым или косвенным объектом). При этом фонетически выраженным является только субъект матричного предиката, а субъект зависимого предиката остается невыраженным, как в примере *Папа хочет* [*Ø купить новую машину*].

Как показывает этот пример, в русском языке инфинитивное дополнение при глаголе *хотеть* подразумевает обязательное совпадение субъекта глагола *хотеть* (*папа*) с субъектом зависимого глагола (*купить*), однако последний при этом остается никак не выраженным фонетически. Отдельная проблема при этом состоит в необходимости показать, что субъект зависимого предиката действительно присутствует в синтаксической структуре предложения. Как было показано в работах [Wurmbrand 2001; 2004], в языках мира нередко встречается использование в качестве сентенциального дополнения простой глагольной группы, не включающей субъект (так называемое «реструктурирование»). Соответственно, перед синтаксической теорией стояла задача объяснения того, почему существуют наблюдаемые структуры и отсутствуют ненаблюдаемые. Можно выделить три центральных эмпирических наблюдения, необходимость объяснить которые стоит перед любой теорией в настоящее время.

Наиболее существенный прорыв в исследовании синтаксического контроля произошел после публикации статьи [Polinsky, Potsdam 2002] (ранее обратный контроль обсуждался также в [Farrell 1995]). В этой статье было показано, что, помимо привычных конструкций, в языках мира обнаруживаются и другие, ранее не известные, модели контроля. В частности, в цезском языке (нахско-дагестанская семья) был обнаружен обратный контроль, то есть такая конструкция, которая требует обязательного референциального совпадения аргумента матричного предиката с субъектом зависимой клаузы, но при этом поверхностно не выраженным является субъект матричного глагола, ср. следующий пример из цезского языка [Polinsky, Potsdam 2002: 247]:

(2) [kid-bā ziya b-išr-a] y-oq-si.
девочка-ERG корова N-кормить-INF F-начинать-PAST.EVID
'Девочка начала кормить корову'.

Как видно, в этом предложении субъект ситуации 'девочка' грамматически является субъектом зависимого глагола 'кормить', на что указывает падеж существительного *kid* 'девочка' (глагол 'начинать' в цезском языке не имеет переходных употреблений). С другой стороны, согласование матричного глагола 'начинать' по женскому именному классу указывает на наличие в предложении невыраженного абсолютивного аргумента, поскольку в цезском языке только абсолютивные аргументы контролируют согласование глагола по именному классу. Эти и ряд других фактов цезского синтаксиса позволяют сделать вывод о возможности обратного контроля (традиционная конструкция при этом получила название «прямой контроль») и ставят вопрос о теоретическом осмыслении подобных конструкций.

Вторым традиционным представлением, подвергшимся ревизии в последние годы, стало убеждение о том, что в конструкциях с прямым контролем субъект зависимой инфинитивной клаузы представляет собой нулевое местоимение и не может быть выражен ни при каких условиях. Тем не менее, как показано в недавних работах [Szabolcsi 2005; 2009], такая возможность также обнаруживается в языках мира, в том числе и в хорошо известных языках Европы, ср. пример из итальянского языка [Szabocsi 2009]:

---

[2] Показательным в этом отношении является следующее высказывание: «По литературе у нас складывается ощущение, что типологически контроль ведет себя более или менее одинаково» [Culicover, Jackendoff 2005: 417].

(3) Anche io odierei [andare solo io a Milano].
'Мне тоже было бы невыносимо ехать в Милан одному'.

Как видно, при наличии необходимого контрастивного контекста в инфинитивной конструкции при глаголе *odiare* субъект может быть выражен дважды: первый раз при самом матричном глаголе, а второй раз – при инфинитивном дополнении. Тем самым отсутствие выраженного субъекта инфинитивной клаузы оказывается лишь наиболее частотным, но не единственным вариантом конструкции.

Наконец, третьим фактом, играющим важную роль в оценке эмпирической адекватности той или иной синтаксической теории, является возможность неполного совпадения референции субъекта матричного предиката и субъекта зависимого предиката, или «частичный контроль». Будучи отмеченным еще в работе [Williams 1980], это явление долгое время оставалось вне поля зрения синтаксистов. Впервые серьезное внимание частичному контролю было уделено в диссертации [Landau 1999], а затем в последующих работах того же автора [Landau 2000; 2003; 2004; 2006; 2007; 2008; 2010]. Ср. пример частичного контроля в английском языке [Landau 1999: 39]:

(4) $John_i$ wanted [$PRO_{i,}$ to meet at 6].
'Джон хочет встретиться в 6 часов'.

Очевидно, что предложение (4) предполагает, что участником ситуации 'встретиться' в зависимой клаузе является не только субъект глагола *want* 'хотеть', но и какие-то другие участники. Такое расхождение между главной и зависимой клаузами возможно далеко не для всех предикатов английского языка, ср.:

(5) *$John_i$ managed [$PRO_{i,}$ to meet at 6].
'Джон смог встретиться в 6 часов'.

Обратимся теперь к существующим в настоящее время подходам к синтаксическому анализу конструкций с обязательным контролем[3]. Два наиболее распространенных и конкурирующих друг с другом теоретических подхода отражают идеологию Минималистской программы Н. Хомского [Chomsky 1995]: с одной стороны, теория, анализирующая контроль как частный случай операции передвижения, а, с другой стороны, теория, рассматривающая контроль как последовательность абстрактных операций согласования.

Анализ синтаксического контроля как частного случая операции передвижения впервые был выдвинут в работе [Hornstein 1999] (дальнейшее развитие он получил в [Hornstein 2001; 2003; Boeckx, Hornstein 2006; Hornstein, Polinsky 2010]), где было предложено считать, что инфинитивные конструкции возникают как результат копирования субъекта зависимой клаузы именной группы в позицию субъекта матричного предиката в процессе синтаксической деривации, ср. [Hornstein 1999: 79]:

(6) a. John hopes to leave.
b. [IP John [VP John [hopes [IP John to [VP John leave]]]]]

Фонетическая невыраженность субъекта зависимой клаузы рассматривается при этом как результат стирания исходной (и промежуточных) копий:

(7) [IP John [VP ~~John~~ [hopes [IP ~~John~~ to [VP ~~John~~ leave]]]]]

---

[3] Здесь мы не останавливаемся на классическом анализе в рамках теории Принципов и Параметров, использующем нулевое местоимение PRO в неуправляемой позиции, поскольку в настоящее время этот анализ можно считать в целом отвергнутым как в силу внутренних теоретических соображений, так и благодаря новым эмпирическим данным (обратный контроль и некоторые другие).

Помимо внутритеоретических соображений, мощную поддержку данному подходу к анализу синтаксического контроля оказала статья [Polinsky, Potsdam 2002], где предлагалось рассматривать обратный контроль как результат стирания всех копий именной группы, кроме исходной, ср. схематическое изображение деривации обратного контроля на примере того же английского предложения:

(8) [IP ~~John~~ [VP ~~John~~ [hopes [IP ~~John~~ to [VP John leave]]]]]

Естественное объяснение в рамках этого подхода получают и итальянские конструкции типа (3): наличие субъектов обеих клауз возникает за счет того, что ни одна из копий именной группы – ни исходная, ни конечная – не стирается (copy control, об этом явлении см. подробнее [Polinsky, Potsdam 2006]).

Анализ контроля как результата абстрактной операции согласования (в смысле [Chomsky 2000]) был предложен в работе [Landau 1999] и затем развит в [Landau 2000; 2001; 2003; 2004; 2006; 2007; 2008; 2010]. Отвлекаясь от технических деталей, играющих важную роль в данном анализе, можно сказать, что обязательный контроль возникает как результат переноса референциальных признаков от субъекта матричного предиката к нулевому субъекту зависимого предиката через посредство функциональной вершины T^0 или v^0 матричной клаузы и вершин I^0 и C^0 инфинитивной клаузы.

В научной литературе последнего десятилетия не существует единого мнения о том, какой из предлагавшихся анализов лучше объясняет наблюдаемые в области обязательного контроля эмпирические факты. К достоинствам анализа контроля как передвижения, помимо концептуальной привлекательности идеи, относится ее адекватность в отношении межъязыкового варьирования: по крайней мере, она не запрещает засвидетельствованные в языках мира варианты конструкций с контролем. Теория контроля как согласования в этом отношении, напротив, оказывается менее гибкой и не способна объяснить конструкции с обратным контролем. С другой стороны, одним из основных аргументов, выдвигаемых противниками теории контроля как передвижения, является ее неспособность естественным образом объяснить деривацию конструкций с частичным контролем, тогда теория контроля как согласования располагает синтаксическими механизмами порождения подобных конструкций.

Помимо доминирующих подходов к анализу обязательного контроля, описанных выше, альтернативные подходы были развиты в рамках недеривационных теорий **Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ)** и **Вершинной грамматики составляющих**. На уровне структуры составляющих в рамках обеих теорий субъект зависимой клаузы отсутствует, поскольку зависимая клауза представляется как глагольная группа, не включающая субъект. Собственно отношение контроля в рамках Лексико-функциональной грамматики возникает через установление идентичности аргументов главной и зависимой клауз на уровне функциональной структуры [Bresnan 1982; Dalrymple 2001]. В Вершинной грамматике составляющих контроль возникает как результат присваивания аргументам матричного и зависимого предиката одного и того же индекса в семантическом содержании предложения [Sag, Pollard 1991]. При этом коиндексация аргументов в рамках этой теории подразумевает совпадение стандартных согласовательных признаков: лица, числа и рода. В своем изначальном виде обе недеривационные теории не предусматривают всех засвидетельствованных в языках мира возможностей, в частности возможности обратного контроля, ср., однако, попытку [Sells 2006] модернизировать формальный аппарат ЛФГ для описания обратного контроля.

Таким образом, «на рынке» представлено несколько различных подходов к анализу обязательного синтаксического контроля, более или менее успешно справляющихся с объяснением эмпирически наблюдаемых языковых фактов. При этом, с одной стороны, все они нуждаются в разного рода дополнительных гипотезах и построениях для того, чтобы объяснить варьирование в этой области во всей полноте; с другой же стороны, имеющиеся данные не позволяют окончательно отвергнуть какой-либо подход или предпочесть один анализ другим.

2. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХУДУЦКОМ ЯЗЫКЕ

В худуцком языке засвидетельствованы все три модели синтаксического контроля: субъект может быть выражен либо только в главной клаузе (9), либо только в зависимой клаузе (10)[4], либо же в обеих клаузах одновременно (11)[5].

(9) dam r-uq'ʕ-ij b-ik:-ul-da.
я:DAT F-уходить-INF N-хотеть-PRS-1
'Я хочу уехать'.

(10) du r-uq'ʕ-ij=ra b-ik:-ul-da.
я F-уходить-INF=ADD N-хотеть-PRS-1
'Я хочу и уехать'.

(11) dam b-ik:-ul-da du-gina r-uq'ʕ-ij.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 я-только F-уходить-INF
'Я хочу сама / одна пойти'.

Наиболее распространенной в худуцком языке является конструкция с контролем референции субъекта зависимой клаузы (прямой контроль). Конструкции же с обратным контролем используются значительно реже и во многих случаях признаются неграмматичными. Ниже мы ограничимся описанием свойств конструкций с двумя выраженными субъектами, оставив конструкции прямого и обратного контроля за рамками обсуждения.

Следует отметить, что глагольная вершина зависимой клаузы в конструкциях с контролем в худуцком языке, помимо инфинитива, может оформляться также конъюнктивом, причем в первом лице эти формы совпадают (либо же отсутствует форма конъюнктива 1 лица), ср.:

(12) dam r-uq'ʕ-ij b-ik:-ul-da.
я:DAT F-уходить-INF N-хотеть-PRS-1
'Я хочу уехать'.

(13) ʕat r-uq'ʕ-at:aj || r-uq'ʕ-ij b-ik:-ul-di-w?
ты:DAT F-уходить-SUBJ:2 F-уходить-INF N-хотеть-PRS-2SG
'Ты хочешь уехать?'

(14) murad-li-j uq'ʕ-anaj || uq'ʕ-ij b-ik:-ul ca-b.
Мурад-OBL-DAT (м)уходить-SUBJ:3 (м)уходить-INF N-хотеть-PRS COP-N
'Мурад хочет уехать'.

Далее мы используем только материал инфинитивных, но не конъюнктивных клауз, поскольку последние допускают разносубъектное употребление; нас же здесь интересуют только конструкции обязательного контроля:

---

[4] Впервые существование обратного контроля в диалектах даргинского языка было установлено в работах [Сердобольская 2009; Serdobolskaya 2010] на материале диалекта сел. Кунки.

[5] Здесь и далее основным синтаксическим признаком, показывающим нахождение аргумента в той или иной клаузе, является морфологический падеж: глагол 'хотеть' требует дативного оформления субъекта (подробнее о маркировании экспериенциальных аргументов в дагестанских языках см. [Comrie, van den Berg 2006; Ganenkov 2006]), тогда как субъект зависимой клаузы является абсолютивным (при непереходном глаголе), эргативным (при переходном глаголе) или же дативным (при экспериенциальном глаголе).

(15) dam b-ik:-ul-da rasul-gina uqʼˤ-anaj.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 Расул-только (м)уходить-SUBJ:3
'Я хочу, чтобы Расул один пошел'[6].

Рассмотрим теперь подробнее свойства конструкции с одновременно выраженными субъектами главной и зависимой клаузы. Семантика этой конструкции вполне отчетлива и может быть описана следующим образом:

(16) Из множества потенциальных субъектов действия, обозначаемого инфинитивом, его выполнит именно субъект желания ('сам', 'именно').

Иными словами, одновременное присутствие субъектов и в главной, и в инфинитивной клаузе указывает на то, что субъект желания хочет выполнить указанное действие самостоятельно. При этом обязательным является контрастивное маркирование субъекта инфинитива либо при помощи фокусных частиц *-gina* и *-lel* 'только', как в примере (11) выше, либо же при помощи сильного контрастивного акцента:

(17) dam b-ik:-ul-da DU r-uqʼˤ-ij.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 я F-уходить-INF
'Я хочу, чтобы (именно) я пошла'.

Предложение, аналогичное (17), но произнесенное с нейтральной интонацией, признается неграмматичным[7]:

(18) *dam b-ik:-ul-da du r-uqʼˤ-ij.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 я F-уходить-INF
'Я хочу, чтобы я пошла'.

Возможности выражения субъекта инфинитивной клаузы при одновременно выраженном матричном субъекте в худуцком языке сильно ограничены. В этой позиции грамматичными признаются только два типа именных групп: с одной стороны, как было показано выше, в этой позиции возможны личные местоимения 1 и 2 лица; с другой стороны, в качестве субъекта инфинитивной клаузы может выступать рефлексивно-логофорическое местоимение *ca-w* 'сам':

(19) murad-li-j_i b-ik:-ul-de CINI-L_i buˤra b-uc-ij.
Мурад-OBL.-DAT N-хотеть-PST сам-ERG заяц N-хватать-INF
'Мурад хотел САМ поймать зайца'.

С синтаксической точки зрения инфинитивные конструкции с выраженным субъектом являются примером обязательного контроля (о грамматических различиях обязательного и необязательного контроля, см., например [Koster 1984; Manzini 1983; Lebeaux 1985]). Во-первых, инфинитивные клаузы не допускают разносубъектного использования:

---

[6] Следует при этом отметить, что наиболее стандартной стратегией оформления разносубъектных конструкций при глаголе 'хотеть' в худуцком и других даргинских языках является использование деепричастия:

(i) dam b-ik:-ul-da rasul ag-ur-ri.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 Расул уходить:PF-PST-CONV
'Я хочу, чтобы Расул ушел'.

[7] Интересно, что в большинстве случаев носители не осознают, что то же самое предложение, будучи произнесено с контрастивным ударением на субъекте зависимой клаузы, является грамматичным.

(20) *dam b-ik:-ul-da rasul(-gina) uqˀˤ-ij.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 Расул-только (м)уходить-INF
'Я хочу, чтобы Расул один пошел'.

Во-вторых, при эллипсисе инфинитивной клаузы допускается только нестрогая интерпретация сокращенного материала:

(21) dam=ra b-ik:-ul-da du-gina r-uqˀˤ-ij, ʕat=ra b-ik:-ul-di
я:DAT=ADD N-хотеть-PRS-1 я-только F-уходить-INF ты:DAT=ADD N-хотеть-PRS-2SG
a. 'Я хочу сама / одна пойти, и ты тоже хочешь сама пойти'.
b. *'Я хочу сама / одна пойти, и ты тоже хочешь, чтобы я пошла (сама / одна)'.

Наконец, субъект инфинитивной конструкции интерпретируется только *de se*, то есть использование данной конструкции предполагает, что субъект инфинитива осознает себя как потенциального субъекта желаемой ситуации.

3. ЧАСТИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХУДУЦКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ

В худуцком языке глагол 'хотеть' допускает частичный контроль, то есть неполное совпадение субъектов главной и зависимой клауз. При этом инфинитивная клауза должна обязательно содержать указание на множественность субъекта (при единичном матричном субъекте). С одной стороны, данное условие соблюдается в том случае, если зависимый глагол подразумевает множественность субъекта, как в следующем примере (отметим здесь согласование зависимого глагола по классу с невыраженным множественным субъектом):

(22) murad-li-j_i b-ik:-ul ca-b [Δ_{i+} guči<b>ič-ij saʔat x̣al-le-b].
Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N <HPL>собираться-INF час пять-IN-HPL
'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) собрались в пять часов'.

С другой стороны, множественный субъект может быть непосредственно выражен в инфинитивной клаузе:

(23) murad-li-j_i b-ik:-ul ca-b [ca-b_{i+} b-uqˀˤ-ij].
Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N сам-HPL HPL-уходить-INF
'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) ушли'.

Отсутствие выраженного субъекта при предикате, не подразумевающем обязательную множественность субъекта, делает предложение несколько менее приемлемым. Однако при наличии подходящего дискурсивного контекста такие предложения также вполне допустимы:

(24) ?murad-li-j_i b-ik:-ul ca-b [Δ_{i+} b-uqˀˤ-ij].
Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N HPL.-уходить-INF
'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) ушли'.

Как и в случае полного контроля, частичный контроль с одновременно выраженными субъектами главной и зависимой клауз возможен только с местоимениями 1 и 2 лица и рефлексивно-логофорическим местоимением *ca-w*. Приведем полную парадигму частичного контроля в худуцком языке:

(25) dam_i b-ik:-ul-da $nus:a_{i+}$ d-uqˀˤ-ij.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 мы 1/2PL.-уходить-INF
'Я хочу, чтобы мы ушли'.

(26) $ʕat_i$ b-ik:-ul-di $nus:a_{i+}$ d-uqˀˤ-ij.
ты:DAT N-хотеть-PRS-2SG мы 1/2PL-уходить-INF
'Ты хочешь, чтобы мы (включая тебя самого) ушли'.

(27) ʕat$_i$ b-ik:-ul-di ʕuš:a$_{i+}$ d-uq'ʕ-ij.
ты:DAT N-хотеть-PRS-2SG вы 1/2PL-уходить-INF
'Ты хочешь, чтобы вы ушли'.

(28) murad-li-j$_i$ b-ik:-ul ca-b nus:a$_{i+}$ d-uq'ʕ-ij.
Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N мы 1/2PL-уходить-INF
'Мурад хочет, чтобы мы (включая его самого) ушли'.

(29) murad-li-j$_i$ b-ik:-ul ca-b [ca-b$_{i+}$ b-uq'ʕ-ij].
Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N сам-HPL HPL-уходить-INF
'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) ушли'.

Наличие выраженного субъекта в конструкции с частичным контролем не меняет синтаксическую природу конструкции: как и при полном контроле, она демонстрирует свойства обязательного контроля. В частности, обязательной является нестрогая интерпретация субъекта в элидированной зависимой клаузе:

(30) dam$_i$=ra b-ik:-ul-da nus:a$_{i+}$ d-uq'ʕ-ij, murad-li-j=ra
я:DAT=ADD N-хотеть-PRS-1 мы 1/2PL-уходить-INF Мурад-OBL-DAT=ADD
b-ik:-ul ca-b.
N-хотеть-PRS COP-N
a. 'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет сам поехать'.
b. 'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) сами поехали'.
c. 'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет, чтобы мы (включая самого Мурада) сами поехали'.
d. *'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет, чтобы мы (не включая самого Мурада) сами поехали'.

Как показывает этот пример, при эллипсисе инфинитивной клаузы допустимым является и полное связывание, при котором референция субъекта зависимого глагола полностью определяется субъектом матричного предиката (30a при полном контроле, 30b при частичном контроле), и частичное связывание, при котором субъект зависимого глагола имеет переменную часть, задаваемую субъектом главного глагола, и постоянную, референция которой не зависит от субъекта матричного предиката (например, включение говорящего, как в 30c).

Таким образом, инфинитивное дополнение при глаголе 'хотеть' в худуцком языке демонстрирует интересное сочетание синтаксических свойств. Во-первых, оно представляет собой конструкцию с обязательным контролем. Во-вторых, оно допускает одновременное выражение субъектов главной и зависимой клауз. В-третьих, оно допускает частичный контроль референции субъекта зависимого глагола. По отдельности эти свойства нередко встречаются в языках мира, ср. пример (3) на одновременное выражение субъектов главной и зависимой клауз в итальянском языке и пример (4), демонстрирующий грамматичность частичного контроля в английском языке. Нетривиальным в поведении инфинитивной конструкции в худуцком языке является возможность сочетания этих свойств в одном предложении. Тем самым в худуцком языке возможен **обязательный частичный контроль выраженного субъекта зависимой клаузы**, конструкция, которая ранее, насколько нам известно, не описывалась и не обсуждалась в научной литературе.

4. ЧАСТИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХУДУЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

Описанная в предыдущем разделе возможность представляет значительный интерес как для типологии, так и для теоретического анализа обязательного контроля. Рассмотрим, как описанная худуцкая конструкция встраивается в представленные выше теории контроля.

При всем различии подходов как в концептуальном отношении, так и в отношении формального аппарата их объединяет одна существенная особенность, связанная с анализом частичного контроля: начиная с диссертации [Landau 1999], где факты частичного контроля впервые подверглись теоретическому осмыслению, все они рассматривают этот вид конструкций как семантический эффект, возникающий в контексте зависимого предиката с обязательной множественностью субъекта или наречий типа 'вместе'. Разные теории используют различные механизмы порождения этого эффекта, однако ни в одной из них, насколько нам известно, не ставится под сомнение его чисто семантическая природа.

В теории контроля как согласования субъект зависимой клаузы согласуется с субъектом матричного предиката по ряду признаков, в том числе по числу. Для объяснения эффекта частичного контроля, однако, вводится различие между синтаксическим и семантическим числом [Landau 1999: 63]. Предлагается считать, что релевантным для обязательного контроля является только синтаксическое число, наследуемое нулевым субъектом зависимой клаузы от субъекта главной клаузы. Семантическое число субъекта зависимой клаузы в свою очередь никак не зависит от субъекта главной клаузы: это всего лишь семантическая характеристика, выводимая из контекста. Если зависимая клауза содержит предикат, обязательно предполагающий множественность субъекта, например, 'расходиться', 'собираться' (в определенном месте), или же наречие со значением совместного действия, то для правильной интерпретации данного предиката (и в целом клаузы) его субъекту присваивается значение множественного семантического числа. Синтаксическое же число остается единственным, что позволяет установить отношение референциального контроля между субъектами главной и зависимой клаузы. Важно также отметить, что при частичном контроле, согласно [Landau 1999: 75], различие между субъектами клауз возможно только в отношении числа, тогда как лицо обязательно наследуется из главной клаузы в зависимую.

Похожие механизмы, опирающиеся на различие между синтаксическим и семантическим числом, предлагаются и в других теориях контроля. Не останавливаясь на них подробно, скажем лишь, что в теории контроля как передвижения частичный контроль объясняется либо за счет разрыва в синтаксической деривации, позволяющего субъекту зависимой клаузы при необходимости приписать независимое семантическое число исходя из контекста [Barrie, Pittman 2004], либо за счет прямого указания на возможность несовпадения семантического числа в семантической структуре матричного предиката [Hornstein 2003].

В статье [Barrie, Pittman 2004] деривация частичного контроля объясняется следующим образом. Некоторая именная группа вставляется в позицию субъекта зависимого глагола, который и приписывает ей определенную семантическую роль. Затем деривация продолжается и данная именная группа копируется в позицию субъекта главного предиката, который также приписывает ей семантическую роль. Результатом этой деривации является то, что разным копиям одной и той же именной группы приписаны различные семантические роли, что является нарушением θ-принципа («одной именной группе не может быть приписано более одной семантической роли»). Авторы данной статьи предлагают считать, что в такой ситуации порождаемая конструкция не становится неграмматичной и деривация не терпит неудачу благодаря специальному вспомогательному механизму расщепления деривационной цепи. Этот механизм вступает в действие при нарушении θ-принципа, расщепляя деривационную цепочку на две независимые части, так что копии одной именной группы становятся различными именными группами и способны нести каждая свою семантическую роль. Независимость именных групп после действия этого механизма позволяет им под влиянием контекста приобретать разные семантические характеристики, к которым относится и семантическое число.

В рамках подхода Н. Хорнстайна [Hornstein 2003], эксплицитно отвергающего θ-принцип и допускающего наличие двух семантических ролей у одной именной группы, одним из возможных решений признается введение в грамматику семантического постулата, который факультативно действует в контексте некоторых матричных пре-

дикатов и приписывает множественность субъекту зависимого глагола под влиянием семантических характеристик этого глагола или дискурсивного контекста[8].

В рамках ЛФГ для объяснения частичного контроля также используется эксплицитное указание в семантической композиции матричного предиката на то, что контролер либо совпадает с контролируемым аргументом, либо входит в него в качестве подмножества [Asudeh 2005], либо же используется специальная аннотация функциональной структуры, указывающая на то, что синтаксические признаки субъекта главной клаузы являются подмножеством признаков субъекта зависимой клаузы (либо наоборот в конструкциях с обратным контролем) [Sells 2006].

Из этого непосредственно следует несколько теоретически значимых выводов. Во-первых, семантически ориентированный анализ частичного контроля, не предполагающий поверхностного выражения субъекта зависимой клаузы находится в очевидном противоречии с описанными выше данными худуцкого языка, где частично контролируемый субъект может быть фонетически выражен. Тем самым различение синтаксического и семантического числа, используемое во всех попытках объяснить это явление, оказывается бесполезным, по крайней мере, для худуцкого языка, а значит, не может претендовать на роль универсального параметра, ответственного за доступность такой грамматической опции как частичный контроль.

Второй вывод, непосредственно вытекающий из сопоставления имеющихся теоретических представлений с данными худуцкого языка, состоит в том, что при частичном контроле субъекты двух клауз могут различаться не только числом. Более того на основании приведенных выше примеров можно утверждать, что субъекты главной и зависимой клауз могут вообще не иметь никаких общих формальных признаков. Так, в примерах (25), (27) и (29) субъекты различаются числом (единственное или множественное), но не лицом (в обоих случаях 1 лицо). Примеры (26) и (28), однако, показывают, что совпадение субъектов по лицу не является обязательным: субъекты двух клауз в этих примерах различаются и по числу, и по лицу, не имея никаких общих признаков. Тем самым единственным условием грамматичности инфинитивной конструкции при глаголе 'хотеть' является семантическая информация о том, что субъект главной клаузы входит в множество референтов субъекта зависимой клаузы.

Последнее обстоятельство открывает еще одно уязвимое место в существующих теориях контроля. Анализ обязательного контроля в терминах копирования именной группы и последующего стирания «ненужных» копий с необходимостью предполагает полную идентичность копий. При чисто семантическом подходе к частичному контролю эта теория способна предложить какие-то варианты деривации, паллиативные по своей сути, но дающие нужный эффект неполной семантической идентичности двух копий. Однако физическое присутствие субъекта зависимой клаузы, не имеющего общих формальных признаков с субъектом главной клаузы и выраженного совершенно иной лексемой, вряд ли может быть объяснено удовлетворительным образом в рамках этой теории.

Подход к синтаксическому контролю как последовательности операций согласования также бессилен перед примерами типа (26) и (28), поскольку в рамках данного подхода считается, что субъект зависимой клаузы при помощи специфических формальных механизмов получает признаки (синтаксического) лица и числа от субъекта главной клаузы. Однако, как показывают примеры (26) и (28), субъект зависимой клаузы в общем случае не совпадает по лицу и числу с матричным субъектом[9].

---

[8] Ср.: «If "DP Vs [to VP]" then "DP Vs [DP and some contextually specified others to VP]"» [Hornstein 2003: 42–45].

[9] Хотя синтаксический, а не чисто семантический характер лица и числа уже следует непосредственно из наличия соответствующего местоимения в зависимой клаузе, он подтверждается, в частности, и фактами согласования непереходного глагола с субъектом в подчиненном предложении. Так, например, в (28) зависимый глагол имеет согласовательный показатель именного класса, используемый только с субъектами 1 и 2 лица множественного числа, при том что матричный предикат имеет субъект 3 лица единственного числа.

Трудности этого подхода не ограничиваются невозможностью описать контроль в терминах перенесения признаков от одного субъекта к другому. Начиная с диссертации [Landau 1999] считается, что сама возможность частичного контроля (пусть даже в его семантическом понимании) возникает только у матричных предикатов, предполагающих временную (частичную) независимость событий, описываемых самим матричным предикатом и зависимым от него глаголом. Более конкретно, в случае инфинитивных дополнений речь идет о матричных предикатах, сентенциальные дополнения которых описывают событие, потенциальное по отношению к главному глаголу. Так, например, ситуации, зависимые от глаголов 'хотеть', 'просить', 'нравиться', имеют потенциальный характер и допускают частичный контроль. Ситуации же, описываемые глаголами 'заставить', 'забыть', 'мочь', 'начинать', не предполагают временного разрыва между событиями главной и зависимой клаузы, а значит, по мысли [Landau 1999], не допускают и частичного контроля[10]. Отсутствие обязательного совпадения временной референции главной и зависимой клаузы используется для технической реализации частичного контроля в рамках данного подхода. И здесь теория контроля как согласования снова наталкивается на эмпирические трудности, поскольку привязка частичного контроля к временной соотнесенности двух клауз не соответствует наблюдаемым фактам[11]. Дело в том, что в худуцком языке частичный контроль выраженного субъекта возможен, помимо глагола 'хотеть', также и с глаголом 'забывать':

(31) dammij$_{i}$ qumert-ur-da nus:a-gina$_{i+}$ wac'a-c:i ʕa-d-uq'^{ʕ}-ij.
я:DAT забывать:PF-PST-1 мы-только лес-INTER NEG-1/2PL-уходить:PF-INF
≈ 'Я забыл, что мы (например, дети) не должны ходить в лес одни'.

Глагол 'забывать' относится к предикатам, не допускающим различной временной референции событий в главной и зависимой клаузах. Тем не менее частичный контроль при этом глаголе в худуцком языке не только возможен, но и проявляется непосредственно в фонетической реализации. Этот пример показывает, что временная референция зависимого предложения не играет определяющей роли в допустимости частичного контроля. Скорее, речь идет о семантической / прагматической приемлемости ситуации, в которой субъект забывания отличается от субъекта забываемой ситуации. Во многих случаях такое несовпадение оказывается неприемлемым, ср., например:

(32) *dammij$_{i}$ qumert-ur-da nus:a-gina$_{i+}$ t'ul as:-ij.
я:DAT забывать:PF-PST-1 мы-только хлеб брать:PF-INF
подразумеваемая интерпретация: 'Я забыл, что мы сами должны купить хлеб'.

Предложение (31), однако, оказывается вполне допустимым в ситуации, в которой старший ребенок, присматривающий за другими детьми, забывает о том, что ему и детям, находящимся под его присмотром, родители запретили ходить в лес одним. Таким образом, на приемлемость частичного контроля при глаголе 'забывать' оказывает влияние то, насколько естественной является ответственность «забывающего» за действия других участников.

Обнаружение частичного контроля выраженного субъекта в худуцком языке ставит вопрос о том, насколько это грамматическое явление распространено в языках мира. Этот вопрос, очевидно, не может быть решен без полномасштабного исследования контроля в представительной выборке языков. Отдельный интерес представляет изучение распространенности этого феномена в родственных языках нахско-дагестанской семьи. И типологическое, и внутригенетическое исследование пока остается делом будущего.

---

[10] Подробнее о семантических классах матричных предикатов, обязательно требующих полного контроля или же допускающих частичный контроль, см. [Landau 1999].

[11] Заметим, что скептические возражения относительно данной концепции уже высказывались ранее в [Bowers 2008] на материале английского языка.

В настоящее время можно лишь отметить, что частичный контроль выраженного субъекта был обнаружен нами в рамках предварительного обследования также в губденском и чирагском диалектах даргинского языка (далее, соответственно, губденский и чирагский языки)[12]. Как и в худуцком языке, инфинитивное дополнение в губденском и чирагском используется для оформления зависимой клаузы при глаголе 'хотеть' только в случае совпадения субъектов главной и зависимой клаузы. Тем не менее предложения, в которых субъект глагола 'хотеть' является лишь одним из участников желаемой ситуации, вполне грамматичны. Приведем несколько примеров:

Чираг

(33) dami$_i$ b-ik:-an-da nus:a-cuna$_{i+}$ š:i-c:e cj.
я:DAT N-хотеть-PRS-1 мы:EXCL-только село-INTER уходить-INF
'Я хочу, чтобы мы сами поехали в село'.

(34) rasul-li$_i$ b-ik:-le če<b>ži-jal$_{i+}$ š:i-c:e ej.
Расул-DAT N-хотеть-PRS <HPL>сам:PL-только село-INTER уходить-INF
'Расул хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) одни поехали в село'.

Губден

(35) rasul-i-s$_i$ dig-ule sa-j ču-ni-ʔal$_{i+}$ jurt v-ar-es.
Расул-OBL-DAT хотеть-CONV COP-M сам:PL-ERG-только дом N-делать:PF-INF
'Расул хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) сами построили дом (например, он и члены его семьи построили дом без привлечения наемных работников)'.

(36) rasul-i-s$_i$ dig-ule sa-j nuša-ni-ʔal$_{i+}$ jurt v-ar-es.
Расул-OBL-DAT хотеть-CONV COP-M мы-ERG-только дом N-делать:PF-INF
'Расул хочет, чтобы мы (например, семья, членами которой являются Расул и я) сами построили дом (без привлечения наемных работников)'.

(37) nam$_i$ dig-ul-ra nuša-ni-ʔal$_{i+}$ jurt v-ar-es.
я:DAT хотеть-PRS-1SG мы-ERG-только дом N-делать:PF-INF
'Я хочу, чтобы мы сами построили дом'.

Интересной особенностью губденского и чирагского языков является возможность частичного контроля выраженного субъекта в инфинитивном дополнении при глаголе 'начинать', конструкция невозможная в худуцком языке (при том что частичный контроль при глаголе 'забывать' в губденском и чирагском также допустим). Согласно классификации матричных предикатов, предложенной в [Landau 1999], фазовые глаголы относятся к глаголам, не допускающим частичного контроля субъекта зависимой клаузы [Landau 1999: 49–51]. Как мы уже указывали выше, общепринятое объяснение связывает (не)возможность частичного контроля с наличием или отсутствием отдельной временной референции матричного и зависимого предиката. Глагол 'начинать' в норме не предполагает разрыва во времени между началом действия и самим действием, поэтому не допускает и частичного контроля. Данные губденского и чирагского языков, однако, противоречат теоретическим предсказаниям, что еще раз (см. выше обсуждение глагола 'забывать' в худуцком языке) показывает типологическую неадекватность предложенных теоретических решений, ср. следующий пример из губденского:

(38) nu-ni$_i$ v-aħ<v>ak'-i-ra nuša-ni-ʔal$_{i+}$ jurt v-ar-es.
я-ERG N-<N>начинать:PF-PST-1SG мы-ERG-только дом N-делать:PF-INF
≈ 'Я начал строительство дома, который мы сами будем строить'.

---

[12] Выражаю благодарность Магомед-Рагиму и Разият Мамацаевым за гостеприимство и помощь в исследовании чирагского языка, а также Мадине Курбановой, оказавшей неоценимую помощь в изучении ряда грамматических явлений в губденском языке.

Здесь необходимо сделать два пояснения. Во-первых, этот пример, вопреки ожиданиям, не предполагает обязательно временной разрыв между началом действия и его продолжением, хотя и не исключает его. Вместо этого подобные конструкции указывают на то, что начало некоторого совместного действия, в данном случае строительства, было осуществлено лишь одним из участников, остальные же участники были вовлечены в строительство позже. Таким образом, можно сделать вывод, что принципиальное противопоставление предикатов 'хотеть' и 'начинать', предполагаемое «временным» подходом к анализу частичного контроля, отсутствует.

Во-вторых, здесь следует привести контраргументы против возможного альтернативного анализа примеров типа (38). Как и во многих языках мира, в губденском языке инфинитив используется не только как одна из стратегий оформления сентенциального дополнения, но и для выражения обстоятельственного значения цели:

(39) nu w-ak'-i-ra rasul-i-s kumek v-ar-es.
я M-приходить:PF-PST-1SG Расул-OBL-DAT помощь N-делать:PF-INF
'Я пришел помочь Расулу'.

Можно предположить, что инфинитивная клауза в конструкциях типа (34) на самом деле представляет собой обстоятельство, обозначающее нечто вроде «(я начал дом,) чтобы мы его построили», то есть при таком анализе предлагается считать, что абсолютивный аргумент является объектом не зависимого, а матричного глагола.

Можно предъявить как минимум два аргумента против подобного анализа. С одной стороны, порядок слов, при котором объект линейно располагается между элементами зависимой клаузы (реализуя при этом в рамках зависимой клаузы классический порядок SOV), делает маловероятным, если не невозможным, его вхождение в матричную клаузу. С другой стороны, целевые конструкции в губденском языке не допускают частичного контроля выраженного субъекта зависимого предложения. Хотя целевая клауза и может обладать собственным выраженным субъектом, он должен обязательно полностью совпадать с субъектом главной клаузы:

(40) rasul w-ak'-iv nam sune-ni-ʔal kumek v-ar-es.
Расул M-приходить:PF-PST я:DAT сам-ERG-только помощь N-делать:PF-INF
'Расул пришел сам мне помочь'.

(41) *rasul w-ak'-iv nam ču-ni-ʔal kumek v-ar-es.
Расул M-приходить:PF-PST я:DAT сам:PL-ERG-только помощь N-делать:PF-INF
'Расул пришел, чтобы они (Расул и группа, в которую он входит) сами мне помогли'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели функционирование инфинитивного дополнения при глаголе 'хотеть' в худуцком диалекте даргинского языка, представляющего собой неизвестный до настоящего времени вид обязательного контроля – частичный контроль выраженного субъекта. Кроме того, такая конструкция оказывается допустимой и при некоторых других матричных глаголах с инфинитивным дополнением, а также обнаруживается в ряде других (сильно различающихся между собой) диалектов даргинского языка. Наличие такой конструкции оказывается значительной проблемой, предложить готовое решение которой, как мы показали, не в состоянии ни один из разработанных в теоретическом синтаксисе подходов. Наиболее важными для понимания природы невыраженного субъекта инфинитивной клаузы оказываются предложения, где субъекты двух клауз не имеют общих синтаксических признаков лица и числа, как в примерах (26) и (28) выше. Они демонстрируют, что в общем случае лицо/число субъекта зависимой клаузы формально никак не связано с лицом/числом субъекта матричного предиката, что компрометирует базовое направление в современных подходах к синтаксису контроля: выделение в конструкции одного полноценного аргумента и

передача его референциальных признаков другому аргументу посредством синтаксических механизмов. Таким образом, оказываются невозможными ни взгляд на субъект зависимой клаузы как на референциально дефектный языковой элемент, наследующий синтаксические признаки субъекта главной клаузы, ни представление о том, что субъект матричного глагола является результатом копирования субъекта зависимой клаузы.

В заключение отметим, что обнаружение подобной конструкции в одном из диалектов даргинского языка делает необходимым дальнейшее изучение синтаксиса инфинитивных конструкций в диалектах даргинского языка и, шире, вообще в нахско-дагестанских языках. Значительный интерес представляет также общая типология конструкций с контролем референции выраженного субъекта зависимой клаузы и поиски приемлемых теоретических решений, адекватно отражающих наблюдаемое межъязыковое варьирование.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2 – 1, 2 лицо
1/2PL – именной класс локуторов множественного числа
ADD – аддитивная частица ‘и, тоже’
CONV – деепричастие
COP – глагол-связка
DAT – датив
ERG – эргатив
F – женский именной класс
HPL – одушевленный именной класс во множественном числе
IN – нахождение в полом ориентире
INF – инфинитив
INTER – нахождение в массе или совокупности однородных ориентиров
IPF – основа несовершенного вида
M – мужской именной класс
N – неодушевленный именной класс
NEG – отрицание
OBL. косвенная основа при именном словоизменении
PAST.EVID – засвидетельствованное прошедшее время
PF – основа совершенного вида
PL – множественное число
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
SG – единственное число
SUBJ – конъюнктив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коряков 2006 – *Ю.Б. Коряков*. Атлас кавказских языков. М., 2006.

Сердобольская 2009 – *Н.В. Сердобольская*. Обратный контроль в свете принципов теории связывания (на материале кункинского варианта даргинского языка) // Н.Н. Казанский (ред.). Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2009.

Asudeh 2005 – *A. Asudeh*. Control and semantic resource sensitivity // Journal of linguistics. V. 41. 2005. № 3.

Barrie, Pittman 2004 – *M. Barrie, C. Pittman*. Partial control and the movement towards movement // Toronto working papers in linguistics. V. 22. 2004.

Boeckx, Hornstein 2006 – *C. Boeckx, N. Hornstein*. Control in Icelandic and theories of control // LIn. V. 37. 2006. № 1.

Bowers 2008 – *J. Bowers*. On reducing control to movement // Syntax. V. 11. 2008.

Bresnan 1982 *J. Bresnan*. Control and complementation // LIn. V. 13. 1982. № 3.

Comrie, van den Berg 2006 *B. Comrie, H. van den Berg*. Experiencer constructions in Daghestanian languages // I. Bornkessel, M. Schlesewsky, B. Comrie, A.D. Friederici (eds.). Semantic role universals and argument linking: Theoretical, typological, and psycholinguistic perspectives. Berlin; New York, 2006.

Chomsky 1995 – *N. Chomsky*. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.

Chomsky 2000 – *N. Chomsky*. Minimalist inquiries: The framework // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik. Cambridge (MA), 2000.

Culicover, Jackendoff 2005 – *P. Culicover, R. Jackendoff*. Control is not movement // LIn. V. 32. 2005. № 3.

Dalrymple 2001 – *M. Dalrymple*. Lexical functional grammar. New York, 2001.
Farrell 1995 – *P. Farrell*. Backward control in Brazilian Portuguese // J.M. Fuller, H. Han, D. Parkinson (eds.). Proceedings of the Eleventh eastern states conference on linguistics. Ithaca; New York, 1995.
Ganenkov 2006 – *D. Ganenkov*. Experiencer coding in Nakh-Daghestanian // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, valency and transitivity. Amsterdam, 2006.
Hornstein 1999 – *N. Hornstein*. Movement and control // LIn. V. 30. 1999. № 1.
Hornstein 2001 – *N. Hornstein*. Move! A minimalist theory of construal. Oxford, 2001.
Hornstein 2003 – *N. Hornstein*. On control // R. Hendrick (ed.). Minimalist syntax. Oxford, 2003.
Hornstein, Polinsky 2010 – *N. Hornstein, M. Polinsky* (eds.). Movement theory of control. Amsterdam, 2010.
Koster 1984 *J. Koster*. On binding and control // LIn. V. 15. 1984. № 3.
Landau 1999 *I. Landau*. Elements of control. MIT dissertation. Cambridge (Mass.), 1999.
Landau 2000 – *I. Landau*. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions. Dordrecht, 2000.
Landau 2001 – *I. Landau*. Control and extraposition: The case of super-equi // Natural language and linguistic theory. V. 19. 2001. № 1.
Landau 2003 – *I. Landau*. Movement out of control // LIn. V. 34. 2003. № 3.
Landau 2004 – *I. Landau*. The scale of finiteness and the calculus of control // Natural language and linguistic theory. V. 22. 2004. № 4.
Landau 2006 *I. Landau*. Severing the distribution of PRO from case // Syntax. V. 9. 2006.
Landau 2007 – *I. Landau*. Movement-resistant aspects of control // W.D. Davies, S. Dubinsky (eds.). New horizons in the analysis of control and raising. Dordrecht, 2007.
Landau 2008 – *I. Landau*. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // Natural language and linguistic theory. V. 26. 2008. № 4.
Landau 2010 *I. Landau*. The explicit syntax of implicit arguments // LIn. V. 41. 2010. № 3.
Lebeaux 1985 – *D. Lebeaux*. Locality and anaphoric binding // The linguistic review. V. 4. 1985. № 4.
Manzini 1983 *M.R. Manzini*. On control and control theory // LIn. V. 14. 1983. № 3.
Polinsky, Potsdam 2002 – *M. Polinsky, E. Potsdam*. Backward control // LIn. V. 33. 2002. № 2.
Polinsky, Potsdam 2006 – *M. Polinsky, E. Potsdam*. Expanding the scope of control and raising // Syntax. V. 9. 2006. № 2.
Serdobolskaya 2010 – *N. Serdobolskaya*. Backward control in connection with the principles of the Binding theory (based on the data of Qunqi Dargwa) // Интернет-публикация: http://www.ddl.ish-lyon.cnrs.fr/colloques/SWL_IV/pageweb/pdf/book%20of%20abstracts_4_16sept_DC.pdf. 2010.
Szabolcsi 2005 – *A. Szabolcsi*. Overt infinitival subjects (if that's what they are...) // H. Broekhuis (ed.). Organizing grammar. Festschrift for Henk van Riemsdijk. Berlin, 2005.
Szabolcsi 2009 – *A. Szabolcsi*. Overt nominative subjects in infinitival complements cross-linguistically // New York University working papers in linguistics. V. 2. 2009.
Sag, Pollard 1991 – *I. Sag, C. Pollard*. An integrated theory of complement control // Lg. V. 67. 1991. № 1.
Sells 2006 – *P. Sells*. Backward and forward control and raising in LFG via subsumption // M. Butt, T. King (eds.). Proceedings of LFG-06. Online Proceedings. 2006.
Williams 1980 – *E. Williams*. Predication // LIn. V. 11. 1980. № 1.
Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand*. Infinitives: Restructuring and clause structure. Berlin, 2001.
Wurmbrand 2004 – *S. Wurmbrand*. Two types of restructuring – Lexical vs. functional // Lingua. V. 114. 2004. № 8.

Сведения об авторе:

Дмитрий Сергеевич Ганенков
Институт языкознания РАН
d.ganenkov@gmail.com

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

© 2012 г. А.К. КАЗКЕНОВА, Р.У. АРЗИЕВ

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ ГЛАГОЛОВ С ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВОЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале русского и уйгурского языков)

Статья посвящена сопоставительному анализу грамматического освоения глаголов с заимствованной основой, функционирующих в русском и уйгурском языках. Установлены и описаны типичные соответствия между глаголами русского и уйгурского литературных языков. Для глаголов, имеющих одинаковую – иноязычную – основу, определены основные различия в характере и способах грамматического освоения, обусловленные, на наш взгляд, различиями в грамматическом строе русского и уйгурского языков и используемой номинативной «технике». В работе также затронут вопрос об освоении глагольных лексем в некодифицированных сферах сопоставляемых языков.

0. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Характер грамматического освоения иноязычных слов подчеркивает не только их индивидуальные особенности, но и специфику самой грамматической системы. В грамматической обработке заимствований – «чужого» языкового материала – проявляется грамматическое своеобразие языка.

Так, изучая освоение глаголов с заимствованной основой, мы можем обнаружить скрытое, но сильное воздействие принимающего языка. Особенно явственно это демонстрируют, на наш взгляд, сопоставительные исследования единиц разноструктурных языков (в нашем случае – русского и уйгурского[1]).

Глаголы в обоих языках должны грамматически адаптироваться: глаголы не могут быть использованы в речи, тем более не могут закрепиться в системе языка, если их форма не подчинена грамматическим законам языка. И если для тюркских языков (в частности уйгурского) эта закономерность выявляется и среди слов других частей речи, то в русском языке неосвоенные слова иноязычного происхождения довольно часто встречаются в области существительных и – реже – прилагательных.

Описание состава глаголов с иноязычной основой и их функционирования в русском и уйгурском языках интересно с разных точек зрения: 1. как возможность сопоставления иноязычного заимствования и его результатов в разных языках; 2. как возможность установления воздействия принимающей языковой системы на иноязычный материал: здесь выявляются, в отличие от п. 1, внутренние закономерности функционирования и развития этой языковой системы; 3. как возможность определения характера и интенсивности воздействия одного языка на другой (в данном случае русского на уйгурский) в сфере иноязычного заимствования.

Целью данной статьи является описание характера грамматического освоения глаголов с заимствованной (из того или иного европейского языка) основой в русском и уйгурском языках. Выбор глаголов с заимствованной из европейских языков основой

---

[1] В статье рассматриваются особенности уйгурского языка, функционирующего на территории Казахстана.

позволяет обнаружить разные пути и способы освоения одного и того же иноязычного материала в разных принимающих языках.

Сопоставление глаголов данной группы осуществлялось в следующей последовательности:

1. построение общей характеристики глаголов с заимствованной основой, функционирующих в русском языке;
2. установление типичных соответствий между глаголами указанной группы для русского и уйгурского языков;
3. определение способов и средств грамматического оформления глаголов с заимствованной основой в уйгурском языке;
4. подведение итогов на основе сопоставления результатов, полученных на 1-м и 3-м этапах анализа.

Целесообразность именно такой последовательности сопоставительного описания, на наш взгляд, обусловлена двумя причинами.

Во-первых, в количественном отношении глаголы с заимствованными из европейских языков основами существенно преобладают в русском языке. Эта особенность объясняется принадлежностью этих языков к разным культурно-языковым союзам (о культурно-языковых союзах см., в частности, [Вендина 1999: 46–47]). Если русский язык принадлежит к европейскому культурно-языковому союзу, где системообразующую функцию выполняют латинский и греческий языки, являющиеся, соответственно, главными источниками интернациональной лексики для языков данного союза, то уйгурский язык относится к мусульманскому культурно-языковому союзу, в котором указанная функция выполняется арабским и персидским языками.

Во-вторых, русский язык выступает в качестве языка-посредника при заимствовании глаголов из европейских языков как для уйгурского языка, так и для многих других тюркских языков, функционирующих на территории России и стран-участниц СНГ.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ С ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВОЙ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для предпринятого сопоставительного анализа глаголов в указанных языках важны следующие особенности глаголов в русском языке[2].

1. Для глаголов грамматическое освоение в русском языке имеет не просто обязательный характер, но приоритетность в процессе их адаптации к принимающей языковой системе. Так, среди обязательных примет освоения глагола отмечается «вхождение в систему спряжения русского глагола; …вхождение глагола в видовую систему русского глагола» [Авилова 1967: 7].

2. В русском языке сформировался целый комплекс специальных средств, служащих грамматическому освоению глаголов иноязычного происхождения: суффиксы *-ова-* (*штрафовать*, *вербовать*, *комплексовать*), *-ирова-* (*аргументировать*, *контролировать*, *маркировать*), *-изирова-* (*колонизировать*, *симпатизировать*, *конкретизировать*), *-изова-* (*характеризовать*, *легализовать*, *компьютеризовать*), *-фицирова-* (*диверсифицировать*, *фальсифицировать*). Причем суффиксы *-ирова-*, *-изирова-*, *-изова-* имеют иноязычное происхождение, появившись в результате соединения иноязычного суффикса со славянским суффиксом *-ова-* (см., например, [Авилова 1967]). Таким образом, в русском литературном языке сложились модели сочетаемости иноязычных основ с определенным кругом грамматических (глагольных) показателей (см. о «“взаимном тяготении” заимствованных слов и аффиксов» [Улуханов 2010: 180, 209]).

Однако отметим, что указанные суффиксы не только выполняют функцию грамматического оформления глаголов с заимствованной основой, но и участвуют в процессах образования производных глаголов в качестве обычных словообразовательных формантов (в том числе сочетаясь с исконно русскими основами), тем самым подтвер-

[2] Примеры выбраны из словарей [Крысин 2002; Тихонов 1985; ТСРЯ 2008].

ждая действие закона экономии языковых средств. При этом указанные суффиксы все же проявляют характерную «избирательность», сочетаясь по преимуществу только с непроизводными основами.

3. Глаголы, имеющие заимствованную основу, не однородны по своему составу: именно поэтому представляется некорректным обозначение «заимствованные глаголы» для рассматриваемой группы слов.

Так, в номинативно-деривационном аспекте они могут быть оценены как производные/непроизводные, мотивированные/немотивированные. Определение номинативно-деривационного статуса глагола производится с опорой на сравнение с иноязычным глаголом, а также с другими (соотносительными) заимствованными словами, функционирующими в русском языке. Однако важно подчеркнуть, что глаголы с заимствованной основой демонстрируют противопоставление отношений производности и мотивации по ряду параметров: объективности/субъективности, диахронности/синхронности, абсолютности/относительности (см. [Улуханов 2010; Жаналина 1998]). Регулярность использования суффиксов для грамматического оформления, наличие других заимствований с аналогичным корнем/основой оказывают влияние на статус слова в принимающем языке: заимствованный глагол может восприниматься как мотивированный элемент в системе русского языка[3], и, наоборот, глагол, образованный в русском языке из заимствованных морфем, может быть противопоставлен словам, состоящим из автохтонных морфем.

К собственно заимствованным глаголам могут быть отнесены единицы, выступающие в качестве непроизводных слов, основа которых ближе по своей структуре к иноязычному глаголу, нежели к тем или иным единицам принимающего языка. В таких глаголах суффиксы играют роль средств грамматического оформления иноязычной глагольной основы. Ср.: *лавировать*, *мелировать*, *форсировать*, *планировать* (‘плавно снижаться’) и т. д. Подобные глаголы фиксируются в словарях иностранных слов наряду с другими заимствованными словами, но не могут быть представлены в качестве производных единиц в словообразовательных словарях.

Расширение функциональной нагрузки суффиксов, служащих грамматическому освоению глаголов иноязычного происхождения, и естественный процесс образования производных от укрепившихся в русском языке заимствований обусловливают появление производных глаголов с заимствованной основой. Ср.: *планировать* (‘составлять план’), *ориентировать*, *детализировать*, *регрессировать*, *прогнозировать*, *фантазировать* и т. д. Такие глаголы воспринимаются как производные прежде всего потому, что их производящая основа является свободной, т. е. совпадает в своих границах с самостоятельными словами. Они попадают как в словари иностранных слов[4], так и в словообразовательные словари, но в последние – в качестве производных единиц.

По-видимому, только для данной группы глаголов с заимствованной основой справедливо следующее мнение: «...для современного языка характерно не столько заимствование иноязычных глаголов, сколько заимствование имен и образование уже в русском языке отыменных глаголов с заимствованной основой» [Авилова 1967: 18].

Хотелось бы обратить внимание на то, что производящие существительные, обладающие непроизводными (свободными) основами в силу своего иноязычного происхождения, могут относиться как к конкретным (*план – планировать*, *ориентир – ориентировать*, *деталь – детализировать*), так и к абстрактным именам (*регресс – регрессировать*, *прогноз – прогнозировать*, *фантазия – фантазировать*).

По-видимому, в последнем случае, когда глагол мотивируется именем действия, нарушается один из известных критериев определения мотивированного слова: «В парах

---

[3] О возможности вовлечения непроизводных по своей сути заимствований в зону мотивированных единиц см. [Улуханов 2010: 33].

[4] Ср. о «Толковом словаре иноязычных слов»: «Он содержит слова, состоящие из иноязычных морфем, представляющие собой реальные заимствования и интернационализмы (т. е. слова, существующие во многих языках), а также слова, созданные из иноязычных морфем в русском языке» [Крысин 2002: 6].

"глагол – существительное, обозначающее действие по этому глаголу"... независимо от количества вычленяемых в основах звуковых отрезков, мотивированным признается существительное, поскольку значение действия... является общим значением глагола... но не существительного» [РГ 1980: 133].

Кроме того, в русском литературном языке существует еще одна, весьма многочисленная, группа глаголов, которая характеризуется регулярной соотносительностью с именами действия, имеющими ту же заимствованную основу. Ср.: *ликвидировать – ликвидация*, *приватизировать – приватизация*, *саботировать – саботаж*, *девальвировать – девальвация*, *мигрировать – миграция* и т. д.

Однако, в отличие от предыдущей группы, к производным единицам такие глаголы отнести сложно – напротив, они квалифицируются как мотивирующие по отношению к существительным. Таким образом, соотношение этой части глаголов и имен действия с общей заимствованной основой полностью соответствует вышеупомянутому критерию.

В случае же, если имя действия образуется при помощи русского суффикса, вопрос о первичности / вторичности членов подобных пар решается однозначно: *рефинансировать – рефинансирование*, *тестировать – тестирование* и т. д.

Тем не менее в русский язык проникли такие «имена действия», которые не имеют соотносительных глаголов с той же заимствованной основой (ср.: *инфляция*, *аббревиация*, *экзекуция, маркетинг, менеджмент* и т. д.), что подчеркивает в целом большую самостоятельность заимствованных существительных, в отличие от обычных абстрактных имен, образованных в русском языке с помощью русских суффиксов.

На наш взгляд, глаголы и имена действия с заимствованной основой в ряде случаев выявляют возможность системного пересечения и нейтрализации внутриязыковой и межъязыковой мотивированности [Казкенова 2003].

4. Как видим, несмотря на необходимость адаптироваться к новой языковой среде, глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке обладают некоторыми специфическими признаками. При соблюдении минимума их грамматического освоения, в некодифицированных сферах использования языка (в первую очередь в просторечии и жаргонах) все же существует тенденция преодолеть такую исключительность. Это проявляется в расширении средств оформления заимствованных основ с помощью других глагольных суффиксов русского языка, «избыточном» заимствовании глаголов, разрушении типичной двувидовости глаголов с заимствованной основой.

А. Как было отмечено выше, грамматическое оформление глаголов в русском литературном языке осуществляется с помощью суффиксов *ова-*, *-ирова-*, *-изирова-*, *-изова-*, *-фицирова-*. В жаргонах, просторечии и т. д. распространены образования с общеупотребительными суффиксами, ср.: *ксерить*, *аудить*, *апгрейдить*, *пиарить* и т. д., ср. также «слова-гибриды» в языке эмигрантов третьей и четвертой волны (*биллать*, *драйвать*, *замельдоваться*, *путцить*) [Земская 2001: 121]. Можно сказать, что «нетипичные» суффиксы маркируют субстандартные глаголы иноязычного происхождения[5].

Б. Функционально-стилистический аспект использования глаголов также демонстрирует различия между разными формами существования языка. Так, Е.В. Маринова отмечает: «...субстандарт намного превзошел литературный язык по количеству заимствованных глаголов. Это связано с тем, что жаргон "охотно" принимает глаголы, называющие действия, для обозначения которых в литературном языке уже есть лексические единицы. Такие жаргонизмы, как *лукать* 'смотреть' (от англ. to look), *спикать* 'говорить' (от англ. to speak), *аскать* 'просить' (от англ. to ask) и т. п., составляют в молодежном жаргоне большую группу **эквивалентной** иноязычной лексики. Это совсем не свойственно литературному языку, в котором заимствованный глагол, даже при наличии синонима в языке-реципиенте, отличается от него семантическими или/и сти-

---

[5] Следует отметить, что известны отдельные случаи вхождения в литературный язык стилистически нейтральных глаголов с «нетипичными» для заимствованных глаголов суффиксами (*экономить*, *банкротить*, *хулиганить* и т. д.).

листическими оттенками; ср., например: *аудировать* (спец.) и *слушать*, *мелировать* и *окрашивать* и др.» [Маринова 2008: 25] (выделение автора).

Как представляется, появление подобных – «избыточных» – глаголов с заимствованной основой можно ожидать в первую очередь в тех сферах, где широко распространено двуязычие. Кроме того, такие глаголы нередко призваны выполнять людическую функцию в русской речи: они «создаются не столько для практической потребности… сколько для экспрессивного самовыражения говорящего, словесной игры, развлечения…» [Химик 2000: 84].

В. Если два предыдущих явления могут быть объяснены воздействием интенсивного двуязычия, то разрушение двувидовости – это, скорее, узуальная особенность русской речи: «В современном русском языке (часто вопреки кодификации) двувидовые глаголы демонстрируют тенденцию к обязательности не только контекстного, но и морфемного выражения видового значения, системно обусловленную самой природой категории вида русского глагола» [Ремчукова 2011: 186].

Разрушение двувидовости, как известно, идет по двум направлениям: имперфективации (с помощью суффиксов) – *легализовать / легализовывать* и гораздо более продуктивной перфективации (с помощью префиксов) – *лоббировать / пролоббировать*. Примечательно в этой связи то, что «сопоставление словарного описания и фактов реального употребления двувидовых глаголов в живой речи убеждает в том, что для большинства таких глаголов функционирование в значении СВ без префикса не более чем лексикографический миф» [Ремчукова 2011: 188].

Таким образом, в отличие от кодифицированного языка, другие сферы языкового существования в области глаголов с заимствованной основой демонстрируют, с одной стороны, усиление иноязычного влияния, с другой стороны, развитие других, альтернативных нормативному, способов его преодоления и «давление» грамматических сил русского языка, а именно разрушение двувидовости как некоей исключительной черты данной группы глаголов.

2. ТИПИЧНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ, УСТАНАВЛИВАЕМЫЕ МЕЖДУ ГЛАГОЛАМИ РУССКОГО И УЙГУРСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Глаголы, заимствованные русским языком из европейских языков (французского, английского, немецкого и др.), в уйгурском и других тюркских языках часто имеют этимологически и структурно отличные эквиваленты. Так, можно говорить о целом ряде альтернативных вариантов, противопоставляемых прямому заимствованию глаголов / глагольных основ в современном уйгурском языке.

Типичные соответствия между глаголами русского и уйгурского литературных языков, составленные с учетом особенностей как основы глагола, так и форманта / глагольного показателя, могут быть представлены следующим образом[6].

А. Глагол с заимствованной основой в русском языке – аналитический глагол в уйгурском языке: *арендовать – ижарigə алмақ* (букв. ‘аренду, наем брать/взять’), *анализировать – тəһлил қилмақ* (букв. ‘разбор, анализ делать/сделать’), *инструктировать – бəлгилимə бəрмək* (букв. ‘определение, указание давать/дать’) и т. д. В таких образованиях уйгурского языка первый компонент этимологически не соотносится с основой русского эквивалента, а вторую часть составляют вспомогательные глаголы *алмақ* (‘брать/взять’), *бəрмək* (‘давать/дать’), *қилмақ* (‘делать/сделать’) и некот. др.[7]

Б. Глагол с заимствованной основой в русском языке – описательный оборот в уйгурском языке: *концентрировать – бир йəргə жиғмақ* (букв. ‘в одно место собирать / собрать’), *деформировать – шəклини озгəртмək* (букв. ‘форму менять/изме-

[6] Уйгурские эквиваленты глаголам с заимствованной основой подбирались с опорой на [РУС 1956], а также на наблюдения над языком современных СМИ.

[7] Кроме того, в устной речи широко распространены конструкции «русский инфинитив + *қилмақ*».

нить'), *дотировать – ярдәм пули бәрмәк* (букв. 'на помощь деньги давать/дать')[8] и т. д. (о способах разграничения аналитических глаголов от описательных конструкций см., например, [Исенгалиева 1966]).

В. Глагол с заимствованной основой в русском языке – производный глагол в уйгурском языке: *приватизировать – хусусийлаштурмақ, комплектовать – толуқлимақ, стимулировать – рәғбәтләндүрмәк, конкурировать - риқабәтләшмәк* и т. д. Этот тип соответствия глаголов в анализируемых языках, как и в предыдущих случаях, демонстрирует использование собственной основы, но грамматическое оформление глагольной лексемы осуществляется с помощью аффиксов и аффиксальных комплексов: *-ла-/-лә-, -лаш-/-ләш-* (*ла/-лә-* – глаголообразующий аффикс, *-ш-* – аффикс взаимного залога), *-лаштур-/-ләштүр-* (*-ла/-лә-* – глаголообразующий аффикс, *-ш-* – аффикс взаимного залога, *-тур-/-түр-* – аффикс побудительного залога), *-ландур-/-ләндүр-* (*-ла-* – глаголообразующий аффикс, *-н-* – аффикс возвратного залога, *-дур-/-дүр-* – аффикс побудительного залога).

Г. Глагол с заимствованной основой в русском языке – лексико-семантический вариант многозначного глагола в уйгурском языке. Сопоставление глаголов в русском и уйгурском языках показывает определенные различия в используемой в данных языках номинативной «технике». Если в русском языке идет расширение лексического запаса за счет новых форм (в том числе заимствованных), т. е. актуализируются словообразование и иноязычное заимствование, то в уйгурском заметную роль играет также развитие многозначности имеющихся глаголов. Как нам представляется, в предыдущих случаях А, Б, В, демонстрирующих использование иных способов оформления глаголов в уйгурском языке, также имело место расширение семантики производящей основы. Отчасти такое развитие многозначности как альтернатива прямому заимствованию имеет пуристическое объяснение.

По сути, детализации процессуального признака в русском языке, осуществляемой каждым вновь вводимым глаголом, в том числе и глаголами с заимствованной основой, противопоставляется расширение экстенсионала глагола-гиперонима в уйгурском языке. Ср.: *исправлять / исправить, корректировать, ремонтировать - жөндимәк; изменять / изменить, реформировать, трансформировать – өзгәртмәк; объединять / объединить, интегрировать, консолидировать – бирләштүрмәк* и т. д.

Д. Глагол с заимствованной (европейской) основой в русском языке – глагол с заимствованной (арабской/персидской) основой в уйгурском языке. Ср.: *политизировать – сәясийләштурмәк, эксплуатировать – пайдиланмақ* и т. д.

Это соотношение обусловлено вхождением анализируемых языков в разные культурно-языковые союзы (см. об этом выше).

Е. Глагол с заимствованной (европейской) основой в русском языке – глагол с заимствованной (европейской) основой / именной частью в уйгурском языке. Ср.: *телефонизировать – телефонлаштурмақ, планировать – планлимақ, систематизировать – системилаштурмақ, стагнировать - стагнация қилмақ* и т. д.

Заимствование глаголов с основой, восходящей к словам из европейских языков, в уйгурском языке в условиях казахстанской действительности осуществляется через посредничество русского языка. Безусловно, нельзя игнорировать и влияние глобализационных процессов в современном мире.

В группе Е особенно много новых глаголов. Этим подтверждается тот факт, что нормализаторская деятельность всегда отстает от речевой практики (в данном случае можно говорить об отсутствии в уйгурском языке собственных сформировавшихся вариантов, способных конкурировать с заимствованиями), в то время как иноязычное заимствование как способ номинации отличается оперативностью и экономностью.

---

[8] Буквальный перевод аналитических глаголов и описательных оборотов с уйгурского языка на русский в группах А и Б осуществлялся с опорой на [Наджип 1968].

Следует отметить, что в некоторых случаях речь может идти о сосуществовании разных структурных вариантов в уйгурском языке: *гармонизировать – уйгунлаштурмақ / мувапиқ қилмақ*, *декларировать – баян қилмақ / жакалимақ*, *экспортировать – экспорт қилмақ / чәт әлгә мал чиқармақ* и т. д.[9]

3. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ГРАММАТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВОЙ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

При полном/частичном совпадении основ (см. выше п. 2, группу Е) наблюдается тем не менее разнообразие в способах грамматического оформления глагольных лексем в уйгурском языке. Так, обнаруживаются описательные конструкции: *номинациягә намзат болмақ* 'номинировать', *лимит бәлгүлимәк* 'лимитировать'; аналитические глаголы: *девальвация қилмақ* 'девальвировать', *пикет қилмақ* 'пикетировать'; производные глаголы: *автоматлаштурмақ* 'автоматизировать', *синтезлимақ* 'синтезировать'. По нашим наблюдениям, среди представленных способов особенно продуктивным является аналитический способ, получающий свою реализацию в модели «именная часть + вспомогательный глагол *қилмақ*».

В ходе сравнения этих образований с вышеуказанными группами А, Б, В, Д, где глаголы имеют иное, нежели в данном случае, происхождение, выявляются общие принципы грамматического оформления глагольных основ. Агглютинативный строй уйгурского языка определяет «легкость» грамматического освоения заимствования: аффиксы-прилепы способны одинаково легко присоединяться не только к основе уйгурского, но и заимствованного слова. Таким образом, в отличие от русского литературного языка, уйгурский язык имеет единый, универсальный для всех глагольных основ вне зависимости от их этимологии, тюркский по своему происхождению[10], набор средств частеречного оформления.

Надо отметить, что интерес представляют не только средства оформления глагольной семантики, используемые в уйгурском языке, но и сами основы, принципы их сочетаемости с частеречными показателями.

В аналитических и описательных образованиях первый компонент, как правило, представлен именем существительным: *капитализация қилмақ* 'капитализировать', *лимит бәлгүлимәк* 'лимитировать', крайне редко именем прилагательным: *продюсерлиқ қилмақ* 'продюсировать'.

Имя существительное в качестве первого компонента в аналитических образованиях выступает в функции грамматически неоформленного винительного падежа: *реструктуризация қилмақ* 'реструктуризировать', см. также вышеприведенные примеры. В описательных оборотах могут использоваться и грамматически оформленные падежные формы, например, дательно-направительный падеж в следующих конструкциях: *номинациягә намзат болмақ* 'номинировать', *мутациягә учримақ* 'мутировать'.

Если говорить о характере имени существительного – составного компонента аналитических и описательных образований, то обращает на себя внимание то, что это заимствованные через посредничество русского языка (о чем свидетельствует их начальная форма) абстрактные имена существительные. Примечательно, что аналитические глаголы и описательные обороты уйгурского языка в этом плане противопо-

---

[9] В статье не рассматривается заслуживающий особого внимания вопрос об использовании различных номинативных средств в родственных (например тюркских) языках, об их взаимном номинативном влиянии.

[10] Как отмечает М.Д. Ахмедов относительно глагольных сочетаний с именным компонентом арабского происхождения в азербайджанском языке, «устойчивые глагольные сочетания с начальным компонентом нетюркского, в том числе и арабского, происхождения не были первичными образцами аналитических глаголов, образованных по конструкции "имя + глагол"» [Ахмедов 1990: 11].

ставляются глагольным лексемам русского языка, но вполне сопоставимы с номинализованными конструкциями русского языка, включающими в свой состав абстрактные имена существительные и «пустые» глаголы (ср.: *осуществлять контроль*, *принимать участие*).

В случаях, когда имя прилагательное выступает в качестве первого компонента, наблюдается мена суффиксов в ходе их грамматического освоения, ср.: *продюсер-ск(ий)* – *продюсер-лиқ*.

В синтетических формах производящая основа также является именной, ср.: *телефонлаштурмақ* 'телефонизировать', *компьютерләштурмәк* 'компьютеризировать', *идеологияләштурмәк* 'идеологизировать', *абстракцияләндурмәк* 'абстрагировать', *лицензиялимәк* 'лицензировать' и т. д.

Анализ глаголов с заимствованной (европейской) основой, функционирующих в уйгурском языке, показывает, что они являются очевидными (благодаря четкости морфемных швов) результатами словообразования на основе заимствованных ранее из русского языка как языка-посредника иноязычных имен существительных и прилагательных. Особенно отчетливо это проявляется при сопоставлении единиц уйгурского и русского языков, ср.: *демократияләштурмәк* и *демократизировать*, *идеологияләштурмәк* и *идеологизировать*, *сертификациялимәк* и *сертифицировать* и т. д.

Таким образом, помимо универсальности средств частеречного оформления глаголов в уйгурском языке, обращает на себя внимание и то, что соотношение глаголов с заимствованной основой и именами действия в уйгурском языке имеет несколько иной, нежели в русском языке, характер: регулярно проявляется направление словообразовательного процесса от имени, обозначающего отвлеченное действие, к глаголу (показательны в этом плане глаголы, образованные от существительных на *-ия*, *-ация*, *-ция* и т. д.).

4. ВЫВОДЫ

1. Обязательное грамматическое освоение глаголов с заимствованной основой как в русском языке, так и в уйгурском подчеркивает универсальную особенность глагольных слов вне зависимости от типологических особенностей языков. Если парадоксальная на первый взгляд во флективном языке (например в русском) грамматическая неосвоенность существительных и прилагательных компенсируется синтаксически за счет имеющегося избыточного (дублирующегося) выражения грамматических значений рода, числа, падежа, то для глаголов эта избыточность исключается в силу специфичности глагольных грамматических значений.

Тем не менее русский и уйгурский языки демонстрируют разные принципы и способы грамматического освоения глаголов иноязычного происхождения.

2. Описание состава аффиксов показывает, что в русском литературном языке суффиксы глагола, наряду с самой заимствованной основой, сигнализируют об их иноязычном происхождении. В уйгурском литературном языке используется общий для всех глаголов комплекс глагольных аффиксов. Однако можно отметить особую актуальность модели «именная часть + вспомогательный глагол *қилмақ*» при оформлении глаголов с заимствованной основой.

В целом в агглютинативных языках отсутствуют жесткие грамматические препятствия системы, которые имеются в русском языке и которые служат некоторым естественным барьером для излишнего наплыва иноязычных слов. Соответственно, характер грамматического освоения в уйгурском языке оправдывает в определенной степени пуристические тенденции, отмеченные выше, а относительная «открытость» русского литературного языка внешним заимствованиям и относительная «закрытость» уйгурского литературного языка получают своеобразное грамматическое «оправдание».

В статье был показан ряд альтернативных вариантов, противопоставляемых в уйгурском языке прямому заимствованию глаголов / глагольных основ.

3. Различия в номинативно-деривационном статусе глаголов в языках выявляют также различия в грамматическом строе языков и в используемой номинативной «технике». Так, в русском языке статус глаголов с заимствованной основой может оцениваться по-разному: глагол может квалифицироваться как заимствованный или производный.

В уйгурском языке глаголы однозначно относятся к сфере производных единиц. Гораздо шире, чем в русском языке, распространены модели образования глаголов от заимствованных существительных, обладающих абстрактным значением.

4. Грамматическое освоение глаголов с заимствованной основой в обоих языках демонстрирует противопоставление кодифицированной формы существования языка и других, некодифицированных, сфер.

Этим сферам может быть свойственна более высокая интенсивность как иноязычного заимствования, так и освоения иноязычного материала. В частности, при этом не только возрастает количество глаголов с заимствованной основой, но и меняется характер этого процесса.

Так, в русском просторечии, жаргонах и разговорной речи существует тенденция преодолеть известную обособленность глаголов иноязычного происхождения, что проявляется в их морфемном составе, функционально-стилистических особенностях, ограничении двувидовости.

Для уйгурского просторечия характерно более свободное использование глаголов с иноязычными основами, нежели в литературном языке. В этом случае используется модель, совсем не характерная для литературного языка и воспринимаемая как нарушение культуры речи: «русский инфинитив + *қилмақ*» (т. е. возможно не только *модернизировать қилмақ*, но и *звонить қилмақ*). Как мы отметили, здесь в первую очередь сказывается влияние русского языка в казахстанском коммуникативном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова 1967 – *Н.С. Авилова.* Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой) М., 1967.

Ахмедов 1990 – *М.Д. Ахмедов.* Устойчивые глагольные сочетания с именным компонентом арабского происхождения в азербайджанском языке (на материале памятников XIII–XVIII вв.): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Баку, 1990.

Вендина 1999 – *Т.И. Вендина.* Введение в языкознание. Учебное пособие. М., 1999.

Жаналина 1998 – *Л.К. Жаналина.* Сопоставительное словообразование русского и казахского языков. Алматы, 1998.

Земская 2001 – *Е.А. Земская.* Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. № 1.

Исенгалиева 1966 – *В.А. Исенгалиева.* Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка (производные глаголы синтетического и аналитического образования). Алма-Ата, 1966.

Казкенова 2003 – *А.К. Казкенова.* Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // ВЯ. 2003. № 5.

Крысин 2002 – *Л.П. Крысин.* Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд. М., 2002.

Маринова 2008 – *Е.В. Маринова.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования: Автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2008.

Наджип 1968 – *Э.Н. Наджип.* Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

Ремчукова 2011 – *Е.Н. Ремчукова.* Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011.

РГ 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1.

РУС 1956 – Русско-уйгурский словарь / Под. ред. Т. Рахимова. М., 1956.

Тихонов 1985 – *А.Н. Тихонов.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

ТСРЯ 2008 – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2008.
Улуханов 2010 – *И.С. Улуханов.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
Химик 2000 – *В.В. Химик.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Сведения об авторах:

Аимгуль Каирбековна Казкенова
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
akaz76@mail.ru

Руслан Уйгурович Арзиев
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
ruslanarziyev@gmail.com

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2012

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е.Л. Рудницкая. **Спорные вопросы корейской грамматики: Теоретические проблемы и методы их решения.** М.: Восточная литература, 2010. 296 с.

Хорошо известно, что многие формальные синтаксические теории разрабатывались в первую очередь на материале германских, романских и славянских языков. Что касается языков других групп и семей, по-видимому, не будет преувеличением сказать, что после языков индоевропейской семьи с формальной точки зрения наиболее подробно изучен синтаксис японского и корейского языков. В особенности велико число исследований корейского синтаксиса, написанных в рамках различных направлений генеративной грамматики. Активное накопление фактов и предлагаемых вариантов анализа приводит к тому, что многие важные проблемы не всегда успевают осмысляться лингвистами, не занимающимися непосредственно указанными языками, и довольно часто рассматриваются изолированно друг от друга.

В свете этого необходимо отметить появление монографии Е.Л. Рудницкой «Спорные вопросы корейской грамматики», представляющей собой критический обзор существующих исследований по корейскому синтаксису в сочетании с элементами оригинального анализа. В трех главах монографии рассматриваются аспекты грамматики корейского языка, вызывающие серьезные разногласия между специалистами: свойства грамматических показателей в связи с проблемой границ словоформы, подлежащее и подлежащные свойства, стратегии кодирования коммуникативных категорий, подъем субъекта из сентенциального актанта, функции конвербов с нарративной семантикой, скалярные конструкции и конструкции с эвиденциальным значением. Перечисленные проблемы анализируются с различных теоретических позиций: формальный синтаксический подход (вариант минималистской программы [Chomsky 1995]), описание семантики конструкций в духе работ Московской семантической школы и функционально-типологический подход. В ходе разбора существующих исследований Е.Л. Рудницкая уточняет аргументы и выводы авторов исходя из собственного материала, собранного при работе с носителями корейского языка. Кроме того, автор рассматривает некоторые явления, ранее не анализировавшиеся с такой степенью подробности в работах по синтаксису корейского языка.

Первая глава книги посвящена проблеме границы словоформы. Как известно, в корейском языке, как и в других агглютинативных языках, многие критерии, различающие аффиксы и клитики, входят в противоречие; в частности, грамматические показатели могут занимать в словоформе позицию после так называемых выделительных частиц. Автор рассматривает именные и глагольные грамматические показатели корейского языка, привлекая тесты, предложенные в рамках различных теоретических парадигм ([Zwicky 1985; Lapointe 1996; Плунгян 2009; Franks, King 2000] и др.): ограничения на сочетаемость (по частям речи), возможность групповой флексии, морфонологические чередования, семантическая связанность, участие в синтаксических процессах, позиция в словоформе; а также тесты, выделяющие фразовые аффиксы: способность оформлять группу словоформ (например, при сочинении), способность присоединяться к другим словоформам в составе рассматриваемой группы (например, способность падежного аффикса присоединяться к зависимым в составе именной группы), способность дублироваться в сочинительной конструкции, позиция на границе составляющей. В результате рассмотрения данных критериев автор убедительно показывает правомерность

анализа именных и глагольных показателей корейского языка в терминах «фразовых» (т. е. групповых) аффиксов.

Исходя из перечисленных критериев автор показывает бóльшую степень автономности именных аффиксов в корейском языке в сравнении с глагольными и рассматривает различные варианты формального анализа именной и глагольной форм. Сравнивая три подхода к формальному представлению словоформы – анализ в терминах грамматики порядков (статическая модель словоформы, где каждый аффикс имеет строго определенную позицию), лексикалистский подход (см. [Sells 1995]) и анализ в терминах дерева составляющих, – автор обосновывает анализ корейской словоформы в виде дерева составляющих, где каждый аффикс занимает отдельную вершину в синтаксической структуре. Такой анализ позволяет объяснить явления, представляющие проблему для лексикалистского подхода и грамматики порядков, в частности возможную вариативность в порядке следования морфем (например, различные позиции дистрибутивной морфемы *-tul*, аффикса инструменталиса и выделительной частицы *-man* и др.; кроме самой вариативности, требуется также объяснить тот факт, что словоформы с разным порядком последних двух элементов (друг относительно друга) имеют различную семантику). Все три подхода, однако, сталкиваются со следующими проблемами: многие корейские аффиксы полифункциональны и, следовательно, не могут быть привязаны к конкретным позициям или вершинам в дереве. Кроме того, именные показатели могут подвергаться опущению (например: *John-i nwukwu-**hako** nolassni? – Mali-**Ø** / Mali-**hako***. '**С** кем играл Иван? – **С** Марией', с. 46).

Во второй главе автор рассматривает центральную проблему корейского синтаксиса – проблему выделения подлежащего (см. [Li, Thompson 1976]). Как известно, в корейском языке (как и в японском) существует два структурных типа именных групп, которые могли бы претендовать на статус подлежащего, – это именные группы с показателем топика *-nun* и именные группы с показателями именительного падежа *-i/-ka*. Оба типа именных групп могут занимать начальную позицию в предложении, контролировать глагольное согласование и рефлексивизацию, быть мишенью подъема в главную клаузу. Однако существует ряд аргументов против анализа обсуждаемых показателей в терминах подлежащего: например, показатель топика может оформлять именные группы в косвенном падеже; показатель именительного падежа может оформлять две именные группы в составе одной клаузы – в конструкциях с так называемым подъемом посессора (аналог русских конструкций вида *У Маши глаза большие*). В монографии суммируются различные критерии выделения подлежащего, предлагаемые в формально-синтаксических и типологических исследованиях (контроль согласования, сочинительного сокращения, рефлексивизации, подъем в главную клаузу, начальная позиция в предложении, трансформация в нулевой субъект нефинитной клаузы). Показана необходимость особой трактовки для корейского языка признака «контроль глагольного согласования» (согласование по категории вежливости), который во многих языках считается релевантным для обсуждаемого вопроса [Тестелец 2001: 322]: в корейском возможно согласование с дативными именными группами, которые не удовлетворяют остальным критериям подлежащего; в силу этого данный критерий должен применяться «за вычетом» дативных именных групп. Далее, показана неприменимость признаков «копирование показателя множественного числа *-tul*» (при дистрибутивном значении глагола, см. обсуждение данного признака как потенциального критерия определения подлежащего в русском в [Там же: 334–336]) и «возможность трансформации в нулевой субъект в нефинитном обороте».

В результате анализа обсуждаемых критериев автор приходит к следующим выводам. По релевантным признакам конструкции с показателем топика распадаются на следующие три типа: топик при подъеме посессора, топик с показателем косвенного падежа и все остальные случаи употребления данного показателя. В первом типе конструкций топик удовлетворяет всем выделенным в работе подлежащным критериям и интерпретируется как «квазиподлежащее» (данные именные группы не контролируют сочинительное сокращение; глагольное согласование с такими именными группами возможно, но необязательно). Второй тип конструкций, напротив, не удовлетворяет указанным критериям. В третьем типе конструкций не соблюдаются критерии начальной позиции, подъема субъекта и контроля рефлексивизации. Остальным критериям, однако, данная конструкция удовлетворяет. Таким образом, с точки зрения подлежащного статуса эта конструкция является проблемной.

Именные группы с именительным падежом также способны иметь различные синтаксические свойства: имена в косвенных падежах, присоединяющие показатель именительного в функции контраста, не обладают свойствами подлежащего. Во всех остальных случаях существительные с именительным падежом в полной мере обладают подлежащными свойствами.

Описываемые конструкции последовательно рассматриваются не только с точки зрения синтаксических критериев выделения под-

лежащего, но и с точки зрения семантики и прагматики. Автор проводит подробный анализ всех основных конструкций, допускающих показатели топика и именительного падежа: кроме случаев транзитивной клаузы с агентивным глаголом, рассматриваются также экспериенциальные предложения, предложения с именным сказуемым различных типов (характеризующие, бытийные, посессивные и др.), а также конструкции с именительным падежом при так называемом подъеме посессора и при косвенных дополнениях для обозначения контраста. Перечисленные типы конструкций анализируются в контекстах высказываний с различной информационной структурой.

Анализируя функциональное распределение показателей топика и именительного падежа, а также синтаксические ограничения на их употребление, автор приходит к решению о необходимости постулировать две различные позиции для грамматического подлежащего и топика. Такое решение близко концепции [Yoon 2004] о противопоставлении синтаксических позиций грамматического подлежащего (именная группа в именительном падеже) и главного подлежащего (major subject, именная группа с показателем топика) в корейском.

Предложенный анализ крайне интересен, однако остается неясным, какое развитие может получить постулирование двух позиций для других разделов грамматики, в особенности с точки зрения формальной парадигмы, выбранной в качестве основной. В частности, автор показывает, что оба падежных показателя – именительный и показатель топика – могут опускаться в устной речи при эллипсисе. Возникает вопрос, как такое явление может трактоваться в терминах различных синтаксических позиций для именных групп, оформленных и не оформленных падежом. Не вполне понятно также, как могут анализироваться конструкции с подъемом посессора (и посессор, и обладаемое в таких конструкциях оформляются именительным падежом) при наличии в клаузе единственной позиции для грамматического подлежащего в именительном падеже. Далее, для ряда конструкций, как указывает автор, при одной и той же именной группе может быть выбран как показатель именительного падежа, так и показатель топика (в зависимости от коммуникативного фактора): например, агенс при двухвалентном агентивном глаголе, экспериенцер и стимул при двухвалентном экспериенциальном глаголе. Конструкция с подъемом посессора имеет в корейском эквивалент в виде именной группы с посессором в родительном падеже. Такой набор возможностей при выборе падежа в рамках формального подхода требует объяснения в терминах различных позиций, куда передвигается обсуждаемая именная группа, и специальных признаков, вызывающих такое передвижение. В книге, однако, не делается попытки эксплицитно описать такие передвижения и вызывающие их признаки.

Высказанное замечание является частью более общего соображения относительно анализа, предлагаемого автором. Безусловное достоинство работы – использование различных теоретических подходов – довольно часто делает проблематичным принятие того или иного решения. Если семантические или функциональные соображения противоречат тому или иному синтаксическому анализу, это служит серьезным аргументом в типологически или функционально ориентированном описании, однако это не всегда в той же мере релевантно для теории минимализма – именно так обстоит дело, например, с тем фактом, что показатель топика в конструкциях с двухместными глаголами и с предикатами состояния имеет различную семантику. И наоборот, для функциональной типологии и описательной грамматики корейского языка нерелевантны многие системные теоретические соображения, лежащие в основе минимализма, – например, запреты на полисемию показателей или вариативность их порядка (для описания данных явлений в формальной теории приходится постулировать различного рода передвижения). Пытаясь примирить рассматриваемые подходы, автор стремится руководствоваться аргументами и первого, и второго типа, что иной раз приводит к несбалансированности суждений. В частности, оспаривая в разделе 3.2 третьей главы трактовку корейских количественных конструкций в терминах передвижения в позицию фокуса, а затем в позицию топика (анализ, предложенный в [Jung 2004]), автор апеллирует к автономности механизма передвижений от коммуникативного членения предложения. Однако согласно представлению исследователей, постулировавших «функциональные проекции» топика и фокуса, данные позиции вводятся специально для отражения коммуникативного членения (см. [Rizzi 1997; Radford 2006: 209–215]). Таким образом, критикуя предложенный анализ, автор руководствуется предпосылками, которые отсутствуют у исследователей, работающих в рамках минимализма.

Далее, доказывая биклаузальность так называемых конструкций с контрактурой (т. е. конструкций со значением косвенного источника информации, где глагол речи редуцирован до суффиксов времени и наклонения), автор апеллирует к семантике данных конструкций. На с. 242 утверждается, что, поскольку у конструкции сохраняется имплицитное значение ‘говорить’, в синтаксической структуре следует восстанавливать глагол речи. Как представ-

лятся, такой аргумент не может быть принят ни в формальной модели, используемой в работе, ни в функциональном подходе. Семантика конструкции не является аргументом в пользу биклаузальности, например, в формальных работах по каузативам, модальным и фазовым глаголам (restructuring verbs, т. е. глаголы, которые образуют конструкции с моноклаузальными свойствами) [Cinque 1999; Wurmbrand 2001]. Типологами также активно обсуждаются конструкции, где модальные или эвиденциальные значения передаются не в составе полипредикации (типа *Он сказал, что он придет*), а аффиксами или аналитическими конструкциями. Например, в арчинском языке [Daniel 2007] зафиксирован суффикс косвенной речи, по некоторым свойствам похожий на корейскую конструкцию (например, данный суффикс, как и в корейском, может вводить собственный аргумент, указывающий на источник информации), однако по ряду свойств эта конструкция все же является моноклаузальной.

Третья глава «Отдельные вопросы семантики и прагматики корейского (в сопоставлении с русским)» более разнородна по проблематике. Ее первый раздел (3.1) посвящен сопоставительному исследованию корейских конвербов (деепричастий) и русских сочинительных и противительных союзов. Как известно, конвербы в алтайских языках формируют конструкции, которые не всегда однозначно характеризуются в терминах дихотомии «сочинение – подчинение» (см., например [Foley, Van Valin 1984; Culicover, Jackendoff 1997]). Исходя из синтаксических критериев сочинения и подчинения одни и те же конструкции в ряде языков способны одновременно демонстрировать и сочинительные, и подчинительные свойства. Наибольшим количеством сочинительных свойств чаще всего обладают «простые» конвербы (в терминологии [Nedjalkov 1995]), имеющие достаточно широкий набор функций: такие формы могут обозначать последовательность ситуаций в нарративе, одновременность ситуаций, нарушенное ожидание, в более широком контексте – причину, условие и др. Таким образом, речь идет о конструкциях, которые являются функциональным аналогом европейских сочинительных союзов: как известно, сочинительные союзы в языках европейского стандарта также способны развивать значения причины, условия и др., типичные для «подчинительных» союзов (например: *Я опоздал, и билеты пропали*; см. подробнее [Санников 2008: 284–294]). Сочинительные синтаксические свойства такого рода форм в той или иной мере отражают их широкую семантику. В связи с этим крайне интересны работы, в которых изучение синтаксических критериев сочинения и подчинения сопровождается подробным семантическим анализом конверба или союзного средства. Однако в силу широкого функционального потенциала таких форм их распределение обычно трудно охарактеризовать прозрачным образом. Такая характеристика требует достаточно детального семантического анализа, который, как правило, не проводится в синтаксических работах по сочинению и подчинению. Анализ Е.Л. Рудницкой восполняет данную лакуну относительно корейского языка. В настоящей книге автор приводит анализ семантики конвербных показателей корейского языка, которые образуют полипредикативные конструкции со свойствами сочинения (см. также [Рудницкая 1997; Rudnitskaya, Uryson 2008]). Сопоставляя значения корейских конвербных показателей со значениями русских союзов *и*, *а*, *но* и используя при этом понятийный аппарат Московской семантической школы, автор объясняет их распределение и формулирует ограничения на их употребление.

Второй раздел (3.2) содержит анализ корейских скалярных конструкций – конструкций с числительными, квантификаторами и прилагательными, выражающими меру и степень. В ряде языков данные конструкции представляют интерес для синтаксического анализа, так как довольно часто неочевидно, что является вершиной количественной группы – квантификатор или имя. Такими проблематичными случаями являются, например, русские конструкции с числительными (по-видимому, числительное управляет существительным в конструкции *семь студентов*, но не в косвенных падежах *о семи студентах*; см. [Мельчук 1985; Corbett 1993] и др.), нумеративные конструкции вида «ведро яблок» в уральских и тюркских языках и т. п. В корейском языке конструкции с числительными обычно содержат классификаторы, грамматикализовавшиеся из полнозначных имен. Числительное с классификатором может находиться как перед существительным, так и после него; в последнем случае показатель падежа присоединяется не к существительному, а к классификатору. Таким образом, для конструкций второго типа возможны следующие трактовки: (1) классификатор является вершиной, и следовательно, оформляется падежом, (2) имя является вершиной, а падежный аффикс после классификатора интерпретируется как фразовый (находясь в крайней правой позиции, он модифицирует всю группу). В корейском также возможен третий тип конструкций, где и классификатор, и имя оформляются показателем падежа. Критикуя анализ данных трех типов конструкций в работах [Nakanishi 2004] и [Jung 2004], Е.Л. Рудницкая обосновывает анализ количественных групп как nP/NcLP, т. е. группы классификатора; квантифицируемое

имя при этом находится в позиции комплемента нумеративной группы. Изменения в линейном порядке имени и классификатора объясняются в терминах передвижений.

Третий раздел (3.3) посвящен цитативным эвиденциальным конструкциям в корейском языке в сопоставлении с русским. Рассматриваются так называемые конструкции «с контрактурой» – конструкции, в которых глагол речи опущен, однако остаются суффиксы времени и наклонения, которые он присоединял бы. Иными словами, зависимый глагол оформляется показателями времени и наклонения, затем следуют показатели времени и наклонения, относящиеся к опущенному глаголу речи; сам глагол речи отсутствует. В этих конструкциях может возникать субъект речи, маркированный показателем топика. Как показывает Е.Л. Рудницкая, такие конструкции обладают различными свойствами в настоящем и прошедшем времени: в прошедшем времени они демонстрируют бóльшее количество биклаузальных свойств. В частности, в прошедшем времени (но не в настоящем) допускается 1) наречие, семантически модифицирующее глагол речи, а не вложенный предикат, 2) именная группа, обозначающая адресата речи (т. е. опущенный глагол речи может иметь собственный аргумент – адресат). Автор предлагает для данных конструкций различный синтаксический анализ: конструкция в настоящем времени анализируется как моноклаузальная, а конструкция в прошедшем времени – как биклаузальная.

Не оспаривая правильности выводов автора, тем не менее выскажем несколько замечаний по конкретным критериям, использованным в данном разделе. Не вполне понятно, почему аргументом против биклаузальности автор считает невозможность присоединять отрицание, относящееся к глаголу речи ('Не говорят, что P'; с. 246). Как справедливо отмечается здесь же, корейские конструкции с опущенным глаголом речи могут быть сопоставлены по своим свойствам с русскими парентетическими конструкциями (*как ему кажется*, *как он думает* и т. п.), которые не могут содержать отрицание (**как ему не кажется*, **как он не думает*, см. [Апресян 1995; Падучева 1996]). Невозможность отрицания в приведенных примерах объясняется тем, что такие парентетические клаузы передают чужое мнение, с которым согласен говорящий [Падучева 1996]. Как отмечает Е.Л. Рудницкая, корейские конструкции функционально параллельны парентетическим конструкциям в русском. Следовательно, невозможность отрицания в корейском можно было бы объяснить семантическим ограничением (как и в русском), ничего не говорящим о моно/биклаузальности конструкции.

И наоборот, аргументом в пользу биклаузальности корейской конструкции с опущенным глаголом речи автор считает способность зависимого глагола выступать в форме повелительного наклонения. Не вполне ясно, однако, почему в данном случае способность выступать в различных наклонениях должна служить синтаксическим критерием, позволяющим судить о количестве клауз. При грамматикализации цитативного показателя (например, в дагестанских языках, см. [Daniel 2007]) и при цитативных частицах (например, русск. *Ты, мол, сам иди и выясняй*), равно как и при наличии главной предикации с глаголом речи (*Он сказал, мол, не забудь мне позвонить*) в зависимой клаузе возможно использование косвенных наклонений для выражения значения побуждения. При этом едва ли подобные конструкции можно считать биклаузальными с точки зрения синтаксиса.

Для доказательства моно/биклаузальности рассмотренных корейских конструкций можно было бы также использовать следующие критерии: возможность двух временных обстоятельств с различной семантикой (например, *Вчера говорили, что сегодня будет выходной*), ограничения на антецедент рефлексива (в том случае, если в корейском такой тест релевантен); возможность двух именных групп с одинаковым падежным оформлением (например, возможность двух имен с показателем топика, из которых одно бы отсылало к субъекту речи, а второе было бы аргументом вложенного предиката, или же возможность двух имен в дативе – адресата речи и бенефактивного аргумента при вложенном предикате).

Как можно видеть, монография Е.Л. Рудницкой содержит ценные теоретические обобщения и новый материал по всем названным выше темам. Проблемы, которые затрагиваются автором, не раз обсуждались в различных исследованиях (прежде всего, проблемы границы словоформы и позиции подлежащего, вопрос о кодировании коммуникативных категорий в корейском). Однако многие свойства анализируемых конструкций ранее рассматривались в отрыве от других компонентов грамматики. Настоящая книга представляет особую ценность, так как автор предлагает системный подход к явлениям, вызывающим полемику у представителей различных теоретических подходов. Обобщая данные и выводы, представленные в грамматиках и специальных исследованиях, Е.Л. Рудницкая восполняет лакуны собственными данными, полученными в ходе работы с носителями языка. Результаты, к которым приходит автор, релевантны как для синтаксической теории, так и для описания синтаксиса корейского языка. Важно подчеркнуть, что в книге все изучаемые конструкции рассматриваются с различных позиций: с точки зрения синтаксической структуры, типологической перспективы и

семантики. Мотивируя те или иные выводы, автор стремится учитывать все три подхода; таким образом, принимаемые решения не являются механическими или внутренне-теоретическими (theory-internal), а обосновываются с точки зрения синтаксических и семантических свойств, а также с позиций общего представления об устройстве и семантике близких по свойствам конструкций в других языках.

В книге рассматриваются центральные проблемы морфологии и синтаксиса корейского языка, вызывающие полемику как в отношении корейского и японского, так и для многих неродственных им языков. В силу этого, монография представляет интерес для широкого круга читателей, работающих в рамках различных лингвистических парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1995 - *Ю.Д. Апресян.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.

Мельчук 1985 – *И.А. Мельчук.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.

Падучева 1996 – *Е.В. Падучева.* Коммуникативный статус вводных предложений // Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Плунгян 2009 - *В.А. Плунгян.* Общая морфология. Введение в проблематику. 3-е изд. М., 2009.

Рудницкая 1997 - *Е.Л. Рудницкая.* Проблема алтайского сочинения в корейском языке // ВЯ. 1997. № 6.

Санников 2008 - *В.З. Санников.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Chomsky 1995 - *N. Chomsky.* The minimalist program. Cambridge, 1995.

Cinque 1999 – *G. Cinque.* Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. Oxford, 1999.

Corbett 1993 – *G.G. Corbett.* The head of Russian numeral expressions // G.G. Corbett, N.M. Fraser, S. McGlashan (eds.). Heads in grammatical theory. Cambridge, 1993.

Culicover, Jackendoff 1997 – *P.W. Culicover, R. Jackendoff.* Semantic subordination despite syntactic coordination // LIn. 1997. V. 28. № 2.

Daniel 2006 – *M. Daniel.* Reported speech in Archi: A new approach to the old data. Paper presented at the conference "Morphosyntaxe des langues du Caucase". Paris, December 11–14, 2006. http://caucasus.free.fr/

Foley, Van Valin 1984 – *W.A. Foley, R.D. Van Valin.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.

Franks, King 2000 - *S. Franks, T.H. King.* A handbook of Slavic clitics. Oxford, 2000.

Jung 2004 – *Y.-J. Jung.* NP-splits, word order, and multiple case mystery // Korean journal of linguistics. 2004. V. 29, issue 4.

Lapointe 1996 – *S.G. Lapointe.* Comments on Cho and Sells "A lexical account of inflectional suffixes in Korean" // Journal of East Asian linguistics. 1996. V. 5.

Li, Thompson 1976 - *Ch.N. Li, S.A. Thompson.* Subject and topic: A new typology of language // Ch.N. Li (ed.). Subject and topic. New York, 1976.

Nakanishi 2004 – *K. Nakanishi.* Domains of measurements: formal properties of non-split/split quantifier constructions. PhD Diss. University of Pennsylvania, 2004.

Nedjalkov 1995 – *V. Nedjalkov.* Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. Koenig (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial forms – adverbial participles, gerunds. Berlin; New York, 1995.

Radford 2006 – *A. Radford.* Minimalist syntax revisited. http://courses.essex.ac.uk/lg/lg514

Rizzi 1997 – *L. Rizzi.* The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). Elements of grammar. Dordrecht, 1997.

Rudnitskaya, Uryson 2008 – *E. Rudnitskaya, E. Uryson.* Toward a semantic typology of coordination // E.J. Vajda (ed.). Subordination and coordination strategies in North Asian languages. Amsterdam; Philadelphia, 2008.

Sells 1995 – *P. Sells.* Korean and Japanese morphology from a lexical perspective // LIn. 1995. V. 26, issue 2.

Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand.* Infinitives. Restructuring and clause structure. Berlin, 2001.

Yoon 2004 – *J.-H.-S. Yoon.* Non-nominative (major) subjects and case-stacking in Korean // P. Bhaskararao, K.V. Subbarao (eds.). Non-nominative subjects. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 2004.

Zwicky 1985 – *A.M. Zwicky.* Clitics and particles // Lg. 1985. V. 61, issue 2.

Н.В. Сердобольская

Сведения об авторе:

Наталья Вадимовна Сердобольская
Российский государственный гуманитарный университет
serdobolskaya@gmail.com

***C. Hasselblatt, P. Houtzagers, R. van Pareren* (eds.). Language contact in times of globalization.** Amsterdam: Rodopi, 2011. 300 p. (Studies in Slavic and general linguistics. V. 38.)

Рецензируемый сборник статей был выпущен по итогам прошедшей 4–6 июня 2009 г. Второй конференции по языковым контактам в период глобализации, организованной Гронингенским университетом. Несмотря на название сборника, многие из опубликованных в нем статей затрагивают не только вопросы языковых контактов в современном мире, но и традиционную проблематику сравнительно-исторического языкознания.

Статья **Р. Блоклэнда** и **М. Висслера** (Rogier Blokland and Michael Rießler «Komi-Saami-Russian contacts on the Kola Peninsula») посвящена языковым контактам между коми, саамскими и русским языками на Кольском полуострове. Саамские языки (кильдинский, колтта, бабинский и терский) – автохтонные языки Кольского полуострова. Носители ижемского диалекта коми мигрировали на Кольский полуостров в 1880-х гг.

Авторам не удалось обнаружить какого-либо влияния коми-ижемского на саамский (за исключением наблюдавшейся у двух носителей кильдинского саамского модели образования числительных второго десятка, вероятно, построенной по образцу коми). Не обнаруживается и саамского влияния на язык коми-ижемцев Кольского полуострова. Авторы объясняют это небольшой продолжительностью контактов (около 120 лет) и ролью русского как языка-посредника.

Слова, рассматриваемые в работах [Туркин 1994; Аникин 2000] как заимствования из ижемского диалекта коми в кильдинский саамский, как показывают авторы, на самом деле заимствованы из русского языка. Это же верно и для предложенных в [Туркин 1994] саамских заимствований в коми-ижемском: все они заимствованы из русского. Как указывают авторы статьи, многие из этих слов имеют отношение к оленеводству и в конечном счете восходят к ненецкому языку.

Авторы утверждают, что палатализация согласных в кильдинском саамском ограничена только последним согласным основы. В остальных позициях палатализованные согласные встречаются только в русских заимствованиях. Это неверно: ср., например, такие примеры, как *p'āllt* 'поляна' [Куруч 1985: 283] < прасаамск. **pēltɔ* [Lehtiranta 1989: 100–101] vs. *pāll* 'мяч' [Куруч 1985: 246] < прасаамск. **pāllɔ̄* [Lehtiranta 1989: 98–99].

С. Юнттила (Santeri Junttila «A collection of forgotten etymologies: revisiting the most improbable Baltic loanwords in Finnic») рассматривает предполагаемые балтизмы в прибалтийско-финских языках, не вошедшие в список надежных заимствований из балтийского в работе С. Сухонена «Die baltischen Lehnwörter der finnisch-ugrischen Sprachen» [Suhonen 1988]. С. Юнттила составил список из 282 таких этимологий, предложенных в литературе до появления работы Сухонена, но никак у него не упомянутых. Как справедливо отмечает автор, в рамках небольшой статьи невозможно тщательно проанализировать несколько сот этимологий. Вместо этого автор ставит себе более скромную цель – исключить из этого списка заведомо ошибочные сопоставления и ранжировать оставшиеся этимологии по уровню их надежности. Для этого собранные этимологии оцениваются по следующим критериям:

1) Исключаются прибалтийско-финские слова, имеющие надежные угорские или самодийские параллели, а также слова, являющиеся заведомо поздними заимствованиями в балтийских языках. 2) Сравниваются реконструированные праприбалтийско-финские и прабалтийские формы и исключаются сопоставления, которые оказываются очевидно неверными на уровне реконструкций. 3) Исключаются сопоставления, неправдоподобные с семантической точки зрения. В результате из первоначального списка исключена 121 этимология. Исследование Юнттилы выгодно выделяется на фоне многих других работ по индоевропейским заимствованиям в прибалтийско-финском (см., например, обзор публикаций, посвященных германским заимствованиям, в [Хелимский 1995]) трезвым и взвешенным подходом, полнотой рассматриваемого материала и эксплицитной процедурой его оценки.

Ф. Мюллер и **С. Шлоттхауэр** (Folke Müller and Susan Schlotthauer «Estonian and German verb-particle combinations and argument restructuring») анализируют возможное влияние немецких приставочных глаголов на возникновение фразовых глаголов в эстонском (авторы и в том и в другом случае говорят о «verb-particle combinations»). Ряд немецких глаголов с приставками (*entgegen-/wider-*, *nach-*, *unter-*, *vor-*) управляют дативом. Соответствующие им по смыслу эстонские фразовые глаголы с частицами *vastu*, *järele*, *alla* и *ette* требуют аллатива – падежа, кодирующего те же семантические роли (реципиент и бенефактив), что и немецкий датив. Поскольку послелоги, являющиеся диахроническими источниками упомянутых эстонских частиц, управляют не аллативом, а генитивом, естественно предположить, что мы имеем дело с влиянием немецкого языка. Исследовав употребление соответствующих

глаголов в эстонском языке с XVII по XX в., авторы приходят к неожиданному выводу: фразовые глаголы, в современном языке управляющие аллативом, в XVII–XVIII вв., т.е. в период сильного влияния немецкого языка на эстонский, еще представляли собой сочетание глагола с послелогом, требовавшим генитива. Дополнения в аллативе появляются только в XIX в., когда влияние немецкого языка уже пошло на убыль. Большинство же рассматриваемых глаголов стали управлять аллативом только в XX в. Исследование Мюллера и Шлоттхауэр наглядно показывает, что гипотезы о языковых контактах должны учитывать не только современное состояние рассматриваемых языков, но и их историю.

В работе известного типолога **Дж. Николс** (Johanna Nichols «Forerunners to globalization: the Eurasian steppe and its periphery») рассмотрены социолингвистические условия степного пояса Евразии, способствовавшие языковым контактам и распространению языков. Николс опирается на свои предыдущие работы (в частности [Nichols 1992]), в которых было сформулировано понятие «spread zone» – территории, где в силу экологических и экономических факторов периодически происходит экспансия какого-либо из языков, приводящая к вымиранию других языков или оттеснению их на периферию. Согласно концепции Николс, евразийский степной пояс является типичным примером «spread zone». Николс утверждает, что языки евразийского степного пояса являются менее сложными, чем языки в анклавах на периферии степи. Ценность наблюдений Николс несколько снижает то, что в работе [Nichols 2009], из которой взяты показатели сложности языков, во-первых, не приведены данные по конкретным языкам, на которых основаны эти показатели, и, во-вторых, ранжирование языков по сложности не представляется интуитивно очевидным. Так, например, ток-писин (показатель сложности 15,8) оказывается более сложным, чем тундровый ненецкий (14,9), самым простым языком в выборке из 68 языков оказывается баскский (13,0), а самым сложным (27,9), по странному совпадению, – ингушский, грамматику которого недавно написала Николс [Nichols 2011]. Все это заставляет задуматься о том, отражают ли выбранные Николс показатели то, что в обычном неформальном словоупотреблении принято понимать под «сложностью» языков.

Статья известного уралиста и специалиста по саамским языкам **П. Саммаллахти** (Pekka Sammallahti «From Africa to the Arctic – expansions, bottlenecks and contacts in the linguistic prehistory of the Saami») посвящена языковым контактам саамской группы языков с глубокой древности до нашего времени. Первая половина статьи, впрочем, больше напоминает раздел из популярного введения в языкознание: в ней рассматриваются проблемы сигнальных систем животных, возникновения человеческого языка и выхода Homo sapiens из Африки. Автор проводит не вполне понятную параллель между способностью ворон считать до шести и тем фактом, что в восточносаамских языках числительные от двух до шести управляют родительным падежом существительного, а числительные от семи и больше – партитивным падежом.

Автор отмечает, что лексика саамских языков содержит большое количество заимствований: кроме заимствований из финского, карельского, шведского, норвежского и русского языков, можно выделить праприбалтийскофинские, праскандинавские, германские, прагерманские, (пра)балтийские, праславянские, древние индоарийские («Old Indo-Aryan» – судя по приведенным примерам, имеются в виду не только индоарийские, но и иранские), индоиранские («Proto-Aryan») и праиндоевропейские заимствования. В статье приведены примеры заимствований, относящихся ко всем перечисленным группам. Автор не приводит предполагаемые источники заимствований, что затрудняет оценку приведенных этимологий (многие из них общеприняты, но некоторые предложены самим автором). Существенным недостатком является то, что в категорию «праиндоевропейских» заимствований зачислены как древнейшие индоевропейско-уральские параллели (одни исследователи рассматривают их как свидетельство индоевропейско-уральского родства, другие – как заимствования из праиндоевропейского в прауральский), так и общепризнанные заимствования из раннего праиндоиранского (до перехода праиндоевропейских **e*, **o* в праиндоиранское **a*). К первой категории относятся такие слова, как *gálojeatni* ‘ятровь’ < прауральск. **käliw* (ср. праиндоевропейское **ĝlHōu-s* ‘золовка’), *namma* ‘имя’ < прауральск. **nimi* (ср. праиндоевропейское **$h_3$nom-n* ‘имя’), ко второй, например, – *earti* ‘склон на дне реки’ < прафинно-пермск. **ertä* ‘сторона’ (заимствование из раннего праиндоиранского **erdʰo-* ‘часть, сторона, половина’), *reašmi* ‘веревка от невода’ < прафинно-волжск. **rešmä* ‘веревка’ (заимствование из раннего праиндоиранского **rećmi-* ‘веревка’).

Многие из упомянутых Саммаллахти этимологий не могут рассматриваться как надежные. В качестве примера можно привести северносаамское *gáma* ‘ботинок’, имеющее регулярные соответствия в мордовском, марийском и коми и восходящее к прафинно-пермск. **kämä* ‘ботинок’ [Sammallahti 1988: 552]. Ученый

[Sammallahti 1998: 128, 243] предлагает возводить это слово к прагерманскому **ha(m)m(a)-* (точнее, **ha(m)mōn-*) 'бедро'. Эта этимология не объясняет ни вокализма финно-пермского слова, ни его семантики. Но страннее всего то, что Саммаллахти предлагает считать это слово постпрагерманским заимствованием [Sammallahti 1998: 128] – как тогда оно попало в пермские языки? К сожалению, приходится констатировать, что автор не распространяет на заимствования те строгие критерии, которые в его собственных работах (например [Sammallahti 1988]) применяются к этимологизации исконной лексики.

Статья голландского индоевропеиста **П. Схрейвера** (Peter Schrijver «The High German consonant shift and language contact»), безусловно, одна из самых интересных в рецензируемом сборнике. Схрейвер предлагает неожиданное и изящное решение проблемы объяснения причин второго (верхненемецкого) передвижения согласных. Как известно, позиции, в которых имело место второе передвижение согласных, различны в разных немецких диалектах. Наиболее сложной и асимметричной является система рипуарских диалектов, отличающаяся следующими особенностями: 1) **t > ts* во всех позициях (с дальнейшим переходом в *ss* после гласного), кроме конца слова; 2) **p > *pf > ff* только после гласного, но не на конце слова; 3) **k > *kx > xx* только после гласного, в том числе и на конце слова. Схрейвер обращает внимание на разительное сходство указанных выше позиционных условий с позициями, в которых в галлороманском в V–IX вв. н.э. встречались глухие аффрикаты. В начале слова из аффрикат имелась только **tś* (< лат. *k* перед *e*, *i*). После гласных встречались **tś* (< лат. *-tj-*, в части случаев по неясной причине не подвергшегося озвончению), **kç* (< лат. *-kj-*), **pç* (< лат. *-kj-* в части диалектов), а также **k(t)ś* (< лат. *-ktj-*) и **p(t)ś* (< лат. *-ptj-*). После сонорных единственной допустимой аффрикатой была **tś* (< лат. *k* перед передними гласными, *kj* и *tj*). На конце слова единственной возможной аффрикатой была **kç* (< лат. интервокального *-kk-* в части диалектов). Автор отмечает, что изоглосса между французскими диалектами, сохраняющими конечный *-c* /-k/, и диалектами, где он переходит в *-tch* /-tʃ/, непосредственно продолжается на германоязычной территории изоглоссой *ik/ich*, разделяющей диалекты с сохранением конечного *-k* и диалекты с переходом конечного *-k* в *-ch* /-x/. Такое детальное совпадение едва ли может быть случайным. По мнению Схрейвера, носители галло-романского, переходившие на германский, заменяли германские глухие придыхательные смычные на глухие аффрикаты, но только в тех позициях, в которых такие аффрикаты встречались в галлороманском. Предложенный сценарий также объясняет, почему германские интервокальные одиночные согласные /p^h, t^h, k^h/ дали в результате передвижения геминаты /*ff*, *ss*, *xx*/: галлороманские аффрикаты были долгими, так как они развились из сочетаний согласных. Аналогичное верхненемецкому передвижение согласных в лангобардском также объясняется Схрейвером как результат влияния романского субстрата. Очевидное возражение против гипотезы Схрейвера – фонетическое несходство романских аффрикат **kç*, **pç* с германскими аффрикатами **kx* и **pf*. Автор отмечает, что **kç* и **pç* – всего лишь условное обозначение промежуточного этапа между латинскими /kj/, /pj/ и старофранцузскими /t^s/ и /$t^ɬ$/. Работа Схрейвера, несомненно, вызовет дискуссию среди германистов. Очевидно одно: отмеченное автором структурное сходство между условиями второго передвижения согласных и позиционными ограничениями на аффрикаты в галлороманском должно иметь какое-то объяснение.

Р. ван Паперен (Remco van Pareren «Areal features in the Volga-Kama region: on some non-lexical Turkic influences in Mordvin») рассматривает нелексическое влияние тюркских языков (татарского и чувашского) на мордовские. Автор приходит к выводу, что результатом такого влияния можно считать использование аблатива с послелогами 'до' и 'после', конструкции с глаголом 'приходить', обозначающие психические состояния ('мой гнев пришел' = 'я рассердился'), и выражение суперлатива с помощью компаративной конструкции: 'белее белого' = 'самый белый' (как в мордовских языках, так и в татарском суперлативное значение обычно выражается с помощью частицы 'самый'). Автор утверждает, что такой способ образования суперлатива встречается только в языках Волго-Камского региона. Это утверждение вызывает сомнение хотя бы потому, что подобная конструкция возможна и в русском языке.

В. Вермеер (Willem Vermeer «Retrieving diluted evidence for substratal effects: some examples») разбирает ряд случаев, в которых построение относительной хронологии фонетических изменений позволяет выявить неочевидные следы языковых контактов. Автор рассматривает три системы вокализма, сложившиеся на определенном этапе в южнославянских диалектах: 1) систему с дифтонгизацией праславянского **ĕ > ie* и параллельной дифтонгизацией **ō > uo*, свойственную словенскому и кайкавским диалектам сербохорватского, 2) систему других сербохорватских диалектов, с дифтонгизацией **ĕ*, но без дифтонгизации **ō*, и 3) болгарскую и македонскую системы без ди-

фтонгизации *ĕ. По мнению Вермеера, системы 1) и 2) отражают соответственно западно / центральнороманское и восточнороманское влияние (дифтонгизация латинского *ĕ* > *ie* имела место как в балкано-романских языках, так и в большинстве западнороманских, но дифтонгизации *ŏ* > *uo* в балкано-романском не было). Болгарский и македонский находились в сфере влияния греческого языка, что, по мысли автора, обусловило отсутствие дифтонгизации **ĕ*.

Другой рассмотренный в статье пример - отсутствие второй регрессивной палатализации в древненовгородском диалекте[1]. Вермеер объясняет это отличие древненовгородского от остальных славянских диалектов влиянием прибалтийско-финского субстрата. По мысли автора, наличие дифтонга *ai* в прибалтийско-финском должно было замедлить монофтонгизацию праславянского **ai* > **ĕ*, являвшуюся необходимой предпосылкой второй регрессивной палатализации. В статье рассматривается также история албанского вокализма в свете языковых контактов.

В сборник также вошли статьи М. Брёйл (Martine Bruil «The emergence of future converbs in Imbabura Quichua: Pre-Hispanic language contact as a possible explanation»), Л.А. Куньон (Louise-Amélie Cougnon «Tu te prends pour the king of the world? Language contact in text messaging context»), А. Дауди (Anissa Daoudi «Globalisation, E-Arabic: The emergence of a new language at the literal and figurative levels») и Я. Калсбек (Janneke Kalsbeek «Contact-induced innovations in Istrian Čakavian dialects»).

В заключение отметим, что рецензируемый сборник адресован как социолингвистам, так и компаративистам. Особенный интерес книга должна представлять для уралистов, так как пять статей в ней посвящены финно-угорским языкам. К сожалению, качество редакторской работы оставляет желать лучшего с точки зрения как языка, так и вычитки текста. Например, резюме статьи Аниссы Дауди завершается так: «Results reveal that Arabic is changing as a result of globalisation and is happening at all levels both literally and figuratively. The latter is done without being noticed as much as the literal form of the language», а в издательском предисловии можно прочесть следующее: «Cougnon also treats one language pair, English-French for the most part, but HE/SHE does have a look at other contact languages, too». Несмотря на подобные небрежности, в целом сборник оставляет благоприятное впечатление: большинство статей написано на высоком научном уровне, а некоторые, прежде всего работы С. Юнттилы и П. Схрейвера, могут считаться существенными достижениями в своих областях.

[1] Автор предпочитает объединять вторую (регрессивную) и третью (прогрессивную) палатализации под названием второй.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин 2000 – *А.Е. Аникин.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

Куруч 1985 – *Р.Д. Куруч* (ред.). Саамско-русский словарь. М., 1985.

Туркин 1994 – *А. Туркин.* О взаимоотношениях коми и саамского языков // Linguistica uralica. 1994. XXX (1).

Хелимский 1995 – *Е.А. Хелимский.* Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финском и других финно-угорских языках: История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.

Lehtiranta 1989 - *J. Lehtiranta.* Yhteissaamelainen sanasto (MSFOu 200). Helsinki, 1989.

Nichols 1992 – *J. Nichols.* Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.

Nichols 2009 – *J. Nichols.* Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill (eds.). Language complexity as an evolving variable. Oxford, 2009.

Nichols 2011 – *J. Nichols.* Ingush grammar. Berkeley, 2011.

Sammallahti 1988 - *P. Sammallahti.* Historical phonology of the Uralic languages // D. Sinor (ed.). The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Leiden, 1988.

Sammallahti 1998 – *P. Sammallahti.* The Saami languages: An introduction. Kárášjohka, 1998.

Suhonen 1988 – *S. Suhonen.* Die baltischen Lehnwörter der finnisch-ugrischen Sprachen // D. Sinor (ed.). The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Leiden, 1988.

М.А. Живлов

Сведения об авторе:

Михаил Александрович Живлов
Российский государственный гуманитарный университет
zhivlov@gmail.com

A. Naciscione. **Stylistic use of phraseological units in discourse.** Amsterdam: John Benjamins, 2010. 292 p.

Фразеология – популярная область разнообразных филологических разысканий. Рецензируемая книга занимает особое место в современной научной литературе по фразеологии. Во-первых, она посвящена стилистике идиом, во-вторых, в ней рассматривается функционирование фразеологизмов в дискурсе. И, в-третьих, – что, впрочем, не отражено в самом названии – теоретическая концепция, на которой основывается автор, – когнитивный подход: «исследование фразеологии нельзя отделить от общих когнитивных процессов» (с. 9), – констатируется в книге.

Общий взгляд автора на проблемы описания фразеологии хорошо виден по важнейшим категориям – понятиям метаязыка фразеологии как научной дисциплины, которые используются в книге. Фразеологическая единица определяется как устойчивое и семантически единое (cohesive) сочетание слов, которое характеризуется переносным значением – частично или полностью. Базовая форма фразеологической единицы – это форма, представленная в словаре языка (в противопоставлении грамматике). Базовая форма не зависит от контекста и представляет собой то, что является общим для всех контекстных реализаций фразеологизма.

Еще одно важное понятие – «ядерное употребление» фразеологизма (core use). В ядерном употреблении фразеологизм имеет наиболее общее значение, не несет дополнительных стилистических характеристик, его значение не распространяется за границы речевого высказывания. Ядерное употребление легко предсказывается носителем языка. По-видимому, оно раньше всего усваивается человеком, изучающим данный язык как иностранный. Ядерному употреблению противопоставлено «конкретно-стилистическое употребление» (instantial stylistic use). Особенность конкретно-стилистического употребления в том, что оно сопровождается существенными изменениями как формы, так и семантики фразеологизма. Конкретно-стилистическое употребление тесно связано с контекстом и ситуацией общения. Именно этот тип функционирования фразеологизмов представляет существенные сложности для понимания неносителями данного языка. С коммуникативной точки зрения конкретно-стилистическое употребление реализует нетривиальные коммуникативные интенции говорящего.

Существенно, что конкретно-стилистическое употребление нельзя рассматривать как нарушение каких-то языковых правил – грамматических, семантических или стилистических. В этом смысле оно ничем не отличается от ядерных употреблений. Однако конкретно-стилистическое употребление способствует реализации креативного потенциала носителя языка, поэтому оно столь важно для языка художественной литературы.

Общеизвестно, что в основе многих фразеологизмов лежат стертые (конвенциональные) метафоры. Автор рецензируемой книги предлагает рассматривать этот феномен как проявление стабильности фразеологических единиц. Однако стабильность нельзя отождествлять со стертостью метафоры. Стабильность фразеологической единицы проявляется не только в устойчивых, «мертвых» метафорах, то есть в системе языка. Стабильность присуща и конкретно-стилистическим употреблениям в том смысле, что она не противоречит гибкости («флексибильности») дискурса, а способствует модификациям, определяя те направления, в которых могут развиваться модификации формы и содержания фразеологизмов.

Идиоматичность семантики фразеологизмов (так сказать «переносность» их значения) обеспечивает их фразеологическую связность (phraseological cohesion). Последнюю опять-таки нельзя рассматривать как исключительное свойство значения базовой формы фразеологизма. Фразеологическая связность проявляется и в конкретно-стилистических употреблениях, она обеспечивает единство повествования (нарратива) и его связь с другими повествованиями (интертекстуальная функция).

Анализ употребления идиом в различных типах дискурсов показывает, что креативность конкретно-стилистических употреблений относительна. В очень многих случаях модификации фразеологизмов определяются «шаблонами стилистического употребления» (patterns of stylistic use). В конкретно-стилистических употреблениях фразеологизмов, связанных с изменениями их формы и семантики, куда больше регулярного и предсказуемого, чем это обычно предполагается. К числу таких шаблонов относится расширение метафоры, лежащей в основе семантики идиомы, разнообразные аллюзии, семантические следствия из метафоры и т. п. Шаблоны стилистического употребления во многих случаях реализуются не на уровне одного предложения: они требуют для успешной реализации довольно значительных фрагментов текста, а часто и всего текста в целом.

В процессе употребления фразеологизма в дискурсе сохраняется «устойчивость фразео-

логического образа» (sustainability of phraseological image). Она проявляется как в сцеплении идиом с метафорами, имеющими схожую образную структуру, так и в обсуждении в дискурсе образного компонента фразеологизма. Очень часто образ фразеологизма оказывается стержнем повествования в художественном тексте, а также общей компонентой вербальной и визуальной части рекламных или учебных текстов. Образ фразеологизма еще чаще, чем его значение, мигрирует через границы отдельного предложения, оказываясь частью семантики текста – как чисто вербального, так и осложненного невербальным (изобразительным) компонентом.

Когнитивный инструментарий при анализе функционирования фразеологизмов в реальном дискурсе совершенно необходим, поскольку конкретно-стилистические употребления нельзя рассматривать как простые отклонения от базовой формы. Конкретно-стилистические употребления отражают особенности мыслительного процесса говорящего, тот способ осмысления проблемной ситуации, который он выбрал, этап в осмыслении проблемы. В книге разбирается множество примеров конкретно-стилистического употребления фразеологизмов, которые связаны с доступом к когнитивным концептам, с вызовом из долговременной памяти тех или иных феноменов, с взаимодействием кратковременной и долговременной памяти, с процессом идентификации (опознания), с пониманием и интерпретацией. Рассматриваются также примеры визуализации метафор, лежащих в основе семантики фразеологизмов. Так, название одной из книг, посвященных проблематике финансовых преступлений, «The washing machine», букв. «Стиральная машина» (небуквальный перевод – «Отмывочная машина»), сопровождается изображением стиральной машины, в которой крутятся деньги. Вербальная часть – название – в сочетании с изображением вызывает из долговременной памяти носителя языка идиому *money laundering* «отмывание денег». Здесь визуальный образ оказывается тем «триггером», который включает когнитивный процесс актуализации идиомы.

Одна из важных идей книги – создание прикладной стилистики, в основе которой лежит стилистическая компетенция носителя языка. Последняя проявляется в его способности синтезировать конкретно-стилистические употребления на основе базовых форм фразеологизмов и шаблонов стилистического употребления. Практическая стилистика соединяет такие различные сферы научного знания, как лингвистический анализ художественного текста, перевод, теорию визуального представления и теорию рекламы.

Предлагаемая в рецензируемой монографии теория стилистики во фразеологии привлекает в первую очередь тем, что разнообразные девиации в использовании фразеологизмов рассматриваются не как нечто отклоняющееся от нормы, а как вид нормального употребления фразеологизмов, присущего фразеологической системе языка. Этот подход следует признать продуктивным в том смысле, что, в отличие от обычной лексики, фразеологизмы в дискурсе допускают самые разнообразные изменения. До сих пор эти изменения рассматривались как отклонения от нормы, стандарта, однако большое количество таких контекстов (по сравнению с обычной лексикой) заставляло подозревать, что для фразеологии девиации подобного типа являются скорее нормой, чем нестандартом. Ценность рецензируемой книги в том, что в развиваемой теории стилистического употребления фразеологических единиц в дискурсе данный феномен находит естественное объяснение.

А.Н. Баранов

Сведения об авторе:

Анатолий Николаевич Баранов
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
baranov_anatoly@hotmail.com

M. Malzahn. **The Tocharian verbal system.** Leiden: Brill, 2010. xxviii + 1063 p. (Brill's studies in Indo-European languages & linguistics. V. 3)

Молодая австрийская исследовательница Мелани Мальцан выдвинулась в число крупнейших современных тохаристов, выступив несколько лет назад в роли редактора замечательного справочного издания «Instrumenta Tocharica» [Malzahn 2007]. Рецензируемая монография представляет собой фундаментальное (более 1000 страниц!) и даже внешне весь-

ма впечатляющее исследование, посвященное глагольной системе обоих тохарских языков в синхронном и диахроническом аспекте.

Книга состоит из двух частей: собственно описания тохарской глагольной системы и индекса (фактически полноценного словаря) тохарских глагольных форм, известных к настоящему времени из текстов.

Первая часть книги разбита на тридцать семь глав. Само это число вполне адекватно отражает как степень тщательности, с которой М. Мальцан подходит к материалу, так и чрезвычайную сложность тохарской глагольной системы.

В первых пяти главах («Basic remarks about the phonological system and sound laws», «General introduction into the Tocharian verbal system», «The verbal endings», «Valency», «Voice») рассматриваются вопросы общего характера. Главы 6–15 посвящены претериту, имперфекту и причастию претерита, главы 16–23 – конъюнктиву и оптативу, главы 24–36 – презенсу и причастиям презенса, глава 37 – императиву. Остановимся на некоторых наиболее интересных вопросах, разбираемых в этих главах.

Глава 4 («Valency») посвящена категории каузативности. Многие тохарские глаголы имеют не одну, а две парадигмы спряжения; поскольку в наиболее ясных случаях формы, принадлежащие ко второй парадигме, характеризуются каузативной семантикой, эти две парадигмы получили в тохаристике наименования «исходный глагол» (Grundverb) и «каузатив» (Kausativ). При этом как формальные, так и семантические отношения между Grundverb'ами и Kausativ'ами отличаются чрезвычайной запутанностью, в частности:

– между исходным глаголом и каузативом может не обнаруживаться никаких значимых различий в семантике и наборе актантов (по-видимому, существует даже несколько непереходных «каузативных» глаголов);

– семантика каузативного глагола может непредсказуемым образом отличаться от семантики исходного: ср., например, AB *mäṅk-* 'не хватать; (K) преодолевать';

– исходя из чисто морфологических критериев большую группу глаголов следует рассматривать как causativa tantum;

– в некоторых случаях от одного исходного глагола могут образовываться две каузативных парадигмы.

В последние десятилетия соответствующая проблематика находится в центре внимания тохаристов, ср., в частности, работы [Hackstein 1995] и [Carling 2009] (наши краткие замечания об этой статье см. в [Бурлак, Живлов, Иткин 2010: 131]). Особо следует упомянуть концепцию, выдвинутую недавно И. Сержантом [Sɛržant 2011; in print]. Среди всех каузативов наибольшей семантической нерегулярностью отличаются каузативные глаголы, спрягающиеся по образцу «Pr VIII – Pt III – Conj I/II/VII». При этом у значительного большинства Grundverb'ов, образующих каузатив по этой модели, представлены презенсы классов III и IV (между которыми имеется строгое дополнительное морфонологическое распределение, т.е. фактически речь идет о едином классе). С точки зрения И. Сержанта, соотношение между «исходной» и «каузативной» парадигмами у таких глаголов обратно принимаемому традиционно: «каузативные» формы морфологически первичны и не образуют никакого семантического единства, а «исходные» – морфологически производны и представляют собой особый класс, который И. Сержант называет «инагентивами». Подход М. Мальцан оказывается в некотором смысле противоположен подходу И. Сержанта: признавая семантическую нерегулярность «каузативных» глаголов с презенсом класса VIII и отказывая им в праве считаться каузативами, М. Мальцан все же считает их производными от соответствующих исходных глаголов и обозначает введенным ей самой термином Antigrundverb. Не имея сейчас возможности подробно аргументировать свою точку зрения, отметим, что все попытки доказать «некаузативность» тохарских каузативов, на наш взгляд, сталкиваются с трудно преодолимыми препятствиями. Напротив, традиционный подход в целом адекватно отражает реальное положение дел, хотя, конечно, нельзя не признать, что тохарский каузатив отличается нехарактерно высокой для этой грамматической категории степенью лексикализации и идиоматизации.

В главе 5 («Voice») рассматриваются вопросы, связанные с функционированием медиальных глагольных форм и их соотношением с активными. Тохарские медиальные формы несомненно восходят к праиндоевропейскому состоянию, однако их значение никак не может быть сведено к пассиву или возвратности. Несмотря на наличие диссертации [Schmidt 1974] и ряда позднейших работ, правила употребления залогов в тохарских языках остаются во многом неясными. Одной из особенностей тохарской залоговой системы является наличие очень большого числа глаголов media tantum (хотя точное их количество, разумеется, неизвестно, поскольку некоторые глаголы, засвидетельствованные только в медиальном залоге, в действительности могут иметь и активные формы); встречаются и такие глаголы, у которых в одних временах и наклонениях представлен только активный залог, в других – только медиальный. В разделе 5.2.1, «Activa tantum and

media tantum», M. Мальцан обращает внимание на важное различие между переходными и непереходными глаголами: если первые чаще имеют полную залоговую парадигму, то у вторых, как правило, представлены формы только одного залога. Более того, существуют морфологические разряды, целиком или практически целиком относящиеся к activa tantum или media tantum: так, упоминавшиеся выше презентные классы III и IV включают только медиальные формы. Как остроумно замечает М. Мальцан, «the use of voice in these cases is basically a matter of morphology and not so much of semantics» (с. 103).

Заключительный раздел главы 14 («The preterit participle») посвящен вопросу о происхождении геминации согласного после редуплицированного слога в тохарских B претеритных причастиях (в тохарском A соответствующего явления нет). Не без сочувствия напомнив давнюю идею B. Шульце [Schulze 1924: 173] о том, что в каузативных претеритах класса II корневые геминаты являются результатом стяжения изначально триплицированных(!) причастных форм – т. е., например B *cecclu* PPt K от *täl-* 'поднимать, нести' следует выводить из **cæcäcäläwä*, – M. Мальцан справедливо отмечает, что эта теория никак не объясняет, почему редупликации подвергаются только согласные *c*, *ś*, *ṣ* и *ts*. По ее мнению, появление геминации вызвано аналогией с формой *śeśśamu* PPt K от частотного глагола *stäm-* 'стоять'. Это предположение кажется нам неубедительным – в частности, потому, что, как указывает и сама исследовательница, в этой форме начальное *ś* и срединное *śś* являются результатом упрощения сочетания *śc* (< *st* по палатализации), происшедшего достаточно поздно: в течение долгого времени в текстах встречаются как те, так и другие написания [Peyrot 2008: 70–71], ср., например, отпричастное существительное *śceścmor* (B 211 b3). Что касается удвоения *k*, наблюдаемого в редуплицированных претеритных причастиях разных типов, то его источником М. Мальцан считает форму *kakkäccu* PPt от *kätk-* 'радоваться', в которой двойное *k* якобы развилось перед двойным *c*. На наш взгляд, это объяснение ad hoc неправдоподобно и не может быть принято. Значительно более перспективным представляется путь, предполагающий выяснение точных условий рассматриваемого явления, охватывающего далеко не все глаголы с начальным *k-*. Обращает на себя внимание, что геминация происходит исключительно в корнях вида *kVCC* (возможно, не во всех), ср., например, *kakkärpau*, *kekkärku* PPt от *kärp-* 'спускаться' и *kärk-* 'связывать', (*ke*)*kkarnor* отпричастное существительное от *kärn-* 'бить, ударять' (как видно, форма *kakkäccu* просто подчиняется тому же правилу), но *kakäyau*, *kekamu* ~ *kekmu*, *kekesu*, *keklañku*, *keklyauṣu* PPt от *käy-* 'открывать рот', *käm-* 'приходить', *käs-* 'гаснуть', *kläñk-* 'сомневаться', *klyaus-* 'слушать, слышать' и др. Тем самым, кажется вероятным, что написание *kk* отражает не результат сложных аналогических выравниваний, а реальный морфонологический процесс – удвоение интервокального *k* в закрытом слоге.

Во вступлении к главе 15 («The imperfect»), говоря о правилах употребления имперфекта по сравнению с другим прошедшим временем – претеритом, М. Мальцан принимает точку зрения, высказанную еще полвека назад В. Томасом: имперфект употребляется «там, где действие должно мыслиться незавершенным, соответственно, в тех случаях, когда речь идет о глаголах состояния, когда состояние должно было быть отнесено к прошлому» [Thomas 1957: 307] (с. 252). К сожалению, это определение совершенно неоперационально и не соответствует реально наблюдаемой картине. То же, на наш взгляд, относится к принципиально иной трактовке, предложенной в недавней книге Ж.-Ж. Пино: в повествовательных текстах «претерит используется для изложения последовательности основных действий, а имперфект – для описания обстоятельств, второстепенных событий и т.д.» [Pinault 2008: 569]. Ограничимся одним-единственным примером: *mäṃt ne ālyäkyāṃ praṣṭaṃ ālak saṃ pekant yaṃtrācāres waṣṭā lokit yeṣ* (A 5 a5) «как-то раз некий один художник к механику в дом в гости пришел». Фраза, представляющая собой завязку рассказа, не может (вопреки точке зрения Ж.-Ж. Пино) рассматриваться как «второстепенное событие», а перевод «...шел» вместо «...пришел», предполагаемый в соответствии с интерпретацией В. Томаса, противоречит здравому смыслу: непосредственно следующее предложение описывает прием, оказанный механиком гостю. Вопрос о правилах, регулирующих употребление форм имперфекта и претерита в обоих тохарских языках, остается открытым и составляет одну из центральных проблем тохарской грамматики.

В разделе 15.3.4 рассматривается давний вопрос о том, есть ли в тохарском A языке формы имперфекта, образованные не – по общему правилу – от основы презенса, а от основы конъюнктива. М. Мальцан убедительно показывает, что ни одного сколько-нибудь надежного примера такой деривации нет – напротив, есть основания полагать, что несколько неясных форм с суффиксом *-ñ-* (*tpukñānt*, *tsākñā*, *wātñā*) представляют собой регулярные производные от презенса кл. VI с показателем *-nā-*/*-na-*.

Главы 28 и 29 посвящены соответственно презенсу и конъюнктиву класса VI и презенсу класса VII. В VI классе презенса в тохарском

А представлен суффикс *-nā-/-na-*, в тохарском В - суффикс *-nā-/-änā-*. В тохарском А выбор одного из вариантов суффикса зависит от морфонологической долготы-краткости корневой гласной, ср. формы 3 Sg Pr от двух глаголов со значением 'знать' – *knā-* и *kärs-*: *knānaṣ*, но *kärsnāṣ*. Что касается тохарского В, то, подробно рассмотрев весь имеющийся материал и правила, ранее предлагавшиеся для его описания, М. Мальцан приходит к выводу, что синхронного распределения между вариантами *-nā-* и *-änā-* нет, и предлагает диахроническое объяснение (к сожалению, построенное на чистой аналогии и потому неубедительное). VII класс презенса образуется с помощью носового инфикса. В тохарском В выделение этого класса безусловно оправданно, поскольку глаголы одной и той же структуры могут принадлежать как к классу VI, так и к классу VII, ср., например, формы Ger I от *truk-* 'раздавать' и *pik-* 'писать, рисовать': *truknālle* (Pr VI), но *piṅkalle* (Pr VII). В тохарском А носовой инфикс могут иметь только глаголы, оканчивающиеся на *-Ck*, так что кажется естественным считать соответствующий класс подклассом класса VI и рассматривать формы типа *pältsäṅkāṣ* 3 Sg Pr от *pältsk-* 'думать' как результат синхронной метатезы (*pältsäṅkā-* < **pältsäknā-*). М. Мальцан все же выделяет такие глаголы в отдельный класс, оговаривая, что он «synchronically... different from the usual TB Class VII», хотя и связан с ним исторически (с. 410). Характеризуя тохарские А презенсы класса VII с формальной точки зрения, М. Мальцан указывает, что к нему относятся глаголы, корни которых оканчиваются «in ... *°tk*, *°sk*, *°lk* always and partly ... in *°rk*» (с. 420). Если глаголы на *-tk* и *-sk* действительно всегда имеют инфигированный презенс и никогда – суффигированный, то с глаголами на *-rk* и *-lk* дело обстоит совсем иначе. Единственный глагол на *-rk*, возможно, демонстрирующий инфиксацию, – *särk-* 'заботиться; тянуть (?)' (о сложностях, связанных с установлением значения этого глагола, подробно говорится на с. 940), ср. 2 Sg Pr *sräṅkāt* и др. Однако никакие формы этого глагола, кроме презентных, неизвестны; если его отождествление с тохарским В *särk-* (также Pr VII) вообще верно, не исключено, что в тохарском А произошло распространение презентного *-ṅ-* на всю парадигму, т. е. с синхронной точки зрения следует говорить уже о глаголе *sräṅk-*. Два других глагола на *-rk* – *kärk-* 'красть' и *tärk-* 'отпускать, освобождать' – имеют суффигированный презенс. Под «глаголами на *-lk*» подразумевается глагол *mälk-* (= В *mälk-*) 'связывать'. В опубликованной в 1998 г. тохарской А рукописи буддийской драмы Maitreyasamiti-Nāṭaka (далее – MSN) дважды встретилась форма *m*-причастия *mläṅkmāṃ*: *kälnmāṃ mläṅkmāṃ yetwesyo* (YQ-2 a5; во втором фрагменте – YQ-3 a1 – текст частично утрачен) «со звенящими и ... украшениями». Как публикаторы MSN [Ji, Winter, Pinault 1998: 58], так и М. Мальцан рассматривают *mläṅkmāṃ* как форму глагола *mälk-*; другие формы Pr этого глагола неизвестны. Между тем значение 'связанные, соединенные' плохо подходит к контексту, странным кажется и объединение в одной сочиненной группе *m*-причастий от непереходного и переходного глаголов. Таким образом, к предлагаемому отождествлению необходимо относиться с осторожностью. Любопытно, что среди форм, не включенных в «Verbal index» в силу их неясности, М. Мальцан (с. 518) упоминает форму *mlaṅkäṃ* (B 351 fgm. 2); ее сходство с тохарским А *mläṅkmāṃ* едва ли может быть случайным.

В главе 36 («The present participles») рассматриваются две неличные презентные формы, традиционно называемые активным и медиальным причастиями настоящего времени. Подчеркивая тот хорошо известный факт, что употребление этих форм в обоих тохарских языках не имеет прямого отношения к противопоставлению залогов, М. Мальцан называет их просто *nt*-причастием и *m*-причастием «in a neutral way» (с. 480). Говоря о различиях между *nt*-причастиями и *m*-причастиями, М. Мальцан справедливо отмечает, что *nt*-причастия, как правило, функционируют в текстах не как определения, а как nomina agentis, ср., например, В *aśeñca*, А *āśant* 'тот, кто ведет; вождь'. К этому необходимо добавить, что *m*-причастия, в свою очередь, чаще всего выступают также не в собственно-причастной функции, а в роли деепричастия одновременности, ср., например, *tume(ṃ) [c](ai) brāhmaṇi tot ike postäṃ* ***ynemane*** *a[ra]ṅemiñ lānte yapoyne kameṃ* (B 81 b2) «тогда эти брахманы, так с места на место **переходя**, в страну царя Аранеми пришли», *sewāsaśśäl ñuk cwaśśäl* ***mäskamāṃ*** *mā yutkālyi* (A 70 a6) «с сыновьями и с тобой **будучи**, я не должна беспокоиться», в то время как для *nt*-причастий такое употребление невозможно, ср. [Иткин 2000]. В силу этого обстоятельства *m*-причастия, в отличие от *nt*-причастий, часто стоят непосредственно перед финитным глаголом; особенно характерно такое употребление для тохарского А, ср. *//// prāryo ṣärpäsmāṃ träṅkäṣ* (YQ-27 b5) '...пальцем указывая, говорит'. Очень важным представляется сделанное М. Мальцан наблюдение, согласно которому от одних классов презенса (I, V, VI, VII – «атематических», согласно терминологии М. Мальцан) *nt*-причастия образуются значительно реже, чем от других (II, VIII, IX, X, XI, XII – «тематических»). Особенно резко данное различие проявляется в тохарском В (с. 494).

Природа этой диспропорции остается неясной и требует дальнейшего изучения.

Вторая часть работы, «Verbal index», как уже было сказано выше, представляет собой каталог всех известных к настоящему моменту тохарских глагольных форм. Для каждого глагола после собственно перечня засвидетельствованных форм приводятся комментарии, касающиеся интерпретации отдельных фрагментов, спорных чтений и т. д. М. Мальцан широко использует материал неопубликованных текстов, изученных как ей самой, так и Ж.-Ж. Пино, К.Т. Шмидтом, М. Пейро и другими исследователями. Далее при необходимости дается анализ семантики рассматриваемого глагола. Завершает каждую статью этимологическая справка. К сожалению, большинство приведенных в книге этимологий, за исключением наиболее очевидных и общепринятых, представляют собой корневые сближения с более или менее расплывчатой семантикой; впрочем, такой подход к этимологизации лексики в индоевропеистике последних десятилетий представляет собой общее место и ни в коем случае не может быть поставлен в упрек лично автору рецензируемого исследования.

Как и в случае с первой частью книги, объем настоящей рецензии позволяет нам рассмотреть лишь небольшую часть важных и интересных сюжетов, затрагиваемых М. Мальцан в ходе анализа тех или иных глагольных лексем, а также внести несколько исправлений и дополнений.

С. 536: в 1999 г. К.Т. Шмидт предложил рассматривать неясную последовательность *t„käryät* (A 215 b2) не как сочетание HL *t„kär* и формы *yät* 2 Sg Pr от глагола *y-* 'идти', а как форму 2 Sg Pr ранее неизвестного глагола *t„käry-* 'zugrunde gehen' [Schmidt 1999: 282]. По мнению М. Мальцан, «that new root would have a quite suspicious shape». С учетом напрашивающейся связи этого глагола с тохарским А существительным *tukri* 'глина' такая оценка представляется чрезмерно суровой. Как кажется, глагол *t„käry-* заслуживал включения в «Index» - пусть и в качестве «a ghost root»: обнаружить обсуждение соответствующего фрагмента в словарной статье глагола 'идти' (у М. Мальцан – *i-*) можно, только если очень хорошо знать, что искать.

С. 554: частично сохранившуюся во фрагменте YQ-19 a7 форму 2 Pl Imp M тохарского А глагола *ken-/kāk-* 'звать' М. Мальцан приводит в виде (*p„kkā*)*kāc*, т.е. в том виде, как она восстановлена в [Ji, Winter, Pinault 1998: 192]. Как нам уже доводилось писать, эта реконструкция – несомненная ошибка: «вписанное *u*» не может выступать перед двумя согласными, поэтому правильная реконструкция должна выглядеть как (*p„kā*)*kāc* [Бурлак, Иткин 2004б: 34].

С. 654: в перечне форм тохарского А глагола *täm-* 'рождаться, рождать' отсутствует форма 1 Sg Pr *tmāmsam* (A 218 b1) [Poucha 1955: 121].

С. 700: вслед за М. Пейро [Peyrot 2007: 799] М. Мальцан вносит важное уточнение относительно тохарского В глагола *päk-* 'созревать, вариться; делать спелым, варить': загадочная форма PPt – *papeku* в действительности не существует: во всех случаях, когда она якобы представлена, начальная акшара повреждена и не может быть прочитана с уверенностью. Напротив, регулярная форма *pepeku** обнаруживается в неопубликованных фрагментах THT 1572 a3 и THT 1224 b3.

С. 701–703: вопреки традиционному мнению, М. Мальцан полагает, что тохарское А соответствие тохарского В глагола *päkw-* 'полагаться на кого-либо, доверять' неизвестно, а формы *p„kal* (A 20 a3) Ger II, *p„ka*(*lune*) SV (A 268 b8) и частично сохранившееся *p„ka* – (A 268 b5) принадлежат глаголу *päk-* (= B *päk-*) 'созревать, вариться; делать спелым, варить'. Согласиться с этой интерпретацией невозможно. Во-первых, поскольку приведенные формы относятся к двум разным рукописям, наличие в них «вписанного *u*» не может быть опиской. Между тем ни в тохарском А, ни в тохарском В глагол *päk-* не демонстрирует никаких следов лабиовелярности *k*, тогда как соответствие B *päkw-* ~ A *puk-* (со строчным *u* в закрытом слоге и «вписанным *u*» в открытом) совершенно регулярно – ср., например, B *sakw* 'счастье' ~ A *suk* тж., All Sg *s„kac* [Бурлак 2000: 78–79]. Во-вторых, попытка усмотреть в строке ❡ *pñi kulypam tu p„kal ptāñäkte pyāmāṃ spaktāṃ* (A 20 a3) герундив от глагола *päk-* не только дает странный смысл (М. Мальцан: «you will mature into one who desires virtue»), но и «отрезает» от *p„kal* несомненно связанную с ней синтаксически форму *ptāñäkte* «Будде» (G Sg в дативной функции). Что касается наиболее весомого аргумента М. Мальцан – уйгурской параллели к строке 268 b8, предполагающей наличие в тохарском тексте именно глагола *päk-*, – то, если интерпретация тюркских данных бесспорна, не исключено, что здесь мы имеем дело с ошибкой уйгурского переводчика, принявшего один из сходно звучащих глаголов за другой.

С. 704: до последнего времени единственным тохарским А соответствием тохарского В глагола *pätt-* 'взбираться (?)' считалась встретившаяся в неясном контексте форма 3 Sg Pr *pätwä*[*ṣ*] (A 453 b3). М. Мальцан указывает, что форма 3 Pl Pt того же глагола – *pätwär* – может быть усмотрена в сохранившемся в обрывках документе THT 1378 (fgm. g, a3), но считает ее «неясной» – в частности, из-за предлагаемого

автором транслитерации неопубликованных тохарских текстов из Берлинского собрания Т. Тамаи (http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm) альтернативного чтения *päkwär*. Предположение М. Мальцан кажется нам в высшей степени правдоподобным и чрезвычайно ценным. Прежде всего, чтение *päkwär* несомненно ошибочно (С.А. Бурлак, устное сообщение): удовлетворительно сохранившаяся вторая акшара рассматриваемого слова однозначно читается как *twä*. Кроме того, стоящие в начале строки a3 буквы *ṅkrunt* с полной уверенностью опознаются как часть слова *tsäṅkrunt* – N-Acc Pl от *tsäṅkär** 'вершина'. Получающееся сочетание (*tsä*)*ṅkrunt pätwär* дает очень хороший смысл – «на вершины взбирались» (с нередким в тохарских языках винительным падежом направления).

С. 869: тох. A форма *worpu* с морфологической точки зрения представляет собой причастие претерита класса II, выступающего исключительно в каузативных парадигмах. Основываясь на тохарском B соответствии (*wārp-* 'окружать'), М. Мальцан, как и другие исследователи, записывает тох. A глагол 'окружать', от которого образовано это причастие, также в виде *wārp-*. Однако, как хорошо известно, формы Pt II встречаются только у глаголов с корневыми гласными *ä*, *i*, *u*. Обсуждая эту проблему в соответствующем разделе главы 8, М. Мальцан допускает, что в тохарском A языке глагол 'окружать' имеет вид *wärp-* (с. 172, сн. 2). Как кажется, именно к этому глаголу может относиться форма каузативного *m*-причастия *wärpäsmāṃ*. Мы не смогли обнаружить эту форму в книге М. Мальцан; П. Поуха [Poucha 1955: 296–297] с сомнением связывает ее с глаголом *wärp-* 'чувствовать'. Однако значение 'окружать', точнее, 'кружить(ся)', подходит к сохранившемуся контексту значительно лучше: *tmāṣ nan*[*de*] *pyāpyāsā wärpäsmāṃ kroṅśe*(*s*) //// (91 a2) «тогда Нанда над цветами кружащихся пчел... (?)».

С. 883–884: у тохарского A глагола *wäm-* 'заходить (о солнце)' и композита *koṃ-wmānt* 'заход солнца; запад (букв. 'солнце-заходящее')' имеется тохарское B соответствие в виде композита *wmāñca-kauṃ** с тем же значением и обратным порядком компонентов – ср. G Sg *wmāñca-kauntse* (B 424 b5) [Burlak, Itkin 2000: 33].

С. 896: основываясь на [Schmidt 1999: 283], М. Мальцан указывает, что форма *wassi* – Inf от глагола *wäs-* 'одеваться' – впервые встретилась в рукописи MSN (YQ-25 a3). Но это недоразумение: как отмечено в [Poucha 1955: 300], эта форма представлена во фрагменте A 281 a3.

С. 979: вслед за [Winter 1976: 29] М. Мальцан трактует HL *śalcanträ* как форму 3 Pl Pr M от незасвидетельствованного глагола *tsālt-* 'пожирать (?)', соответствующего B *tsālt-* 'жевать'. Фрагментарный контекст, в котором встретилась эта форма: //// (·)*räsy*[*o*] *śalcanträ lepśsā tāpärk* ⁝ (A 55 b1), – М. Мальцан переводит как «...пожираются lepś'ами теперь», где *lepäś** (у М. Мальцан неточно *lepś*) – «a term for an unknown animal». Такой перевод хорошо согласуется с высказанным нами на основе анализа другого тохарского A фрагмента (375 b5) предположением о том, что слово *lepäś** означает животное-падальщика, вероятнее всего шакала [Бурлак, Иткин 2010: 354–356], однако **одновременная** палатализация как начального, так и конечного согласного корня (*tsālt-* > *śalc-*) являет собой трудноразрешимую морфонологическую загадку.

Ввиду стремления М. Мальцан к учету всех фактов и явлений тохарской глагольной морфологии вызывает удивление то обстоятельство, что в книге не описываются, не фиксируются последовательно и фактически даже не упоминаются неличные формы, образующиеся от причастия претерита, – *r*-существительные и абсолютивы. *R*-существительные, в обоих тохарских языках (особенно в тохарском A) встречающиеся редко, как правило, имеют абстрактное значение, ср., например, A *tärkor* 'позволение' < PPt *tärko* от *tärk-* 'отпускать, освобождать', B *keklyauṣor* 'то, что должно быть услышано; знание' < PPt *keklyauṣu** от *klyaus-* 'слушать, слышать'. Так называемые абсолютивы с формальной точки зрения представляют собой формы Abl (окончания A *-äṣ*, B *-meṃ*) и Perl (A *-ā*, B *-sa*) *r*-существительных, но при этом аблативные абсолютивы могут быть образованы от любого глагола; перлативные абсолютивы также встречаются значительно чаще, чем *r*-существительные как таковые (по крайней мере, в тохарском A). В предложении абсолютив выступает в роли деепричастия предшествования, причем между аблативными и перлативными абсолютивами имеются не во всех деталях ясные синтаксические и семантические различия [Thomas 1960; Бурлак, Иткин 2004a]. Отсутствие в работе перечня известных к настоящему моменту *r*-существительных и абсолютивов представляет собой поистине досадную лакуну.

Завершает книгу справочный отдел: список сокращений, библиография и два указателя – слов и текстовых фрагментов.

Библиография к книге отличается полнотой и содержит работы – отнюдь не только по тохаристике и индоевропеистике – на английском, французском, немецком и латинском, а также на испанском, итальянском, голландском и даже русском (статьи петербургского индоевропеиста А.С. Николаева и автора этих строк) языках; при

этом само содержание книги не оставляет никаких сомнений во всестороннем и тщательном знакомстве автора с цитируемыми работами. Хочется специально отметить, что, хотя в книге очень много полемики, М. Мальцан неизменно ведет дискуссию в спокойном, корректном и уважительном тоне – даже в тех случаях, когда оппоненты допускают явные ошибки.

Оба указателя содержат не все упоминания рассматриваемых в книге словоформ и текстов, а лишь наиболее важные. С учетом очень большого объема монографии такой подход представляется оправданным. Некоторое неудобство – особенно для неспециалистов – создает тот факт, что для неопубликованных текстовых фрагментов не указана их языковая принадлежность.

После появления монографии М. Мальцан в среде тохаристов высказывалось мнение, что изучение тохарской глагольной системы следует отныне считать законченным. К счастью – как, надеемся, в какой-то мере показывает и настоящая рецензия, – подобное невозможно. Тем не менее нет никаких сомнений, что этот фундаментальный труд представляет собой поистине бесценный Instrumentum Tocharicum – из тех, что верой и правдой служат исследователям не годы, а долгие десятилетия.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо
Abl – аблатив
Acc – аккузатив
All – аллатив
Conj – конъюнктив
fgm. – фрагмент
G – генитив
Ger I, II – герундивы I и II
HL – hapax legomenon
Imp – императив
Inf – инфинитив
K – каузатив
M – медиальный залог
N – номинатив
Perl – перлатив
Pl – множественное число
PPt – причастие претерита
Pr – презенс
Pt – претерит
Sg – единственное число
SV – глагольное существительное

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлак 2000 – *С.А. Бурлак.* Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.

Бурлак, Живлов, Иткин 2010 – *С.А. Бурлак, М.А. Живлов, И.Б. Иткин.* [Рец. на:] *J.E. Rasmussen, T. Olander* (eds.). Internal reconstruction in Indo-European: methods, results, and problems. Section papers from the XVI International conference on historical linguistics, University of Copenhagen, 11th–15th August, 2003. Copenhagen, 2009 // ВЯ. 2010. № 5.

Бурлак, Иткин 2004а – *С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.* Еще раз об «абсолютиве на *-r-ā*» в тохарском А языке // XXXVII International congress of Asian and North African studies: Abstracts. V. 1. M., 2004.

Бурлак, Иткин 2004б – *С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.* Тохарский текст А 446: Еще одна рукопись тохарской версии Maitreyasamiti-Nāṭaka // ВЯ. 2004. № 3.

Бурлак, Иткин 2010 – *С.А. Бурлак, И.Б. Иткин. Yreki* et autres addenda et corrigenda-2 // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова. М., 2010.

Иткин 2000 – *И.Б. Иткин.* Об употреблении так называемых причастных форм в тохарских языках // Вторая зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2000.

Burlak, Itkin 2000 – *S.A. Burlak, I.B. Itkin. „māñcakaum* et autres addenda et corrigenda // Tocharian and Indo-European studies. 2000. V. 9.

Carling 2009 – *G. Carling.* Reconsidering the system: Verbal categorization and the coding of valency in Tocharian // J.E. Rasmussen, T. Olander (eds.). Internal reconstruction in Indo-European: Methods, results, and problems. Section papers from the XVI International conference on historical linguistics, University of Copenhagen, 11th–15th August, 2003. Copenhagen, 2009.

Hackstein 1995 – *O. Hackstein.* Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstammbildungen des Tocharischen. Göttingen, 1995.

Ji, Winter, Pinault 1998 – Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China / Transliterated, translated and annotated by Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). Berlin; New York, 1998.

Malzahn 2007 – *M. Malzahn* (ed.). Instrumenta tocharica. Heidelberg, 2007.
Peyrot 2007 – *M. Peyrot.* [Рец. на:] *H. Saito.* Das Partizipium Präteriti im Tocharischen. Wiesbaden, 2006 // Bibliotheca Orientalis. 2007. V. 64.
Peyrot 2008 – *M. Peyrot.* Variation and change in Tocharian B. Amsterdam; New York, 2008.
Pinault 2008 – *G.-J. Pinault.* Chrestomathie tokharienne: Textes et grammaire. Leuven; Paris, 2008.
Poucha 1955 – *P. Poucha.* Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
Schmidt 1974 – *K.T. Schmidt.* Die Gebrauchsweisen des Mediums im Tocharischen. Göttingen, 1974. (Dissertation... vorgelegt von K.T. Schmidt.)
Schmidt 1999 – *K.T. Schmidt.* [Рец. на:] Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China / Transliterated, translated and annotated by Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). Berlin; New York, 1998 // Tocharian and Indo-European studies. 1999. V. 8.
Schulze 1924 – *W. Schulze.* Die reduplizierten Präterita des Tocharischen und Germanischen. Berlin, 1924.
Seržant 2011 – *I. Seržant.* Die Entstehung der Kategorie Inagentiv im Tocharischen // T. Krisch, T. Lindner, M. Crombach, S. Niederreiter (Hrsg.). Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft (Salzburg, 21–27 September 2008). Wiesbaden, 2011.
Seržant (in print) – *I. Seržant.* Derivationelle Diathese im Tocharischen // Proceedings of the scientific conference dedicated to centenary since the beginning of decipherment of the Tocharian texts (Moscow–St. Petersburg, 25–28 August 2008) (in print).
Thomas 1957 – *W. Thomas.* Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen. Wiesbaden, 1957.
Thomas 1960 – *W. Thomas.* Zur Verwendung des tocharischen Verbalsubstantivs auf *-r* im Perlativ // Indogermanica. Festschrift für W. Krause zum 65. Geburtstage. Heidelberg, 1960.
Winter 1976 – *W. Winter.* Tocharisch B *-au-*: tocharisch A *-e-* // Orbis. 1976. V. 25.

И.Б. Иткин

Сведения об авторе:

Илья Борисович Иткин
Институт востоковедения РАН,
школа «Муми-Тролль» (Москва)
isv@gol.ru

S. Van Laer. **La préverbation en latin: étude des préverbes *ad-*, *in-*, *ob-* et *per-* dans la poésie républicaine et augustéenne.** Bruxelles: Latomus, 2010. 501 p.

В то время как сравнительно-историческое языкознание во многом выросло на материале классических языков, изучение последних, и латинского языка в частности, с позиций современной синхронной лингвистики и типологии – достаточно новое направление. В целом классическая филология до сих пор остается очень традиционной областью. Несмотря на наличие многих качественных грамматических описаний и словарей, содержащих зачастую тонкие наблюдения относительно употребления тех или иных языковых единиц, в основе таких описаний лежит традиция, восходящая непосредственно к трудам античных грамматиков.

Впрочем, в течение последних десятилетий интерес теоретической лингвистики к классическим языкам постоянно возрастал, появились современные грамматики латинского языка и работы, посвященные обсуждению различных частных вопросов, имеющих отношение к синхронному описанию языка и рассмотрению его материала в свете типологии. Периодически собираются конгрессы и конференции по латинской лингвистике.

Латинская глагольная префиксация – область, серьезное изучение которой началось сравнительно недавно. При этом существующая типология систем превербов как межъязыкового феномена была создана практически без учета данных латинского языка (и классических языков в целом).

Пионером в области системного и целенаправленного описания семантики латинских превербов можно назвать Бенхамина Гарсия-Эрнандеса, посвятившего данной проблематике одну монографию [Garcia-Hernández 1980]

и множество статей (из основных назовем [García Hernández 1978; 1985; 1989; 2005]). Достойным внимания представляется сборник [Moussy 2005]. Важным направлением является изучение непространственных функций превербов, в частности аспектуальной функции. Этот вопрос, а также проблема семантики префиксальных глаголов с суффиксом *-sc-* достаточно подробно обсуждаются в книге Г. Хаверлинг [Haverling 2000] и в написанной ею главе новой коллективной монографии о латинской грамматике [Haverling 2010].

Новейшая монография Софи Ван Лар «Глагольная префиксация в латыни: исследование превербов *ad-*, *in-*, *ob-* и *per-* в поэзии эпохи республики и Августа» представляет собой расширенную версию диссертации автора и призвана заполнить существовавшую до сих пор лакуну. Задачей исследования является претендующий на относительную полноту разбор семантики нескольких латинских превербов в рамках вышеуказанного корпуса текстов. Автор отмечает, что работа задумана как продолжение и дополнение к защищенной в 1996 и опубликованной в виде монографии в 2000 году диссертации Ж.-П. Браше о превербах *de-* и *ex-* [Brachet 2000].

Монография С. Ван Лар состоит из введения, трех глав основной части и заключения.

Во введении кратко представлен обзор предшествующих исследований о латинской префиксации (число которых, впрочем, действительно не велико). Оговаривается мотивация выбора корпуса поэтические тексты республиканского и августовского времени достаточно единообразны в языковом плане, хорошо представляют латинский язык своей эпохи и широко используют различные виды словообразования, в том числе глагольную префиксацию, в силу тенденции поэтического языка к большей выразительности по сравнению с языком прозы. Автор отмечает, что не следует относиться к поэтическому латинскому языку как к «искусственному»: его «вольности» не выходят за рамки естественных языковых правил.

В первой главе анализируется семантика глаголов перемещения (déplacement), образованных с помощью перечисленных в заглавии книги превербов. В качестве теоретической базы привлечены французские работы [Tesnière 1959; Boons 1987; Mirambel 1950; Groussier 1980; Lamiroy 1987; Létoublon 1983; Vendryes 1932/1952]. Содержащиеся в них различные определения классов и подклассов глаголов движения и позиции критически разбираются в сопоставлении друг с другом, обсуждается применимость их определений и классификаций к анализу выбранного корпуса текстов. В итоге С. Ван Лар предлагает свой собственный вариант синтеза критически переработанных теорий. Приведем основные понятия предложенной «синтетической» теории.

Перемещение понимается в «узком» смысле как изменение субъектом положения в пространстве без изменения формы и субстанции самого субъекта; выделяются стандартные фрагменты ситуации перемещения: начальная точка, конечная точка, маршрут. Глаголы перемещения противопоставлены глаголам положения в пространстве (position dans l'espace), которые, в свою очередь, могут быть динамическими и не-динамическими (например, лат. *sīdō* 'садиться' vs. *sedeō* 'сидеть'). Последние представлены как два подтипа одного типа в силу частой морфологической связанности пар таких лексем в латинском языке. Термином «движение» (mouvement) автор предлагает не пользоваться ввиду его неоднозначности.

Глаголы перемещения подразделяются на четыре семантических класса. Именно такое деление на классы оказывается, согласно автору, удобным для исследования значений превербов:

1) глаголы перемещения в собственном смысле, т.е. глаголы, сочетающиеся с локативными аргументами и не содержащие указания на способ перемещения (например, *gradior* 'идти, перемещаться'), а также дейктически ориентированные глаголы типа *veniō* 'идти в сторону говорящего';

2) глаголы вертикального перемещения (*cadō* 'падать', *scandō* 'подниматься');

3) глаголы способа перемещения глаголы, сочетающиеся с локативными аргументами и обозначающие способ перемещения (*currō* 'бежать', *labor* 'скользить, плавно перемещаться');

4) глаголы «внутреннего» перемещения (déplacement intrinsèque) – глаголы, сочетающиеся только с одним локативным аргументом, указывающим на «место протекания действия» (*ambulō* 'гулять', *errō* 'бродить'). Указание на способ может иметься или нет, главный же компонент семантики по сравнению с остальными глаголами перемещения – подчеркнутое отсутствие цели. В русской лингвистической традиции этому термину соответствует «ненаправленное движение». Превербы, присоединяемые к таким глаголам, указывают на локализацию ситуации в целом, а не отдельных ее фрагментов. Сходную функцию имеют превербы и с «чистыми» стативами.

Использованию каждого превербa посвящен отдельный раздел, в начале каждого из которых приводится таблица префиксальных глаголов движения, распределенных в соответствии с вышеуказанными группами.

Выбранные для анализа и обозначенные в заглавии книги превербы могут последовательно не иметь дериватов одной из групп. Так, в текстах выбранного периода преверб *per-* не имеет дериватов второй группы (вертикальное перемещение), преверб *ad-* не имеет дериватов четвертой группы (внутреннее перемещение). Последнее связано с динамической природой семантики *ad-* (достижение конечной точки / приближение к конечной точке). Вне выбранного автором корпуса соответствующие лексемы вполне употребительны, хотя и редки: глагол *adambulō* встречается и до, и после указанного периода (например, у Плавта и Апулея) в значении 'ходить рядом', т.е. преверб имеет значение локализации ('рядом'), аллативное же значение ('движение в сторону ориентира') теряется. Глагол *aderrō* 'блуждая, доходить' не попал в корпус лишь по случайности: он встречается, например, в немногим более поздней поэзии Стация, в языковом плане едва ли далекой от текстов республиканско-августовского поэтического корпуса. В сноске отмечается существование таких лексем без подробного пояснения. В этой связи отметим, что, хотя задача, которую ставит себе автор – исследование семантики превербов в рамках определенного корпуса текстов, – может считаться полностью выполненной, вызывает некоторые вопросы мотивация именно такого, а не иного выбора корпуса. Объяснение мотивации выбора текстов, содержащееся во введении, представляется несколько общим и не вполне достаточным.

Все префиксальные глаголы перемещения, приведенные в таблицах для каждого из превербов, подробно исследуются и сопоставляются друг с другом. Для каждого преверба определяется «прототипическое пространственное значение» (речь идет, по-видимому, о сущности, более или менее соответствующей русскому термину «инвариантное значение»): приближение к ориентиру / достижение ориентира для *ad-*, «двойной предел» (limite double) в пространстве для *in-*, «перекрытие» (recouvrement) для *ob-*, «маршрут» (parcours) для *per-*.

Прототипическое пространственное значение превербов по-разному интерпретируется в разных группах глаголов перемещения. Так, преверб *in-* с глаголами перемещения в собственном смысле (группа 1) обозначает перемещение внутрь замкнутого пространства ориентира (при этом движение может пониматься как в прямом смысле, так и в переносном, когда движения в физическом смысле не происходит или оно является факультативным), например:

Heraclitus *init* quorum dux proelia primus

'Гераклит, их предводитель, первым *вступает* в сражение' (с. 52, из Lucr. I, 638).

Исключением является глагол *inueniō*, не имеющий пространственных употреблений и встречающийся лишь в значении 'находить'. С глаголами способа перемещения значение преверба остается тем же (движение внутрь пространства «двойного предела»); некоторые из глаголов этой группы становятся глаголами перемещения лишь при добавлении преверба *in-*, в частности глагол *irrumpō* 'врываться', бесприставочный коррелят которого имеет значение 'ломать, разбивать, рвать'. *Irrumpō* вместе с многими глаголами группы «способа перемещения» (*incurrō*, *incursō*, *inuadō*, *irruō*, *incessō*, *īnsultō*) образуют особую подгруппу, в семантике которой, кроме идеи проникновения во внутреннее пространство аргумента-ориентира, являющегося конечной точкой перемещения, ясно прослеживается дополнительная идея «враждебности» действия: все они могут обозначать ситуацию вторжения, нападения, и именно такая интерпретация является приоритетной в большинстве контекстов. «Нападение» может быть понято и в переносном смысле, если речь идет об ощущениях: так, глагол *inuādō* встречается в контекстах типа 'объять (о страхе, горе и т. д.)'.

С глаголами «внутреннего перемещения» *in-* вполне предсказуемо указывает на локализацию ситуации в целом и не имеет аллативного значения. Некоторые глаголы могут быть включены в обе группы. Так, например, глагол *innatō* может иметь следующие значения: 'вплывать', 'втекать', 'плавать внутри'. В первых двух значениях он должен быть приписан к группе способа перемещения, в третьем – к группе внутреннего перемещения, соответственно, преверб может иметь или не иметь аллативного значения наряду со значением локализации «двойного предела». В то же время типичный глагол внутреннего перемещения *inambulō* 'гулять во внутреннем пространстве ч.-л.' в некоторых контекстах может получать интерпретацию простого глагола способа движения и сочетаться с аргументом-ориентиром конечной точки. В этом случае значение может быть примерно передано как 'гуляя, войти'.

Глаголы вертикального перемещения с превербом *in-* имеют следующую особенность: на передний план выступает аллативное значение преверба (достижение конечной точки, например земли или ее аналога в случае с глаголом *incidō* 'падать'), в то время как значение локализации внутри пространства ориентира («двойной предел») может вообще отсутствовать или даже противоречить физической реальности. Так, глагол *incidō* встречается в сочетании с ориентиром 'вода' – в этом случае значение внутреннего пространства вполне выделимо. В контексте же, где ориентиром

является 'алтарь', речь идет о падении на верхнюю поверхность ориентира. Параллелью к последнему типу употреблений превербa *in-* оказываются употребления омонимичного предлога *in* (имеющего общий с превербом диахронический источник) в контекстах типа *in equō* 'на лошади'.

Подобный разбор проведен для каждого превербa. В конце I главы представлен сравнительный анализ семантики некоторых кажущихся синонимичными лексем, образованных от одного корня, но имеющих разные превербы. Так, *adeō* и *ineō* 'подходить', по-видимому, различаются не по признаку 'внутреннее пространство / внешнее пространство', а изначальной дистанцией субъекта до предполагаемой цели перемещения: в случае *ad-* дистанция ощущается как 'маленькая', в случае *in-* – как 'большая'.

Во II главе вновь анализируются все заявленные в заглавии превербы, однако расширен класс глаголов: в рассмотрение включаются глаголы каузации движения и некоторые другие глаголы, при которых превербы получают специфические (непространственные) интерпретации. Так, для *ad-* разбираются дериваты с «аддитивным» значением – прямым или переносным. В прямом «аддитивном» значении *ad-* встречается, например, в глаголе *addō* 'добавлять', в переносном, например «интеллектуальном», в терминологии автора, значении, – в глаголе *adopinor* 'делать выводы'.

Превербы *ad-* и *in-* рассмотрены в одном разделе, и описание их семантики построено на сопоставлении друг с другом ввиду наличия большого количества контекстов, где дериваты с данными превербами кажутся синонимичными.

Наконец, в III главе исследуется взаимодействие префиксации с другими морфологическими и синтаксическими категориями. Рассматриваются такие вопросы, как употребление превербов в глаголах с суффиксом *-scō*, деноминативные глаголы, образованные с помощью превербов. Отдельный раздел посвящен особому классу деноминативных глаголов, названных «парасинтетическими» (parasynthétique) по примеру [Mignot 1969], где превербы имеют особую функцию, полностью отсутствующую как в обычных деноминативных глаголах, так и в отглагольных дериватах с превербами. Речь идет об образованиях типа *ingurgitō* 'стремительно выливать, опрокидывать' (< *gurges* 'водоворот, вода'), где превербы выбирается по аналогии с предлогом, который был бы использован в аналогичном по семантике словосочетании с существительным и глаголом каузации движения (*ingurgitō* < *in gurgitem iaciō, dēiiciō, praecipitō* и т. д.). Отметим, что подобные образования являются достаточно продуктивными и в романских языках, при том что основные (пространственные) функции превербов в последних можно считать утерянными (например, итал. *imboscarsi* 'спрятаться в лесу', *intrecciare* 'заплетать', франц. *embarquer* 'грузить, производить посадку'). Теоретические работы, на которые опирается в своем исследовании автор, рассматривают в основном именно материал романских языков.

Книга С. Ван Лар является удачным примером сочетания филологического чутья, эрудиции, умения понимать и интерпретировать латинский текст с использованием современного лингвистического инструментария. В частности, подобное исследование едва ли могло быть реализовано без использования электронных корпусов, лучшим из которых на сегодняшний день является портал Perseus Digital Library. При всех его недостатках (неполноте охвата латинской литературы, крайне скудном числе параметров поиска) работа исследователя частных вопросов семантики облегчается во много раз, так как имеется возможность за считаные секунды получить все возможные контексты использования той или иной языковой единицы. Использование корпусов имеет особое значение для изучения семантики мертвых языков, к каковым относится латынь: за отсутствием живых носителей обращение к контекстам остается единственной возможностью определения значения языковых единиц.

К некоторым упущениям, которые, впрочем, не умаляют пользы и актуальности монографии, следует отнести крайне скудное присутствие в библиографии не-франкоязычных работ при общем внушительном количестве упомянутых монографий и статей (всего около 400). Смущает, например, полное отсутствие ссылок на исследования Л. Талми о способах «лексикализации» движения в языках [Talmy 1985; 2000], при том что соответствующая тематика (глаголы движения) находится в центре рассмотрения автора. Впрочем, исследование обращено только на латинский язык и не является специально типологически ориентированным, что отчасти может объяснять данный пробел (теория Талми является подчеркнуто типологической, хотя его работы по-прежнему остаются самыми цитируемыми среди специалистов по глаголам движения в англоязычных странах). Материал, однако, разобран настолько последовательно и полно, что выводы автора вполне могут быть использованы и типологами.

В книге также явно недостаточно внимания уделено аспектуальной функции превербов (всего около полутора страниц). Автор объясняет это тем, что данную проблематику можно

считать уже достаточно разработанной, что, однако, не вполне соответствует действительности. Существующие исследования, на которые ссылается автор [Haverling 2000; García-Hernández 1985; 2005], решают проблему описания аспектуальных функций превербов лишь отчасти.

В целом, однако, задачу, поставленную автором – исчерпывающее описание семантики четырех латинских превербов в выбранном корпусе, – можно считать полностью и качественно решенной. Проблема полисемии решена без обращения к какой-либо специальной теории о способе правильного ее представления, однако структура изложения такова, что значения оказываются представленными иерархически; таким образом, мы имеем дело с аналогом семантической сети.

Монография, несмотря на отмеченные недостатки, может с полным основанием считаться лучшим на сегодняшний день синхронным исследованием латинской глагольной префиксации и должна в будущем учитываться во всех исследованиях, так или иначе затрагивающих данную область. Она может также стать полезным подспорьем для латинистов при интерпретации текстов.

Добавим в заключение, что обозначенное в заглавии монографии ограничение исследуемого материала поэзией эпохи республики и принципата Августа, во-первых, и четырьмя превербами, во-вторых, предполагает дальнейшие исследования – как синхронные исследования префиксации, в том числе других превербов и в других корпусах текстов, так и диахронические исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Boons 1987 – *J.-P. Boons*. La notion sémantique de déplacement dans une classification syntaxique des verbes locatifs // Langue française. 1987. V. 76.

Brachet 2000 – *J.-P. Brachet*. Recherches sur les préverbes *dē-* et *ex-* du latin. Bruxelles, 2000.

García Hernández 1978 – *B. García Hernández*. Relaciones clasemáticas en el sistema preverbial latino // Studia philologica salmanticensia. 1978. V. 2.

García Hernández 1980 – *B. García Hernández*. Semántica structural y lexemática del verbo. Reus, 1980.

García Hernández 1985 – *B. García Hernández*. Le système de l'aspect verbale en latin // C. Touratier (ed.). Syntaxe et latin. Aix-en-Provence, 1985.

García Hernández 1989 – *B. García Hernández*. Les préverbes latins. Notions latives et aspectuelles // Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain. 1989. V. 5 (1–4).

García Hernández 2005 – *B. García Hernández*. L'antonymie aspectuelle des préverbes allatifs et ablatifs // C. Moussy (ed.). La composition et la préverbation en latin. Paris, 2005.

Groussier 1980 – *M.-L. Groussier*. Processus de déplacement et métaphore spatio-temporelle // Modèles linguistiques. 1980. V. 2/1.

Haveling 2000 – *G. Haveling*. On sco-verbs, prefixes and semantic functions: A study in the development of prefixed and unprefixed verbs from early to late Latin. Göteborg, 2000.

Haveling 2010 – *G. Haveling*. Chapter 4: Actionality, tense and viewpoint // P. Baldi, P. Cuzzolin (eds.). New perspectives on historical Latin syntax. V. 2. Berlin; New York, 2010.

Lamiroy 1987 – *B. Lamiroy*. Les verbes de mouvement, emplois figurés et extensions métaphoriques // Langue française. 1987. V. 76.

Létoublon 1983 – *F. Létoublon*. Les verbes de mouvement et l'auxiliarité en latin // Glotta. 1983. V. 61.

Mignot 1969 – *X. Mignot*. Les verbes dénominatifs latins. Paris, 1969.

Mirambel 1950 – *A. Mirambel*. Remarques sur l'expression linguistique de la notion de mouvement // Grammaire et psychologie (Numéro spécial du Journal de psychologie normale et pathologique). Paris, 1950.

Moussy 2005 – *C. Moussy* (ed.). La composition et la préverbation en latin. Paris, 2005.

Talmy 1985 – *L. Talmy*. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // T. Shopen (ed.). Language typology and semantic description. V. 3: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985.

Talmy 2000 – *L. Talmy*. Towards a cognitive semantics. MIT, 2000.

Tesnière 1959 – *L. Tesnière*. Éléments de syntaxe structurale. 2-e ed. Paris, 1959.

Vendryes 1932/1952 – *J. Vendryes*. Sur les verbes de mouvement en indo-européen (1932) // Choix d'études linguistiques et celtiques. Paris, 1952.

В.А. Панов

Сведения об авторе:

Владимир Александрович Панов
Институт языкознания РАН
panovmeister@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная история Виноградовских чтений в МГУ 1999–2011 гг.*

Научные чтения, посвященные памяти академика, профессора, руководителя кафедры русского языка филологического факультета МГУ в 1945–1969 гг. Виктора Владимировича Виноградова, проводятся в МГУ с 1970 г. Они приурочены ко дню рождения великого филолога – 12 января[1], проходят в разгар студенческой сессии, время между Рождеством и Татьяниным днем, и традиционно открывают новый академический год, уже не одно десятилетие собирая на Воробьевых горах и маститых ученых, и аспирантов, и студенческую молодежь. В 2011 г. прошли XLII Чтения. Так имя и идеи В.В. Виноградова перешагнули в новый век.

1999–2011 гг. - период чуть больше десятилетия, на который приходится, пожалуй, самый остро прочувствованный рубеж нашего времени - миллениум. Современный человек стремится осмыслить пограничный характер нашего времени, охватить сознанием крупные временные блоки и зафиксировать крупнейший переход во времени (из столетия в столетие, из тысячелетия в тысячелетие). Это прослеживается в названиях международных лингвистических форумов: «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (филологический факультет МГУ, февраль 1995 г.); «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы» (ИРЯ РАН и МГЛУ, июнь 2002 г.); «Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия» (ИРЯ РАН, май 2007 г.).

Листая хроники Виноградовских чтений, понимаешь, что весь этот двенадцатилетний период осознавался организаторами и участниками как время рубежей, переходов, многие из которых связаны со значимыми датами и событиями в культуре и в лингвистике: 1999 год - юбилейные, XXX, Чтения посвящены 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Чтения 2001 года отмечены в хронике как «первые Виноградовские чтения нового тысячелетия», 2005 год - 250-летие Московского университета и 110-летие В.В. Виноградова, 2007 год – это год 60-летия знаменитой книги В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» и Год русского языка, 2011 год – 50-летие выхода «Словаря языка Пушкина» под редакцией В.В. Виноградова. Человеку эпохи рубежей свойственно подводить итоги и заглядывать в будущее в стремлении предвидеть дальнейший ход событий.

На протяжении этих лет организатором Чтений является Г.А. Золотова, ученица В.В. Виноградова, глава научной школы, продолжающей и развивающей научные традиции В.В. Виноградова.

Имя В.В. Виноградова остается ориентиром, предопределяющим тематику, направление и методологию исследований, лежащих в основе

---

*Благодарим сотрудников библиотеки ИРЯ РАН и лично заведующую Г.А. Онешко за помощь в подборе периодической литературы при подготовке настоящего обзора.

[1] 31 декабря 1894 г. / 12 января 1895 г. - официальная дата рождения В.В. Виноградова. Однако краевед г. Зарайска, родного города В.В. Виноградова, О.В. Полянчева, продолжив разыскания, начатые ее отцом В.И. Полянчевым, получила в Зарайском архиве справку о том, что в метрической книге Троицкой церкви сделана следующая запись о рождении и крещении В.В. Виноградова: «Запись о рождении: 16 ОКТЯБРЯ 1894 г. Крещение: 17 ОКТЯБРЯ 1894 г. В крещении получил имя Виктор. Отец – Троицкой церкви священник Владимир Александров (Александрович, совр.) Виноградов. Мать – законная жена его Ольга Иванова (Ивановна, совр.). Оба православного вероисповедания». Приносим благодарность краеведам г. Зарайска, педагогическому и студенческому коллективу Зарайского педагогического колледжа (в котором создан музей В.В. Виноградова и ведется исследовательская работа) и лично Е.Е. Дееву за помощь в установлении точной даты рождения В.В. Виноградова.

докладов, которые звучат на Чтениях в МГУ; камертоном, по которому проверяется филологический тон новых исследований; тем центром, вокруг которого объединяются научные единомышленники и противники. Имя Виноградова собирает людей науки, не ставя каких-либо ограничений, и это обусловлено широчайшим спектром научных интересов самого Виноградова, в личности которого соединялись многогранный и тонкий ученый и резкий полемист. В программе Чтений заявляются темы, связанные со сферой исследований самого В.В. Виноградова: современная грамматика, лексикология, стилистика, науковедение, история литературного языка и историческая языковая рефлексия, диалектология и фонетика, художественный текст, риторика, пушкинистика. Сегодня, когда нащупываются пути к интеграционному видению объекта, научный метод Виноградова привлекает универсальностью: мышление Виноградова соединяло, не противопоставляя, смысл и форму, лексику и грамматику, грамматику и текст, исторические и современные аспекты изучения языка («историческое напряжение», по выражению А.П. Чудакова).

Начало XXI в. – это время нового осмысления наследия Виноградова, независимо от наших предпочтений и приоритетов в науке. На смену фрагментарности объекта и знания приходит стремление увидеть объект в целостности; основанием целостного взгляда выступает для исследователя, прежде всего, связь грамматики с текстом: текст является средой, в которой осуществляется язык, в котором воплощаются интенции говорящего, его мысль. Поэтому так притягательно становится имя Виноградова, побуждающее участников Чтений снова обращаться к его трудам, и это обращение всегда обогащает. Возвращением к гамбургскому счету звучат слова выступавших с докладами на Виноградовских чтениях чл.-корр. РАН Т.М. Николаевой (2006[2]) о том, что в ранних работах Виноградов предстает как гениальный мыслитель[3], О.Г. Ревзиной (2011) о том, что «современная теория художественного текста не освоила того смыслового восхождения, которого достиг В.В. Виноградов, что В.В. Виноградов увидел путь, по нему предстоит пройти». Декан филологического факультета и зав. кафедрой русского языка М.Л. Ремнева, открывая Чтения 2005 г., подчеркнула особую роль академика Виноградова в развитии кафедры русского языка, отметила значимость трудов В.В. Виноградова в формирования новых поколений филологов и сохранении лучших традиций русской филологической науки.

В течение рубежных двенадцати лет существенно преображается тематика Чтений. Если первоначально темы формулировались предельно широко, соединяя имя В.В. Виноградова и современную филологию, то в дальнейшем темы приобретают черты определенности, «прицельности», направленности на конкретный объект или идею, которые интересовали в свое время В.В. Виноградова, а сегодня могут стать стимулом для новейших интерпретаций. Темы последних лет таковы: «Авторские стратегии и образ автора» (2008), «Соотношение объекта и теории в лингвистической концепции (уроки В.В. Виноградова)» (2009), «Виноградов и история изучения русского синтаксиса» (2010), «В.В. Виноградов о художественном тексте» (2011).

Ежегодно Виноградовские чтения собирают научную и педагогическую общественность МГУ, РГГУ, Университета им. П. Лумумбы, МГОУ, МГПУ, МГЛУ, ИРЯ РАН, ИЯз РАН, ИСл РАН, ИЛИ РАН, СПбГУ, университетов Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Тамбова, Тобольска и др. Ежегодно программа Чтений включает от шести до девяти докладов, за двенадцать лет прозвучало около 90 докладов, некоторые из которых никогда не публиковались и упоминание о которых существует только в ежегодных хрониках Чтений в «Вестнике МГУ». Становится понятно, что в прочитанных за это время докладах содержатся идеи, не теряющие своей актуальности, интересные и сегодня.

Настоящая публикация позволяет отдать дань памяти и благодарности тем ученым, кого уже нет: К.В. Горшковой (доклады «О лингвистическом времени», 2000; «Вопросы типологии в истории русского языка»[4], 2001), Н.М. Ёлкиной (доклад «Наименование денежных единиц в старославянском языке», 2000), И.А. Марфуниной (доклад «О связи исторического синтаксиса с диалектным», 2000), Н.В. Черемисиной (доклад «Понятие системности в концепции В.В. Виноградова и некоторые современные ее аспекты», 2001), А.П. Чудакову (доклад «Идеи В.В. Виноградова и изучение поэтики русской литературы», 2003).

---

[2] В скобках указан год выступления на Виноградовских чтениях.

[3] Это мнение высказал в разговоре с Т.М. Николаевой Вяч. Вс. Иванов.

[4] В хроникальных заметках, опубликованных в «Вестнике МГУ» за 2000–2001 гг., краткое сообщение о докладах сопровождается информацией о том, что в ближайшее время они будут изданы полностью. К сожалению, болезнь и уход из жизни К.В. Горшковой не позволили этим планам осуществиться.

Важнейшим аспектом программы Виноградовских чтений является интерес к жизни и творчеству самого В.В. Виноградова. Благодаря материалам хроник сегодня особенно ясно осознается близость времен, восстанавливается «времен связующая нить»: К.В. Горшкова, которая возглавляла кафедру русского языка филологического факультета МГУ (1971–1995 гг.), выступала на Чтениях не только с научным докладом, но и с воспоминаниями о В.В. Виноградове. Она рассказала о требовательности В.В. Виноградова в науке, о том, как он работал с аспирантами, как читал спецкурсы и как организовывал заседания кафедры русского языка по принципу «ни одного заседания без научного доклада» (1999). Воспоминаниями об учителе Виноградове делились со слушателями Г.А. Золотова, А.В. Степанов. Несколько докладов были посвящены различным биографическим аспектам. А.Б. Гуськова, по поручению вдовы В.В. Виноградова Н.М. Малышевой работавшая совместно с Г.А. Золотовой над архивом академика, в выступлениях (1999, 2002) познакомила слушателей с новыми материалам по «делу славистов», рассказала о военных 1941–1943 годах, прожитых семьей В.В. Виноградова в Тобольске (см. публикации [Гуськова 1995; Виноградов 1995а; 1995б]). Г.В. Зыкова (2011) познакомила слушателей с мемуарными материалами из архива Д.И. Журавлева, который окончил ту же семинарию, что и В.В. Виноградов, и застал учителей В.В. Виноградова.

Г.А. Золотова в докладе (2006), посвященном виноградовским традициям в современной филологии, говорила, что движение в любой науке обусловлено способностью ученого посмотреть на языковые факты новым взглядом, не дублировать традиционные, общепринятые формулы, исследовать грамматические объекты в тексте. Типы и жанры текстов, их речевое назначение в общественной жизни, способы проявления в них коммуникативных потребностей и межчеловеческих отношений, степень их продуктивности и выразительности, авторские особенности языка, их художественные приемы – вот безграничный простор и неисхоженные тропы для исследования речи. Все эти многообразные и нелегкие задачи мы решаем, когда работаем с материалом из богатейшей отечественной литературы. И подбор примеров, и наблюдения над синонимией – лексической и синтаксической, и попытки объяснить работу писателя над рукописью, его поиски, замены слов и т. п. ведут и к более глубокому пониманию текстов, и к развитию исследовательских навыков, и к научному росту. Виктора Владимировича как исследователя отличало то, что объектом изучения для него был русский язык не в идеализированных схемах и облегченных моделях, а во всем его живом богатстве, в его подлинной реальности, во всем многообразии его форм и проявлений. Наблюдая и изучая речь, речевую деятельность и в лучших образцах художественной литературы, и в разговорной повседневности, В.В. Виноградов вскрывал в речевых произведениях внутриязыковые закономерности их структуры и связи языка с действительностью, с жизнью общества, с историей и культурой народа, показывал взаимообусловленность и взаимодействие разных частей единой языковой системы.

В докладе о развитии виноградовских идей в синтаксисе (2009) Г.А. Золотова отметила, что в исследованиях В.В. Виноградова синтаксические конструкции предстают в новом, функционально-эстетическом качестве, выступают как элементы речевого целого, воплощающего замысел художника. Виноградовская традиция продолжает жить в концепции коммуникативной грамматики, которая соединяет системно-грамматическое и текстовое описание языкового материала. Г.А. Золотова показала, что трудами В.В. Виноградова проложены наиболее плодотворные пути нашей науки. В его классической книге «Русский язык» грамматическое учение раздвинуло свои границы, открывая в языковых средствах тот смысл, ради которого язык и существует. Его углубленная интерпретация грамматических связей позволила выявить минимальную синтаксическую единицу – синтаксему. Исследование языковых явлений в реальной жизни языка показало филологам путь к тексту. Открытие В.В. Виноградовым текстовых функций видо-временных форм глагола подготовило возможности выявления и системных речевых единиц текстовой композиции. Решение этой задачи позже было предложено в концепции коммуникативных регистров речи в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онищенко, Сидорова 1998/2004]; развиваются наблюдения над образом автора, соотношением точек зрения в структуре текста, разрабатываются и другие перспективные проблемы Виноградовской школы.

Доклады, прочитанные в разные годы, при взгляде из сегодняшнего дня объединяются в целостные тематические циклы. Тематические циклы напрямую связаны с научными интересами самого Виноградова, продолжают и развивают те направления, которые когда-то разрабатывал академик Виноградов.

Первый цикл – **историко-науковедческий**, в котором обсуждаются вопросы виноградовской методологии исследований поэтического языка, изучаются

позиции участников лингвистико-идеологических споров 1920-х гг. и более позднего времени.

А.П. Чудаков, ученик В.В. Виноградова и комментатор его научного наследия, в своем докладе (2003) показал различия между подходом В.В. Виноградова и взглядами «русских формалистов»: виноградовская методология исследования поэтического языка опирается на собственно лингвистический анализ текста как целого. Для В.В. Виноградова слово в художественном тексте больше, чем слово общенародного языка, – это символ. А.П. Чудаков подчеркнул значимость вклада В.В. Виноградова в методологию филологической науки: В.В. Виноградов создал терминологию, которая до сих пор используется не только исследователями языка писателя, но и в работах по грамматике и лексике. Докладчик показал, что очень многие «последователи» академика Виноградова сохранили от виноградовской традиции только «формулу названия» работы, но не сохранили ни методологии В.В. Виноградова, ни уровня его обобщений.

С выступлением А.П. Чудакова вступает в диалог доклад О.Г. Ревзиной (2011) «Понятие символа в теории художественного текста В.В. Виноградова». О.Г. Ревзина, опираясь на работы В.В. Виноградова первой трети XX в. («О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», «О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски)», «О теории литературных стилей», «К построению теории поэтического языка»), в которых были раскрыты характеристики символа как единицы художественного текста и продемонстрирована эффективность символа как единицы филологического анализа, говорила о полемике между В.В. Виноградовым, с одной стороны, и В.М. Жирмунским и Б.В. Томашевским, представлявшими идеологию ОПОЯЗа, – с другой. В новаторской и плодотворной концепции В.В. Виноградова снимается дихотомия «лингвистика – литературоведение». В разработанной В.В. Виноградовым концепции символа обращают на себя внимание три позиции: а) символы – «органические элементы» художественного текста; они не задаются заранее, а извлекаются из текста; б) значение символа обусловлено структурой и «всей композицией» текста, вне которой символ не существует; в) символы могут «морфологически» совпадать с любой единицей языка, но это не тождество, а всего лишь омонимия.

К докладам А.П. Чудакова и О.Г. Ревзиной о символе тематически примыкает доклад Т.М. Николаевой «“Прецедентные ключи” и теория текста» (2009). Применяя идеи В.В. Виноградова, докладчица показала, что уровень символов в литературном произведении становится понятным при использовании «прецедентных ключей». В одних случаях прецедентные ключи следует искать в античной мифологии, в других – в биографии прецедентных личностей. Т.М. Николаева подробно проанализировала произведения Пушкина и Лермонтова.

В.М. Алпатов в докладе «В.В. Виноградов и круг Бахтина» (2007) представил научно-исторический контекст, в котором создавались работы Виноградова 20–40-х гг., а также охарактеризовал с позиций времени основные направления филологической полемики 20–60-х гг. прошлого века (об этом см. также [Алпатов 2005]). В.М. Алпатов показал, что в работах круга Бахтина 20-х гг. и в более поздних сочинениях М.М. Бахтина чувствуется особое внимание к деятельности Виноградова, в текстах 50-х гг. Виноградов – главный оппонент даже там, где прямо не упоминается. В.М. Алпатов указал на неправомерность отнесения В.В. Виноградова (в книге «Марксизм и философия языка») к последователям Женевской школы: в историю отечественной науки Виноградов вошел прежде всего как хранитель традиционной русской дореволюционной науки. Докладчик привел высказывания Бахтина, из которых очевидно, что, критикуя концепцию В.В. Виноградова, М.М. Бахтин высоко оценивает его лингвистический талант, кругозор, эстетический вкус. В свою очередь В.В. Виноградов, выступая на заседании ВАК, посвященном обсуждению диссертации М.М. Бахтина о Рабле, охарактеризовал диссертанта как человека необыкновенно талантливого, обладающего большой культурой и большими знаниями.

Следующий лингвистический сюжет обусловлен вниманием к категории **образа автора**.

И.М. Широнин (2008), представляя историко-филологический контекст категории образа автора, показал, что это словосочетание от литературоведческого термина (филологического объекта) двигалось к методологическому понятию, а потом – к образному выражению, растиражированному школьными и вступительными сочинениями, а сейчас «образ автора» вновь возвращает свою терминологическую сущность. Докладчик обосновывал идею о том, что понятие образа автора соединило индивидуально-художественное начало с надличностными, культурно-языковыми тенденциями того времени. Поэтому – назад к Виноградову. В докладе (2008) Н.К. Онипенко напомнила слушателям беседу В.В. Виноградова с молодыми сотрудниками Института русского языка,

в которой академик охарактеризовал ситуацию в филологии первой трети XX в. и историю понятия образа автора (см. публикацию В.Д. Левина [Виноградов 1975]). Н.К. Онипенко сопоставила идеи В.В. Виноградова со взглядами Г.Г. Шпета, с идеями литературоведческого структурализма и с моделью субъектной перспективы, разрабатываемой в рамках концепции коммуникативной грамматики[5].

В развитие идей В.В. Виноградова понятие образа автора просцируется на другие фигуры в текстовых и грамматических исследованиях. И.И. Бакланова (2008) говорила об «образе адресата» в мемуарах, посвященных Ахматовой. М.Ю. Сидорова (2008) в свете теории образа автора анализировала грамматики русского языка XIX в. и грамматическую полемику в журнальных статьях того времени. Она показала, что понятие образа автора применимо не только к художественному тексту, но и к грамматическим сочинениям, в которых виден «образ грамматиста», который часто создавался намеренно, например, образ грамматиста-консерватора Н.И. Греча. В докладе А.В. Уржи (2002) речь шла о соотношении образа автора и образа переводчика как композиционных категорий художественного переводного текста. А.А. Волков (2011) предложил систему субъектных образов, определяющих структуру риторической прозы: (1) образ ритора в его отношении к речи как соответствие реально сложившегося представления об авторе речи к норме, идеальному образу ритора; (2) образ аудитории (читателя); (3) образ оппонента. А.А. Волков показал, что, кроме этих образов, есть и четвертый – образ предмета речи. В отличие от образа автора, структурного центра художественного текста, образ ритора связан с этическим компонентом, т. е. с нормой поведения, и формируется он в отношении к образам оппонента и аудитории. Т.Б. Радбиль (2008) продемонстрировал возможности применения теории «образа автора» (соединив теорию образа автора с типологией субъектов по Е.В. Падучевой) к нарративным аномалиям у А. Платонова.

Стилистика и риторика, проблема речевых жанров обсуждались в следующем цикле докладов.

В докладе В.И. Аннушкина (2007) рассматривались взгляды академика В.В. Виноградова на предмет филологии в связи с доминантой его творческого метода, которую сам Виноградов определил как «историзм». Докладчик представил историко-культурную типологию и периодизацию филологических («словесных») наук, имеющих отношение к общественно-языковой практике. Этими дисциплинами являются грамматика, риторика, поэтика, логика, словесность, стилистика, культура речи – с дальнейшим расширением состава наук в XX столетии (функциональная стилистика, психолингвистика, прагматика, лингвистика текста и др.) и в нынешний период развитого информационного общества (такие «новые» науки, как коммуникативистика, связи с общественностью, имиджелогия и мн. др.). Н.В. Черемисина (2001) говорила о рождении в современном науковедении общей теории систем, представления о системе наук, о межнаучной «трансплантации» идей и о науке-доминанте, в роли которой, по мнению Н.В. Черемисиной, ныне выступает лингвистика[6]. Обратившись к проблемам композиции текста, Н.В. Черемисина добавила к числу известных сильных позиций (заглавие, эпиграф, начало и конец) гармонический центр, «золотое сечение» – в предложении, абзаце, художественном целом. Гармонический центр есть позиция выдвижения важных, заданных автором и воспринимаемых читателем смыслов (о чем свидетельствует переход многих гармонических центров в языковую афористику), что было показано на анализе маленькой трагедии «Моцарт и Сальери».

А.А. Волков, разрабатывающий проблемы истории и теории риторики, в своем докладе (2006) показал, что В.В. Виноградов различал два типа художественности – поэтическую и риторическую. В.В. Виноградов говорил о нелинейном анализе риторической прозы, что в конечном счете связано с такими смысловыми категориями, как символ, образ. А.А. Волков, обсуждая вклад академика В.В. Виноградова в методологию риторической критики (риторической критикой называется филологический анализ произведения с точки зрения его эффективности и влиятельности), проанализировал работу В.В. Виноградова «Опыт риторического анализа», в которой сопоставляется речь В.Д. Спасовича и критика этой речи Ф.М. Достоевским. В.В. Виноградов заложил основы отечественной риторической критики, его работу отличает, во-первых, сознательный языковедческий подход к предмету и, во-вторых, встроенность в теорию литературного языка и

---

[5] Этот доклад послужил началом работы над разделом об эгоцентрических средствах в очередном томе [ПФГ (в печати)].

[6] Неожиданно эти идеи находят продолжение в современных научных дискуссиях: круглый стол на тему «Остается ли филология "царицей" гуманитарных наук» (прошедший 4 апреля 2011 г. в ВШЭ), полемика на страницах «Нового литературного обозрения», которая стала откликом на статью [Козлов 2011].

теорию литературы, что сохраняет значимость этой работы для современной филологии. Важной особенностью риторического анализа В.В. Виноградова является аналитический разбор риторической формы не по композиции произведения (диспозиции – в риторической терминологии), а по композиционно-речевым формам, представленным в произведении. Обычно анализ риторического произведения в основном ограничивается его элокутивной составляющей. В.В. Виноградов же сосредоточил внимание на лексических средствах создания образа, экспрессивном синтаксисе и фигурах речи.

В.Г. Костомаров (2005) обратился к дискуссии о стилях и стилистике 1960–1961 гг., проследил динамику системы стилей: от теории замкнутых языковых подсистем к идее взаимопроникновения и взаимодействия стилей. С точки зрения докладчика, не может быть одной стилистики на все времена: концепция стилистики меняется в зависимости от форм «языкового существования» общества. Так, в теории стилистики соединяются относительная стабильность системы и ее динамика, подвижность. О том же шла речь в докладе Я.Н. Засурского (2004), который охарактеризовал современное состояние средств массовой информации и показал, что эволюция языковых средств в сфере СМИ – это сложное взаимодействие динамичности, «подвижности» речевых штампов и стабильности символов.

М.Ю. Сидорова (2004) обсуждала критерии идентификации словесно-художественных объектов – проблему, которую можно решать, применяя методологические идеи В.В. Виноградова. Интегрирующий подход В.В. Виноградова, соединявшего индуктивность и дедуктивность, лингвистику и литературоведение, грамматику и стилистику, М.Ю. Сидорова сопоставила с теориями генеративистов, для которых существовало «неразрешимое противоречие» между простой регистрацией объектов и «чистой» грамматической теорией. Проблема разграничения художественных и нехудожественных текстов стала актуальной в связи с развитием современной интернет-культуры. Рассматривая бытование одних и тех же текстов на разных интернет-сайтах, докладчица обосновала гетерогенную сущность художественности: по мнению М.Ю. Сидоровой, квалификация текста как художественного – это результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. А.Р. Балаян (1999) сопоставил теоретические принципы изучения диалога, разработанные В.В. Виноградовым, и методы современного дискурсного анализа диалогической речи. Докладчик высказал предположение, что сама философия языка В.В. Виноградова говорит о необходимости расширить представления о языковой форме.

А.В. Степанов (2005), слушавший в 60-е годы XX в. спецкурсы В.В. Виноградова, сообщил о том, что академик Виноградов заявил на 1969–1970 учебный год спецкурс (к сожалению, не состоявшийся) с названием «Стиль русской новеллы 40-х – 70-х гг. XIX века». В русле этой идеи А.В. Степанов обратился к рассказам «Чертопханов и Недопюскин» (1849 г.) и «Конец Чертопханова» (1872 г.) из цикла «Записки охотника». Новеллы объединены одним героем, но разделены временем написания. Этот факт стал в докладе основным для интерпретации этих текстов и для выбора термина: виноградовский термин «стиль» был заменен термином «дискурс». В системе стилистических взглядов В.В. Виноградова, в центре которой был «образ автора», актуальными были понятия «речевая характеристика героя», «субъектно-речевой план», «субъектная сфера героя». Термин «дискурс» в докладе меняет исследовательский акцент: с речевой характеристики героя на раскрытие его внутреннего мира, психологии героя. Проанализировав текст новелл, докладчик показал, что в стилистике героя произошли существенные изменения: от просторечия и охотничьего жаргона, от поэтики сентиментализма («читай историю несчастий рода человеческого») – к романтическому стилю, с его напряженным борением страстей.

В докладе О.Н. Григорьевой (2001) был рассмотрен стилистический контраст как результат особой формы взаимодействия предложений и слов в художественном тексте; стилистический контраст порождает семантическую противоречивость текста (см. произведения Чехова, Булгакова, Ильфа и Петрова, Токаревой). Отношения несоответствия между различными стилистическими значениями приводят к отрицательной субъективно-оценочной модальности, к семантическим деформациям. Семантический парадокс может получить двоякое разрешение: гармонизация противоречия либо подчеркивание противоречия. Оба случая разрешения конфликта находим в творчестве Тургенева.

Историко-лингвистический цикл представлен в таких аспектах: история языковой рефлексии, отраженная в грамматиках и словарях, соотношение книжного и простого языка, грамматики, текста и религиозного типа мышления в языке до XVIII в.

В докладе о простом языке Псалтырей XVI–XVII вв. Н.Н. Запольская (2000) показала, что освоение литературного языка как особой среды, объемлющей человека, осуществляется

двумя способами – мнемоническим и рефлексивным. Стремление сохранить «правильность» слова Бога мотивировало специфику рефлексии над языком императивных текстов. Легализация концепции «доступности» слова Бога, свидетельствующая о переходе от теоцентрической культуры к антропоцентрической, обусловила перевод библейских текстов на простые языки. В результате – элиминация греческого языка, определявшего предшествующую церковнославянскую языковую традицию. В докладе Н.Н. Запольская (2002) говорила о проблеме текста и метатекста в конфессиональной культуре. В основе христианской культуры лежит императивно понимаемый текст Библии. Его освоение осуществлялось не только мнемонически, но и операциональным способом, что предполагало фиксацию и трансляцию христианских смыслов посредством толкования в грамматиках и словарях, в результате соединения конфессиональных и общеязыковых смыслов. Понятно, что грамматики и словари были не нормативными, а экзегитическими, например грамматики М. Смотрицкого и Ю. Крижанича, созданные как филологический комментарий к Острожской Библии 1580 г. Соотношение конфессионального и общеязыкового в грамматиках и словарях XVI-XVII вв. рассматривалось в докладе на материале имен собственных. Н.Н. Запольская проследила степень присутствия и выбор имен собственных в старых и новых грамматиках (от Иисуса и Анны до Ивана и Петра) и доказала, что выбор имен собственных (а не нарицательных) для построения морфологических парадигм в грамматиках XVI–XVII вв. подтверждает экзегитический (метатекстовый) характер этих грамматик. В докладе Н.Н. Запольской (2007) были рассмотрены славянские лингвистические сочинения, в которых нашла отражение филологическая рефлексия грамматистов XVI–XVII вв. Анализ филологической рефлексии, направленной на «раскрытие» смысла базовых христианских словесных формул позволил выявить такие стратегии лингвистического описания, как (1) снятие лексической и грамматической омонимии и синонимии; (2) выявление в языковых единицах, являющихся ценностными культурными ориентирами, не только собственно языковой семантики, но и идиосемантики, мотивированной типом культуры; (3) характеристика языковых единиц в конкретных текстовых условиях, учитывающих ситуативные и жанровые установки.

В.В. Калугин в серии докладов предложил лингво-текстологический анализ памятников книжной письменности. В докладе «Симсон Метафраст в переводе князя Андрея Курбского» (2000) представлены результаты комплексного анализа свода Курбского (свод является собранием житийной и церковно-учительской литературы и сохранился в списке рубежа 70–80 гг. XVI в.). В докладе «Книга Св. Августина в русской письменности XVI–XIX вв.» (2002) В.В. Калугин представил свою версию судьбы одного текста в истории русской письменности, а именно «Книги Св. Августина», известной по списку конца XVII в. Список был изготовлен Ефимием Чудовским около 1692 г. В списке Ефимия Чудовского В.В. Калугин обнаружил две русские вставки, одна из которых, по мнению исследователя, принадлежит князю А.М. Курбскому (установлено на основании источниковедческого и текстологического анализа) и направлена против иосифлян. Эта находка позволила утверждать, что Чудовский список восходит к рукописи «Книги Св. Августина», сохраненной князем А.М. Курбским в литовской эмиграции. Лингвистический анализ позволил установить, что Чудовский список «Книги Св. Августина» и списки ее отдельных частей (в частности, «Боговидная любовь») восходят к юго-западно-русскому протографу. Докладчик выдвинул предположение, что архетипом, к которому восходил список А.М. Курбского, являлся перевод «Книги Св. Августина», сделанный Дмитрием Герасимовым в 1518-1524 гг. Обширные разыскания и исследования текстов дали возможность взглянуть по-новому и на сочинение «Боговидная любовь», приписываемое Кариону Истомину. В.В. Калугин доказал, что книга «Боговидная любовь» представляет собой переработанную 1-ю часть «Книги Св. Августина» «О видении Христа». В докладе «Русская пародия конца XVI века на церковнославянский текст (на Иерусалимский устав)» В.В. Калугин (2006) рассматривал позднейшую приписку в «Пандектах» Никона Черногорца (памятник конца XIV в.). Эта приписка содержит шутку на церковнославянском языке и представляет собой пародию, стилизованную под Марковы главы в богослужебной части Иерусалимского церковного устава. Запись в «Пандектах» сохранила отголосок смеховой монашеской культуры, существовавшей в Чудовом монастыре Московского Кремля (в домовой обители русских митрополитов и патриархов): по содержанию это нелепые календарные указания на Великой пост в високосный год. Шуточная запись вступает в явное противоречие с одним из постулатов теории диглоссии, утверждающим невозможность пародии на книжном языке. Существование этого старейшего пародийного текста позволяет считать, что еще до «переходного» XVII в. в кругу людей, начитанных в церковно-богослужебной литературе, существовал фольклор духовного

сословия, что русские книжники и до XVII в. умели не только молиться, но и веселиться по-церковнославянски. Еще одним текстом, который анализировался В.В. Калугиным в докладе (2008), было «Житие Трифона Печенгского» (конец XVII в. – начало XVIII в.), существующее в трех редакциях. Сравнение редакций и списков памятника показало, что агиограф (составитель жития), будучи знаком со строгой книжной нормой, включил в свой текст монастырские записки со всеми их грамматическими ошибками, но при этом он усовершенствовал текст источника композиционно и риторически в соответствии с агиографическим каноном.

И.А. Марфунина (2000) затронула серьезную проблему в историческом синтаксисе – недостаточное внимание к диалектному материалу в первой половине XX в., что отчасти было продиктовано объективными причинами: специалисты были ограничены вопросами программы собирания сведений для «Диалектологического атласа», которая в малой степени была ориентирована на явления синтаксиса. Появление в конце XX в. содержательных исследований диалектов открывает новые перспективы использования материалов диалектного синтаксиса для объяснения конкретных явлений синтаксиса исторического.

В.С. Савельев (2009) рассмотрел одну из особенностей оформления прямой речи в летописи: часто реплики персонажей вводятся в текст с помощью двух глаголов, один из которых используется в личной форме, а другой – в форме причастия.

Особое место в истории Чтений занимает **творчество А.С. Пушкина**: это касается не только юбилейных Чтений 1999 г., но и научной идеологии Чтений в целом.

В.Г. Руделев (1999) показал, что А.С. Пушкин был главным и самым ярким героем виноградовского творчества, что творческая личность Виноградова развивалась во взаимодействии с творческой языковой личностью Пушкина и важнейшие идеи Виноградова родились «под воздействием» Пушкина. В докладе нашли развитие идеи Виноградова о неприменимости «к образам персонажей “Евгения Онегина” принципов реалистического стиля, которые были связаны с изображением характеров в русской реалистической поэтике, начиная с 40–50 гг. XIX века», а также о том, что и рассказчики, и персонажи в текстах Пушкина – это маски самого автора.

В этом цикле представлены доклады, посвященные исследованию черновиков и незавершенных произведений Пушкина. В докладе А.А. Илюшина (1999) рассматривались «концовки» двух незавершенных пушкинских стихотворений. Первое – к 25-летнему юбилею Лицея (1836 г.), обрывающееся на полустихе: «И над землей сошлися новы тучи, /И ураган их...». Докладчик предложил варианты завершающего строку чтения: «снова разогнал» или «новый разогнал» – и привел аргументы в пользу именно этих вариантов, а также соображения относительно того, что данное стихотворение предполагалось написать в 19 строфах (как и стихотворение «19 октября» 1825 г.). Еще один опыт конъектуры был предложен А.А. Илюшиным к наброску «Увы, язык любви болтливый...» (1829 г.), в котором пропущена (заменена точками) третья строка от конца. В докладе было высказано предположение, что она должна читаться как «Иль непристойную хулу...» – при незначительной корректировке ближайшего контекста. Г.В. Зыкова (1999) обосновала цитатную природу некоторых пушкинских выражений и конструкций, связанных с «прозаическим», «естественно-небрежным» началом в его поэзии. Автор доклада соотнесла строфу из «Евгения Онегина» «Он мыслит: “Буду ей спаситель...”» и заметки «О русской прозе» с «Душенькой» Богдановича; «блистающее копыто» из «Осени» – с материалами о метафорах в «Кратком руководстве к красноречию Ломоносова». В докладе А.А. Смирнова (2005) обсуждалась общая теория изучения лирики XIX в., разработанная Виноградовым, особенности его подхода к изучению «образно-идеологического фона» поэтических текстов Пушкина. Особое внимание было обращено на связи виноградовской теории поэтической речи и филологических работ Фосслера и Шпитцера. Развивая идеи В.В. Виноградова, А.А. Смирнов проанализировал эволюцию черновых вариантов стихотворения Пушкина «Аквилон» и показал стилистическое движение от басенной формы к лирическому тексту. В докладе А.А. Смирнов (2006) проследил историю движения поэтической мысли Пушкина от черновых вариантов стихотворения до его итогового (белового) текста, показал творческую продуктивность пушкинского поэтического языка, потенциальная бесконечность которого может быть неоднократно продемонстрирована примерами работы поэта над черновиками, каждый из которых предстает как поэтическое целое. В докладе отстаивалась мысль, что лирический дискурс Пушкина подчиняется как общим законам художественной выразительности, свойственной романтикам, так и индивидуальным принципам построения текста, продиктованным задачами «означивания» поэтических мыслей и чувств.

Еще одним аспектом анализа пушкинских текстов является толкование известных, хрестоматийных строк. А.А. Илюшин (2006)

рассмотрел V-ю строфу VIII-й главы «Евгения Онегина». В.В. Виноградов считал, что в строках «И позабыла речь богов / Для скудных, странных языков» имеется в виду «неукрашенный стиль русского просторечия». А.А. Илюшин, признавая возможность такого толкования, предложил видеть в данной строке такой смысл: «для языков российских инородцев», с которыми поэт общался в Бессарабии, на Кавказе, в Болдине, о которых размышлял над страницами исследований С.П. Крашенинникова («Описание земли Камчатки»; в Словарь языка Пушкина 1956-1961 гг. не включена освоенная им крашенинниковская лексика – названия народностей Дальнего Востока России). Н.К. Онипенко (2009), рассматривая семантику указательного местоимения *эта* и заместительный союз *не... но*, предложила толкование XXVII-й строфы VIII-й главы «Евгения Онегина» и обосновывала мнение, согласно которому фрагмент *не этой девочкой несмелой, но равнодушною княгиней...* является «жестом пренебрежения», а двухместный союз *не... но* предъявляет шкалу ценностей. Рассматриваемое сочетание с указательным местоимением *этот* оказывается встроенным в ряд: «та самая Татьяна» – «та девочка» «эта девочка» – («эта милая княгиня») – «сия законодательница зал». В этом ряду первые два употребления безоценочные, моделирующие воспоминание, отражающие дистанцию во времени, в этот же ряд могло бы встать сочетание из первоначального варианта, если бы не попало под действие союза *не... но*; два оставшихся – оценочные, демонстрирующие своеобразную карьеру Татьяны в глазах света: от никому не интересной и не нужной девочки до великолепной светской дамы (Татьяна уравнена с «блестящей Ниной Воронскою», по отношению к обеим употребляется местоимение *сия*). Н.К. Онипенко указала на двойное воздействие, под которым находится слово и предложение в тексте: это закон семантического согласования внутри предложения и закон многократного повтора и отражения, своеобразного эха в пушкинском тексте.

Проблема отношения прозы и поэзии в творчестве Пушкина рассматривалась в докладе Г.Н. Ивановой-Лукьяновой (2002), которая проанализировала два пушкинских описания осени: из стихотворения «Осень» (1833 г.) и из «Станционного смотрителя» (1830 г.). Тонкий стилистический анализ позволил исследователю показать общее и различное в ритме, интонации и семантике этих текстов. Фрагмент из «Станционного смотрителя» был представлен как своеобразный «прозаический подстрочник» стихотворного описания осени. Сопоставив семантический и интонационно-ритмический планы организации текстов, Г.Н. Иванова-Лукьянова обнаружила общий языковой механизм гармонии этих пушкинских текстов, который состоит в том, что семантическая и интонационно-ритмическая организации «работают в разном режиме, разном направлении»: в стихотворном тексте семантика выражает внутреннее противоборство, несогласованность, противоречие, а интонация характеризуется монотонностью; в прозаическом фрагменте, наоборот, монотонна (точнее, монотемна) семантика, а интонация строится по принципу контраста.

Особое внимание участники Чтений уделяли повести «Пиковая дама». Для В.В. Виноградова «Пиковая дама» стала текстом-ключом не только к эпохе и поэтике Пушкина, но и к грамматике глагола, к синтаксису конструкций, к образу автора. В докладе О.Е. Фроловой (2006) было показано, каким образом карточная терминология формировала во времена Пушкина смысл повести. Докладчица выделила четыре случая семантической неоднозначности (символичности) в художественном тексте: (1) конвенциональная символика в эпиграфе к повести, не связанная с языком, но отраженная в нем: *Пиковая дама означает тайную недоброжелательность*. (2) семантическая неоднозначность слова, функционирование которого еще не установилось в языке: название повести *Пиковая дама* (в узусе конца XVIII - начала XIX в. функционировали иные номинации, и данную карту следовало бы назвать *винновая краля*. В контексте неустановившегося употребления название повести воспринимается как соединение живого *дама* и неживого *пиковая*). (3) Приращение смысла в тексте, мотивированное специальной лексикой - карточными терминами: *руте*, *пароли*, *мирандоль* воспринимаются как стратегии риска, а *атанде* – как последний шанс Германа положить верную карту. (4) Появление новых смыслов в результате функционирования текста во времени – на примере глагола *убить* в шестой главе повести в контексте *Дама ваша убита* (данный глагол воспринимался как термин картежников и в пушкинское время в значительной мере был лишен современной образности). Особенностям современного прочтения «Пиковой дамы» посвятила свой доклад М.Ю. Сидорова (1999), рассмотревшая способы преобразования повествовательного текста в драматургический, способы перевоплощения пушкинского слова в сценический полилог в спектакле П.Н. Фоменко.

Одним из самых перспективных направлений, развивающих методологию В.В. Виноградова, является **изучение языковых средств в рамках текстового подхода** (в связи с автор-

скими тактиками и стратегиями). Это объяснительно-интерпретационное направление в грамматике не лишено полемического пафоса по отношению к современным вербоцентрическим концепциям: сущность аргументации сторонников этой методологии в том, что факт и реальный текст значимее, чем языковая компетенция исследователя или лингвистическая модель; текст предоставляет исследователю возможность увидеть языковую единицу во всей ее полноте. И в этом состоит «лингвистический реализм», как было названо виноградовское направление в лингвистике в одном из докладов Н.К. Онипенко.

В докладе Н.К. Онипенко (2003) объектом внимания была синтаксема *перед + Твор.п.* существительных (и местоимений) личных и тексты (А.С. Пушкина и А. Белого), в которых эта синтаксема выражает наблюдателя. Докладчица показала, что соединение предлога *перед* с *Твор.п.* личных существительных в значении 'перед лицом, глазами кого' нельзя рассматривать как частный случай признака «фасадности», или «тривиального наблюдателя» (как у Ю.Д. Апресяна). В отличие от синтаксем предметных, неличных имен, для которых важным является признак «фасадности», синтаксемы имен личных являются средством обнаружения наблюдательного пункта рассказчика. Данные исторического синтаксиса показывают, что синтаксемы *перед + Твор.п.* личных существительных соотносимы с формами *перед + Вин.п.*, которые толковались как «поставить, предстать пред чьим-л. взором». Анализ художественных текстов позволяет увидеть текстовые функции форм *перед + Твор.п.* личных местоимений: они употребляются во фрагментах репродуктивного регистра речи (в рамках которого вербализуется перцептивный модус), на границе между повествовательной и описательной частями. В художественном нарративе *перед + Твор.п.* личного местоимения является средством обнаружения внутритекстовой точки зрения рассказчика: элементы художественного пространства описываются с точки зрения героя (в докладе с точки зрения героев «Евгения Онегина»); более подробно см. в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998/2004].

Н.М. Девятова (2008) соединила синтаксис сравнительных конструкций и проблему образа автора, в частности, соотнесла проблему выбора сравнительного союза с типологией модусов.

Текстовый подход к одной из самых интригующих категорий русского глагола – к залогу – был осуществлен в двух докладах. В.С. Савельев (2002) обратился к анализу залоговых соответствий в греческом и церковнославянском тексте и опроверг общепринятую точку зрения о заимствованном характере церковнославянского синтаксиса. На примере залоговых соответствий в двух переводах (Книги Законные и Закон Городской) одного греческого текста (Византийского Прохирона) докладчик показал, что при переводе книжники ориентировались на норму, свойственную славянскому, а не греческому синтаксису, поскольку церковнославянская конструкция формально повторяла греческую только тогда, когда она не противоречила семантическому строю церковнославянского языка. Если же в тексте существовали серьезные семантические различия, то книжник выбирал модель собственно церковнославянскую, отличную от греческой. В докладе Е.Н. Никитиной (2006) залог исследовался на художественных текстах XIX–XX вв. (Толстой, Андрей Белый). Категория залога рассматривалась с позиций грамматики объяснительной: в связи с позицией субъекта сознания по отношению к действию (инклюзивной либо эксклюзивной), в связи с типом модуса (перцептивный / ментальный), в связи с динамикой / статикой наблюдательного пункта. В докладе обосновывалась идея о том, что для современной грамматики сугубо парадигматический подход уже недостаточен, что категория залога соединяет семантику глагольной основы, типовое значение предложения и текст.

В докладе М.Ю. Сидоровой (2011) в центре внимания оказалась категория времени, которая рассматривалась в связи с виноградовской идеей художественного произведения как модусно-диктумного единства. Применение к фрагментам из классических текстов Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина методики функционально-грамматического анализа позволяет сделать вывод, что движение сюжета - это не только смена событий во времени, но и смена восприятий, а также подтверждает релевантность оппозиции «акциональное – перцептивное – рефлексивное» сознание персонажа для построения системы образов и раскрытия смысла сюжета художественного текста.

Предметом особого внимания В.В. Виноградова была **история изучения синтаксиса** (см. статьи В.В. Виноградова о синтаксистах первой трети XX в. и монографию «Из истории изучения русского синтаксиса», которая выросла из университетского спецкурса), представленная очередным циклом докладов. В.С. Храковский (2010) на конкретных примерах показал, что многие интересные идеи в русской грамматике XIX в. оказались востребованными и актуальными в западной лингвистике XX в. Г.А. Золотова (2005) проанализировала ста-

тьи В.В. Виноградова о синтаксических взглядах А.А. Шахматова и А.М. Пешковского и показала, что высказанные в этих работах идеи сохраняют свою актуальность для современной синтаксической науки. В.В. Виноградов разграничил словосочетание и предложение как единицы номинативную и коммуникативную, уточнил понятие словосочетания, различив присловные и неприсловные связи. Не умаляя заслуг А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, В.В. Виноградов намечал новые пути исследования разных типов русского предложения. Во введении к синтаксическому тому Академической грамматики 1954–1960 гг. В.В. Виноградов предложил свою синтаксическую теорию, которая не была (и не могла быть) тогда полностью реализована. В рамках грамматики описательной синтаксис признавал приоритет морфологической формы, что отразилось как в теории предложения, так и в теории словосочетания. Ни семантический, ни функциональный (стилистический, текстовый) подходы не могли найти применения в грамматике того времени. П.А. Лекант в докладе «В.В. Виноградов о А.А. Шахматове» (2010) рассмотрел положения синтаксической концепции В.В. Виноградова (в частности, теорию предикативности), основой которых явились идеи академика Шахматова. Докладчик прокомментировал виноградовскую статью «"Синтаксис русского языка" академика А.А. Шахматова» и показал, что Виноградов, в целом высоко оценивая вклад А.А. Шахматова в развитие русской синтаксической науки, видел не только сильные, но и слабые стороны синтаксической концепции Шахматова. П.А. Лекант проследил преемственность синтаксических идей – от Шахматова к Виноградову и к современной вузовской науке: шахматовская классификация русских предложений, основанная на противопоставлении двусоставности / односоставности, получила распространение именно благодаря авторитету Виноградова. При этом докладчик отметил, что эта классификация, по мнению В.В. Виноградова, недостаточно последовательно освобождает теорию предложения от «ярма глагольности». С.А. Крылов в докладе «О книге В.В. Виноградова "Из истории изучения русского синтаксиса"» (2010) отметил, что научные идеологии, существовавшие в XVIII–XIX вв., получили терминологическое обозначение в рамках периодизации русской синтаксической науки, предложенной В.В. Виноградовым. Докладчик показал, что если в XIX в. имела место смена научных парадигм, то сегодня различные научные парадигмы и идеологии сосуществуют. С.А. Крылов выдвинул идею, что книга В.В. Виноградова должна рассматриваться как реплика в научном диалоге, реплика против монополии одного научного направления, как активное действие в борьбе с догматизмом.

Несколько докладов в рамках системно-грамматического подхода были обращены к **синтаксической проблематике**.

Н.К. Онипенко (2001) интерпретировала триаду *свободный*, *синтаксически обусловленный*, *фразеологически связанный* (разработанную В.В. Виноградовым для классификации лексических значений) как три степени зависимости единицы от контекста, показала, что эта триада продуктивно использовалась не только в лексикологии и лексикографии, но и в синтаксисе (типология синтаксем по Г.А. Золотовой). Н.К. Онипенко распространила идею трех степеней зависимости единицы от контекста на модели предложений и проследила, как функциональные возможности модели связаны с ее местом (статусом – базовая модель, грамматический вариант, структурно-семантическая модификация, экспрессивная модификация, синтаксический синоним, полипредикативная конструкция) в полевой структуре (центр-периферия).

В докладе Н.К. Онипенко (2006) проанализировала конструкции *(не) видно (виден / видна / видны)* + род./вин. и им. (в текстах Гоголя и Булгакова) и показала, что предлагавшиеся ранее основания выбора им./род., вин./род. п. (например, определенность / неопределенность, конкретность / абстрактность имени и др.) не противоречат друг другу и с точки зрения текста могут быть подведены под более высокую закономерность – наличие в смысле предложения субъекта сознания. Родительный падеж маркирует близость субъекта сознания к субъекту диктума, а претендентом на роль субъекта сознания в художественном тексте становится автор либо герой. Для интерпретации родительного падежа при отрицании в изолированном предложении (например, *Ивана не было в Лондоне*) применяется теория валентности, тем самым она распространяется за пределы пропозиции (диктума) на модус. При таком подходе происходит механическое наложение шкалы индивидности (Я, мне подобные, вещи, пространство) на иерархию падежей: при анализе предложения родительный падеж рассматривается как результат понижения субъекта диктума в ранге, потому что именительному падежу принадлежит Я наблюдателя (не названному в предложении). Наличие в предложении *Ивана не было в Лондоне* родительного падежа объясняется вытеснением за кадр именительного падежа наблюдателя. Полемизируя с теорией валентности, Н.К. Онипенко показала, что модусный субъект (наблюдатель) выражается не именительным, а дательным па-

дежом: *Ивана не было видно на собрании*, что заставляет задуматься о том, плодотворна ли сама идея иерархии падежей применительно к синтаксису.

Я.Г. Тестелец выступил с докладом «Нулевые синтаксические единицы и эллиптические “пробелы”» (2010), в котором рассмотрел понятие «синтаксического нуля» в односоставных предложениях и в полупредикативных оборотах. Докладчик отметил, что в основополагающих работах Балли, Пешковского, Якобсона понятие нулевой синтаксической единицы опирается на те же предположения, что и идея нулевых окончаний (допустим, родительного падежа множественного числа) в морфологии. Ненулевые, фонетически выраженные единицы в грамматике – это *факты*, которые исследователь не может игнорировать. Нулевые единицы – это всего лишь *гипотезы* (инструмент лингвистического анализа), хотя часто очень удобные, и исследователь всегда может принять или отвергнуть идею о грамматическом нуле. Коснувшись вопросов теории и практики выделения нулевых единиц в грамматике, докладчик попытался ответить на вопрос, который когда-то поставил перед собой Роман Якобсон: «Есть ли у нулевых единиц нечто общее, кроме отсутствия означающего?» Я.Г. Тестелец увидел это общее в местоименной сущности синтаксических нулей – не только читаемых парадигматически (0люди и 0стихии; 02ед), но и синтагматически (то, что принято относить к эллипсису).

В докладе М.Я. Дымарского (2010) была предпринята попытка отыскать основания для последовательной типологизации связей в синтаксисе. В качестве первого основания в докладе использовался известный тезис о необходимости разграничивать в синтаксисе связи и отношения. Сочинение и подчинение трактовались М.Я. Дымарским прежде всего как отношения. Предикативное отношение также может быть реализовано предикативной связью (в так называемой координированной предикативной группе), но может обслуживаться и связью простого соположения, не имеющей с нексусом ничего общего, кроме собственно соположения компонентов на синтагматической оси. Второе основание – отказ от презумпции жесткой закрепленности определенных типов связи за определенными типами отношений. Третье основание – интерпретация синтаксической связи как способа актуализации синтаксического отношения. При таком подходе основа искомой типологии предстает как привативная оппозиция а) простого соположения (коннексия) и б) связи, предполагающей некоторые изменения в структуре сочиняемых элементов или появление скрепы (иннексия). Маркированным членом этой оппозиции является иннексия. Внутри последней в свою очередь различаются связи без лексикализованного коннектора и связи с таковым.

В ряде синтаксических докладов обсуждались единицы докоммуникативного и коммуникативного уровня, соотношение коммуникативности и предикативности. М.В. Всеволодова (2003) рассмотрела с позиций функционально-коммуникативной грамматики одну из синтаксических единиц – словосочетание – и пришла к выводу о том, что на коммуникативном уровне (в условиях конкретного высказывания) словосочетание перестает быть только номинативной синтаксической единицей. Оно может включаться в структуру предикации, что выражается интонационным выделением одного из компонентов словосочетания. Основу словосочетания как синтаксической единицы составляют отношения грамматические, а не лексико-семантические; это означает, что в словосочетании могут соединяться слова разных семантических типов – и семантически недостаточные (слова релятивной семантики), и семантически достаточные (абсолютивной семантики). Узкое понимание словосочетания (только как единицы докоммуникативного уровня, как распространенной синтаксемы) не позволяет интерпретировать предложения, в которых зависимый компонент словосочетания включается в выражение отношений предикации. Парадигматический подход к русскому предложению убеждает в том, что интонация и порядок слов повышают коммуникативный статус даже присловных компонентов словосочетания. Это означает, что в условиях конкретного высказывания словосочетание становится полифункциональным. В докладе М.Я. Дымарского (2004) было предложено осмысление коммуникативности как конституирующего признака высказывания. Опираясь на материал «коммуникативных неудач», докладчик показал, что правильные и адекватные целям говорящего высказывания могут не достигать цели только потому, что адресату неясна соотнесенность содержания высказывания с базовыми компонентами речевого акта (адресантом, адресатом, актуальным временем-пространством, предметом разговора и др.). Коммуникативность, считает М.Я. Дымарский, обеспечивается «презумпцией отнесенности», лежащей в основе человеческого общения. Предикативность понималась докладчиком как «явленная коммуникативность», получающая выражение в грамматических средствах времени, модальности и лица. И.В. Галактионова (2010) сопоставила взгляды академика

Виноградова на управление и точки зрения его учениц – В.А. Белошапковой, Г.А. Золотовой и Н.Ю. Шведовой. В докладе было показано, какое развитие в этих концепциях получили идеи, высказанные или поддержанные В.В. Виноградовым, и в какой степени ученицы следовали за учителем, а в какой – отталкивались от его точки зрения. Докладчица отметила, что В.А. Белошапкова предложила признаки, позволяющие характеризовать синтаксические связи как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения (простого и сложного). Г.А. Золотова значительно сузила понятие управления и соотнесла его с разграничением слов абсолютивной и релятивной семантики. При этом она разграничила синтаксические отношения докоммуникативного и коммуникативного уровней. Н.Ю. Шведова выделила из сферы слабого управления именное (позже надежное) примыкание.

Подход к языковым явлениям «от категории» предложен П.А. Лекантом, которого интересовало соотношение в высказывании эмоционального и рационального (доклады 2003 и 2004). Грамматический строй предложения универсален: оформляет мысль, волю, чувства. Рациональное и эмоциональное в высказывании соединяются, переплетаются. Сфера эмоционального находится в непосредственной близости к категории модальности, что делает логичным применение виноградовской методологии в описании языковых средств выражения эмоциональности. П.А. Лекант предложил разграничивать четыре класса экспрессивно-эмоциональных значений: (1) эмоциональная окраска предложения (междометия и «восклицательное предложение»), (2) эмоциональное отношение (представленное вводными словами типа *к сожалению*, *к счастью*), (3) эмоциональная оценка (предикативные наречия в предложениях с инфинитивным подлежащим), (4) эмоциональное состояние (предикативные наречия, выражающие эмоциональное состояние человека в предложениях с дат.п. субъекта, глаголы, прилагательные). Если первый класс включает в себя средства (интонационные и лексические) обнаружения эмоционального состояния говорящего и дальше других «отстоит» от сферы рационального, то 2, 3 и 4-й классы представляют эмоцию дескриптивно, а значит, сближаются с рациональным содержанием высказывания. Особое внимание докладчик уделил виноградовской традиции представления междометий как средств «экспрессивно-драматического выражения эмоций» (определение В.В. Виноградова).

Очередной цикл составляют доклады, объединенные интересом к **морфологической проблематике**. Они посвящены, с одной стороны, проблемам классификации частей речи, с другой – частным морфологическим категориям. Эти доклады опираются на классическую книгу В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», вступая с ней в своеобразный диалог. В докладе Е.В. Клобукова (2007) центральной темой стала интерпретация новаторской для своего времени грамматической классификации слов, предложенной Виноградовым. Его классификация, отличающаяся целым рядом признаков: (1) иерархичностью, (2) категориальностью (на всех уровнях – от самых общих, частеречных, до частных категориальных классов слов и словоформ в рамках той или иной части речи), (3) широким, выходящим за рамки флексии, пониманием формальных морфологических средств, различающих морфологические классы слов, – явилась мощным стимулом для дальнейшей разработки данной проблематики в трудах Г.А. Золотовой, М.В. Панова, А.Н. Тихонова, Н.Ю. Шведовой и других выдающихся грамматистов современности.

Проблема разграничения частей речи связывалась с различением категориальной и функциональной природы разных классов слов. Так, Е.Ф. Киров (2007), показав плодотворность развиваемой В.В. Виноградовым идеи о гибридных частях речи, предложил считать систему частей речи (без учета «частиц речи» в терминологии В.В. Виноградова) русского языка гетерогенной, состоящей из (1) автосемантов (основных частей речи), (2) гибридов (смешанных частей речи), (3) дейктивов (местоименных частей речи). Объекты, неоднократно привлекавшие внимание докладчиков на Чтениях, – предикатив (категория состояния), деепричастие, причастие. П.А. Лекант (2006) говорил о функциональной природе и дифференциальных признаках предикатива, который он относит к разряду «смешанных» частей речи[7]. Деепричастие, по мнению П.А. Лекант (2007), принадлежит системе глагола как особая семантико-синтаксическая категория (имеющая видовые флексии (*-а*, *-в*, *-вши*), залоговые формы, соотнесенная с категорией времени и категорией лица, которые прочитываются через связь с основным сказуемым), в отличие от полного причастия, которое тяготеет к прилагательному.

Система форм глагола рассматривалась в докладе Е.В. Клобукова (2005), который предложил делить предикативные формы глагола на четыре подтипа в соответствии с взаимопересечением двух пар признаков: спря-

[7] См. также доклад А.В. Циммерлинга (2010) о предикативах в цикле «Грамматическая типология и компаративистика».

гаемости / неспригаемости, личности / безличности. Аналитическими глаголами в докладе были названы такие предикативные лексемы, которые выражают свои предикативные значения средствами синтаксического контекста. К классу аналитических глаголов Е.В. Клобуков отнес, во-первых, лексемы типа *толк*, *прыг*, *шмыг* и, во-вторых, *суждено*, *можно*, *нельзя*. Последний тип форм квалифицировался докладчиком как аналитические безличные глаголы.

Ф.И. Панков (2010) прочел доклад «Семантика и синтаксис русских наречий». Наречие, не имеющее морфологической парадигмы, обладает тремя другими парадигмами: позиционной, контекстуальной и актуализационной, каждая из которых может быть как полной, так и дефектной. Докладчик разделил наречные синтаксемы по их синтаксическим возможностям на три класса: свободные, обусловленные и связанные (по Г.А. Золотовой). Наречия формируют собственные категориальные системы значений. Особое внимание было уделено темпоральным наречиям. Как лексические средства выражения времени в рамках функционально-семантического поля темпоральности, имеющего полицентрическую устроенность, наречия формируют ядро своего сегмента, составляющего органичное единство с категориями, формируемыми другими языковыми средствами разных уровней: глагольной, субстантивной, адъективной темпоральностью, сложным предложением, реляторами и др.

«Частицы речи» (по В.В. Виноградову) были представлены в докладе Е.Б. Степановой (1999) усилительной частицей *уж*; материалом исследования послужили предложения из пушкинских текстов, в которых частица *уж* сочетается с частицами *не* и *ли*, в семантике самой частицы *уж* выделены два компонента: (1) указание на несоответствие ожидаемого и действительного и (2) указание на внешнюю (контекстуальную) обусловленность высказывания.

В докладах Т.В. Шмелевой в центре внимания оказались (1) внутричастеречная категория (притяжательные прилагательные) (2007) и (2) глагольная морфологическая категория залога (2005), которая, по признанию В.В. Виноградова, является наименее разработанной и самой запутанной. (1) В литературном языке семантика притяжательности оказывается невостребованной, что соответствует прогнозу В.В. Виноградова: мы предпочитаем семантику общих отношений, выражаемую относительными прилагательными и родительным падежом субстантива, но вне пределов литературного языка форма притяжательного прилагательного проявляет живучесть и активность. (2) Докладчица предложила свою классификацию залоговых преобразований – «расположений», учитывающих типологию пропозиций.

Еще одним направлением работы Виноградовских чтений стала **лингвистическая типология** и **компаративистика**. Типологически дискурсивный подход к традиционно морфологическим категориям обсуждался в докладе В.А. Плунгяна (2004) на материале глагольной категории вида. В.А. Плунгян дал краткую характеристику роли и места дискурсивной теории в современной грамматической типологии и представил историю постепенного проникновения дискурсивных концепций в практику грамматических описаний как славянских, так и неславянских языков. В этом отношении работы В.В. Виноградова, еще в 1930-е гг. разработавшего текстовую трактовку (без использования терминов «дискурс» и «дискурсивный) видо-временных глагольных форм русского языка, оказываются намного опередившими свое время. А.В. Циммерлинг (2010) в докладе «Предикативы и дативные предложения: русистика и типология» соединил тип конструкции с семантикой корня предикатного слова и предложил многоаспектную сравнительную семантико-синтаксическую характеристику русских дативно-инфинитивных и дативно-предикативных структур на фоне подобных конструкций в древнеисландском и современном чешском языках. Докладчик показал, что образование русских предикативов связано с семантикой категории состояния, поэтому не от всех качественных прилагательных можно образовать предикативы; напротив, таких семантических ограничений не знает древнеисландский язык. Е.В. Горбова (2011) говорила о текстовых функциях русского глагольного вида в рамках контрастивного подхода, рассматривая русский вид «в зеркале испанского языка» (на материале корпуса параллельных художественных текстов). В докладе была прослежена общая тенденция передачи имперфективно-перфективных форм испанского глагола (прогрессивного аориста, прогрессивного перфекта и прогрессивного плюсквамперфекта) формой прош. несов. Как результат, можно констатировать сохранение аористического значения у прош. несов., о котором писал В.В. Виноградов в книге «Русский язык». В.Ф. Васильева (2001) представила принципы сопоставительного изучения деривационных структур русского и чешского языков. По критерию «деривационной активности» чешский язык был отнесен к языкам с практически неограниченными возможностями аффиксальных образований, русский – к языкам, в которых аналитические, двучленные наименования преобладают над аффиксаль-

ными дериватами. Наличие смысловых лакун в русском в системе существительных собирательных и абстрактных связано, по мнению докладчицы, с национальной спецификой форм мышления, с тем, что в русском языке понятие смысла имеет более детализированную интерпретацию, чем в чешском: в русском «предметы мысли живут более изолированной в формальном отношении жизнью».

Лексическая семантика обсуждалась в связи с динамическим аспектом: новациями в языке - как современном, так и древнем, в русском на фоне славянских языков, а также исследовались системные межуровневые связи лексической семантики. И.С. Улуханов (2000) выдвинул гипотезу, что своеобразие эволюции церковнославянского языка русской редакции обусловлено прежде всего его традиционностью. Это проявляется в том, что наиболее типичные употребления слова постепенно становились единственно возможными, а единичные - невозможными. Контекстное употребление превращается в системное значение слова, и в этом значении слово нередко выходит за пределы церковнославянского языка. В.Б. Силина (2000) сформулировала критерии выделения старославянизмов на основании сопоставительного изучения данных исторических словарей и предложила считать старославянизмами такие языковые факты, которые как с синхронной, так и с исторической точки зрения не находят соответствия ни в диалектных системах данного языка, ни в системах других славянских языков. Н.М. Ёлкина (2000) обратилась к библейским текстам, чтобы показать, как формировалась расчетно-денежная система и какие лексемы были использованы для передачи соответствующих денежных единиц. Т.В. Пентковская (2009) показала, как в переводном тексте появляются лексические регионализмы. Помимо региональных элементов, принадлежащих архетипу перевода, выделяются локальные лексемы, появляющиеся при редактуре. Регионализация лексики при редактуре возникает под действием различных факторов: это адаптирующий перевод при отсутствии или неточном совпадении соответствующих реалий, стремление к разграничению синонимичных единиц иноязычного оригинала, приведение словоупотребления инославянского по происхождению текста в соответствие с собственной церковнославянской нормой. А.В. Степанов (2005) представил аудитории обнаруженные в архиве профессора МГУ А.И. Ефимова фрагменты рукописи В.В. Виноградова «История значений слов *убедить* и *убеждение* в русском языке». Это текст «объемом 15–16 страниц машинописи и от руки», в котором проблематика семантической истории слов соединяется с важной для академика В.В. Виноградова темой взаимодействия литературного языка и народных говоров. Исследуя разные контексты со словами *убедить* и *убеждение*, автор рукописи показывает весь семантический диапазон этого корня: от значения ‘беды’, ‘физического вынуждения’, ‘моральной принудительности’ (ср. *победный* ‘невезучий’, ‘несчастный’) в глаголе *убедить* до значения ‘твердого взгляда на вещи’ в слове *убеждение*. В докладе С.М. Толстой (2005), посвященном сравнительной славянской семасиологии, были предъявлены результаты исследования семантической истории одного корня в разных славянских языках на примере прилагательного *пресный*. Семантическая сущность слова *пресный* и слов подобного типа (*сухой*, *простой*, т. е. имеющих семантику недостаточности) выражается в докладе терминами «каритив» и «каритивная семантика». Особенность каритивных слов состоит в том, что, сохраняя сему недостаточности, они заполняются тем или иным предметным содержанием (соединяясь с названиями пищи, наименованиями лиц, природных объектов, событийными именами) в разных славянских языках. Таким образом, при внешнем несовпадении лексических значений, слова, восходящие к одному праславянскому корню, удерживают семантическое единство в общем пространстве славянских языков. На материале «Песен» А.В. Кольцова А.В. Степанов (2002) подтвердил гипотезу В.В. Виноградова, который, рассматривая семантику фразеологизма *красный петух*, соглашался с В.И. Чернышевым в том, что это сочетание нельзя считать синонимом слов *огонь*, *пожар*, *пламя*, поскольку оно существует в составе неразложимого фразеологизма *подпустить красного петуха*, что означает ‘поджечь’, и восходит к разбойничьему жаргону. М.Л. Ковшова (2004) показала, что анализ эстетической оценки в семантике прилагательных позволяет определить границы денотативной области прекрасного и безобразного. История развития значения оценочных прилагательных объясняет синкретичность эстетической оценки в их семантике: оценочным прилагательным свойственно «семантическое движение» от этики к эстетике и от эстетики вновь в область этического, а также утилитарного, гедонистического и др. В.З. Демьянков (2009) показал соотношение старого и нового в семантической структуре прилагательных *концептуальный*, *креативный*; *очаровательный*, *пленительный*, *прелестный*. Соотношение лексико-семантической и словообразовательной систем русского языка рассматривалось в докладе И.С. Улуханова (2005) на примере мотивированных и немотивированных слов в

одной лексико-семантической группе. В докладе Е.В. Клобукова (2001) рассматривались окказиональные производные слова (*ВМесте = вместе*, *ВМ – «Вечерняя Москва»*), способ образования которых был назван графической инкорпорацией.

С достижениями современной **лексикографии** слушателей знакомили доклады, посвященные словарям нового типа. В докладе М.В. Всеволодовой (2007) обсуждались первые результаты межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». В докладе были продемонстрированы словарные статьи из «Материалов к словарю русских предложных единиц (предлогов и их эквивалентов). Функциональная грамматика реального употребления. Частично атрибутированный список в диапазоне букв А–И. Неатрибутированный список в диапазоне букв К–Ю». В докладе Л.Л. Шестаковой (2011) основное внимание было уделено «Сводному словарю поэтического языка», включающему лексику десяти поэтов Серебряного века, как источнику изучения индивидуальных поэтических систем. Докладчица представила разные типы словарей, которые относятся к сфере «авторской лексикографии». Историческим предшественником словарей, отражающих особенности языка отдельных авторов, является «Словарь языка Пушкина», ответственным редактором которого был В.В. Виноградов. В докладе А.Д. Шмелева (2001) высказывались соображения о принципах представления прономинализованных имен (существительных с предельно общим, «неопределенно-предметным» по В.В. Виноградову, значением) в будущей лексикографической практике.

Особую ветвь составляют доклады, посвященные **машинной обработке** лексики. В докладе А.Я. Шайкевича (1999) «Лексика пушкинской поэзии (возможности статистического анализа)» были представлены четыре направления статистического изучения пушкинской поэзии: 1) сравнение частот слов с аналогичными частотами во всех сочинениях Пушкина; 2) статистическое сравнение лексики поэзии Пушкина и поэзии его современников; 3) анализ лексики жанровых подкорпусов поэзии; 4) анализ текстуальных связей пар слов. Доклад А.А. Поликарпова (2003) представлял результаты обработки «Компьютерного корпуса русских газет конца XX века». Разработанные в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии программы позволяют выявить лексико-семантические и грамматические особенности разных газетных жанров (в работе было задействовано 23 тыс. текстов, 10 млн словоупотреблений). Сплошной анализ текстов с учетом разграничения предметных и признаковых лексем показал, что информационные жанры характеризуются преобладанием лексики предметной, а публицистические и художественно-публицистические – лексики абстрактной, признаковой. Особым направлением компьютерных исследований корпуса газетных текстов стало изучение дейктических и служебных слов. Подтвердилась гипотеза о том, что частотность предлогов коррелирует с частотностью предметной лексики (в информационных жанрах предлоги многообразнее и употребляются чаще). В докладе Е.В. Ягуновой и Л.М. Пивоваровой (2011) были представлены результаты анализа лексики «Петербургских повестей», «Мертвых душ», «Миргорода» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки», к которым применялась методика вычислительного эксперимента и эксперимента с информантами. Это относительно новое направление исследований показывает, что экспериментальные методы могут успешно сочетаться с творческой интуицией филолога.

Не случайной оказывается в программе Чтений и **фонетическая** тематика: В.В. Виноградов в начале научного пути под руководством А.А. Шахматова занимался изысканиями в диалектной и исторической фонетике. Современные фонетические исследования ставят в центр внимания просодическую организацию звучащей речи, что сближает интересы сегодняшних фонологов и синтаксистов. В докладе Л.В. Златоустовой (2004) обосновывалась необходимость разграничения просодических признаков и просодических единиц: мелодики, интенсивности, длительности, тембра, с одной стороны, и слога, фонетического слова, синтагмы, фразы, фоноабзаца – с другой. В докладе были приведены доказательства соотношения сознательного, бессознательного и врожденного в процессе порождения и восприятия речи; предложена типология базовых просодических единиц на уровне синтагмы, высказывания и текста. С.В. Кодзасов (2001) говорил о необходимости перехода от изучения семантики интонационных конструкций к изучению семантики их компонентов – интонем (акцентов, тонов, долгот), что аналогично принятому в грамматике способу исследования семантики морфем (вида, числа и т. п.). С.В. Кодзасов сформулировал закономерности соотношения в высказывании тонов ремы и темы: семантичным является тон ремы (восходящий или нисходящий), а тон темы адаптируется к нему по принципу «отрицательного согласования» (соответственно нисходящий либо восходящий).

Два доклада посвящены **классификациям лингвистических школ и персоналий** – доклады С.Н. Кузнецова (2001) и В.М. Алпатова

(2009). Идея критического обзора персоналий в лингвистике была реализована самим В.В. Виноградовым в его науковедческих статьях, которые позже вошли в книгу «История русских лингвистических учений»[8].

С.Н. Кузнецов разграничил филологии анализирующие и синтезирующие, описательные и объяснительные, лингвистики принимающие и отдающие. Российское языкознание занимает особое место в лингвистике XX в.: оно соединило анализирующий и синтезирующий подходы, стало источником разных направлений функционализма, дало мировому научному сообществу особый тип ученых, которые в докладе были названы «учеными-мостами» (например, Р.О. Якобсон).

В докладе В.М. Алпатова были охарактеризованы отечественные лингвисты второй половины XIX – первой половины XX в. в аспекте научного приоритета – языкового материала или теоретических построений. Докладчик показал, что выбор научной «специализации» зависит от двух факторов: субъективного (склонности самого ученого, его типа мышления) и объективного (эмпирического или теоретического этапа в развитии лингвистики). В.М. Алпатов отметил, что в самой истории мировой науки, включая русскую, идет постоянная смена приоритетов. Едва ли не в каждой дисциплине чередуются периоды интенсивной работы теоретической мысли и следования устоявшимся канонам, открытия новых фактов и стремления переосмыслить то, что уже известно. И в одни периоды легче работать тому, кто склонен к «подготовке фактического материала», а в другие эпохи ценятся способные обобщать. Как правило, первые выходят на авансцену в спокойные периоды развития уже сложившейся науки, вторые – на самых ранних этапах формирования той или иной дисциплины и в эпохи смены научных парадигм. Говоря о повороте от лингвистики исторической к синхронии, докладчик отметил, что некоторые из ученых старой школы выходили за пределы традиционных исторических сюжетов, как, например, А.М. Селищев, автор известной книги «Язык революционной эпохи». Б.М. Ляпунов не одобрял даже это, объяснив выбор темы «практическими соображениями». Но если мы сравним книгу Селищева с публикациями Е.Д. Поливанова в те же годы, то видно различие. Поливанов при небольшом количестве примеров все время обобщает, строит концепции, прогнозирует, а у называвшего себя «летописцем» Селищева обширный набор очень интересных, но лишь первично обработанных фактов. Отказываясь от «бескрылого крохоборства», «дух времени» мог вести к противоположной крайности полного противоречия фактам, что постоянно происходило у Марра в 20–30-е гг.

Факты долговечнее интерпретаций, а ученые-позитивисты умели их собирать, и многие их труды используются и сейчас. В отличие от других философских течений, позитивизм обладает способностью стихийно возрождаться тогда, когда ученые ограничивают свои задачи накоплением фактов, а в лингвистике и востоковедении, как и в археологии, это накопление не могло прекратиться даже в советское время.

Но как бы ни менялись теории, они в большинстве своем приближают нас к истине, пусть далеко не полностью и с разных сторон (хотя бывают и тупиковые направления вроде марризма). Неизбежно наступают времена кризиса и перелома, когда необходим прорыв в теории, нередко приобретающий характер научной революции; тогда часто не нужно искать новые факты, достаточно по-новому интерпретировать то, что известно. На первый план в развитии науки выходит то описание, то объяснение.

В.В. Виноградов умел на базе анализа собранного материала строить теоретические обобщения, поэтому в истории науки он останется не только как организатор науки, не только как позитивист – собиратель фактов, но и как теоретик.

Итак, Виноградовские чтения в МГУ уверенно вступили в новое столетие. Впереди новые встречи.

[8] Названные выше доклады можно рассматривать в качестве своеобразной реплики на знаменитую классификацию ученых, предложенную в свое время Т.М. Николаевой [Николаева 1990]; далее, в 2011 г., этот сюжет нашел продолжение в докладе П.Б. Паршина о знаменитых лингвистах (доклад был прочитан на Международной конференции «Понимание и коммуникация – 5», проходившей в Москве в феврале 2011 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов 2005 – *В.М. Алпатов*. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.

Виноградов 1975 – *В.В. Виноградов*. Из истории изучения поэтики (20-е годы) // ИАН СЛЯ. 1975. № 3 (http://www.opojaz.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html).

Виноградов 1995а – *В.В. Виноградов*. Вятские будни / Сост. и примеч. А.Б. Гуськовой // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 1.

Виноградов 1995б – *В.В. Виноградов*. «... сумею преодолеть все препятствия...»: Письма Н.М. Виноградовой-Малышевой / Сост. и подгот. текста Г.А. Золотовой, В.М. Мальцевой. Вступит. ст. и коммент.

А.П. Чудакова // Новый мир. 1995. № 1.

Гуськова 1995 – *А.Б. Гуськова.* Письма из ссылки (1934–1936) // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 1.

Золотова, Онипенко, Сидорова 1998/2004 - *Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; 2-е изд. 2004.

Козлов 2011 – *С.Л. Козлов.* Осень филологии // Новое литературное обозрение. 2011. № 110 (4).

Николаева 1990 – *Т.М. Николаева.* Опыт классификации ученых: метод – объект // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.

ПФГ (в печати) – Проблемы функциональной грамматики. СПб., (в печати).

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, Е.И. Никитина

Сведения об авторах:

Галина Александровна Золотова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Надежда Константиновна Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
onipenko_n@mail.ru

Елена Николаевна Никитина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
yelenon@mail.ru